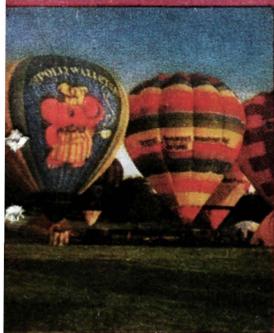

5

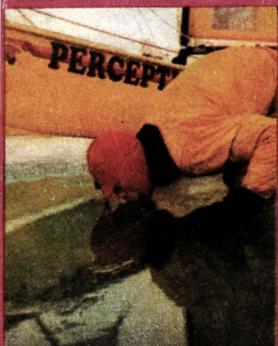
1990

ВОКРУГ СВЕТА

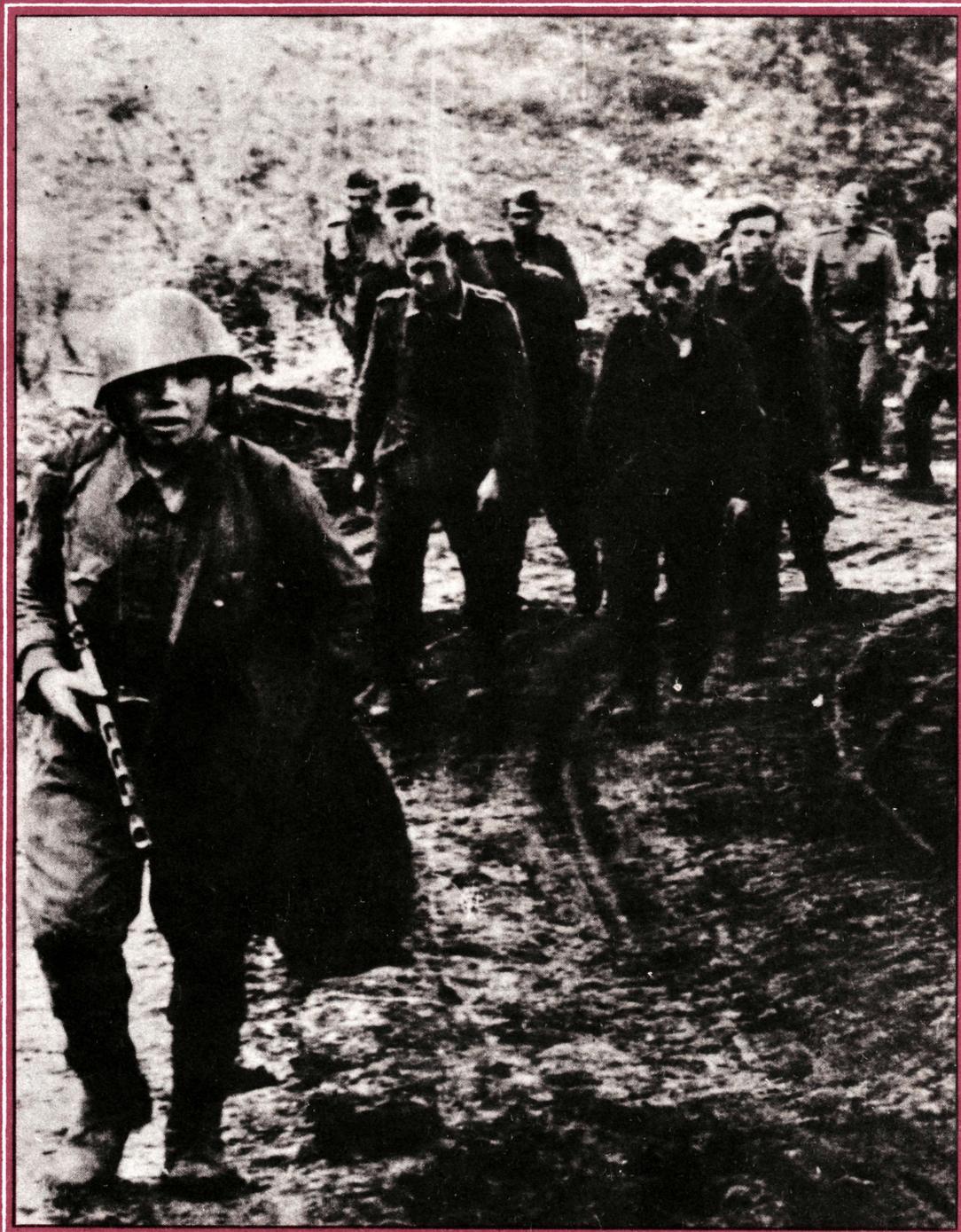
**СЛОН
ПОД ОБЛАКАМИ**

**ДЕРЕВЯННЫЕ
ЛЮДИ
СУЛАВЕСИ**

**ПО ЛЕДОВОМУ
ЛАБИРИНТУ**

**КУЛИГА
ДЛЯ ВОЮЩИХ
ВОЛКОВ ?**

Народ обретает имя

«Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик,— записано в Декларации, принятой Верховным Советом СССР и признавшей незаконными и преступными репрессивные акты, имевшие место в прошлом, против целых народов,— гарантирует, что попрание прав человека и норм гуманности на государственном уровне больше никогда не повторится в нашей стране».

Признаться, публикуя очерк «Скажи свое имя, талыш»¹, мы не ожидали той реакции читателей, которая последовала: две противоположные оценки.

Были письма и звонки в редакцию — обвинительные. Какие только грехи не приписывали нам! И разжигание национальной розни, и невежество, и даже «предательство интересов азербайджанского народа».

Однако были и другие отклики — людей, которые впервые в жизни могли назвать себя так, как назывались их деды и прадеды: талышами. Целые селения подписывали письма. Тысячи людей.

«В моей деревне одних моих родственников около 500 человек, все мы талыши... 50 лет назад закрыли рот талышскому народу. Однако язык «исчезнувшего» народа, его культура не погибли, они живут и сегодня. А после публикации в вашем журнале мы обрели вторую жизнь», — так пишет ветеран войны, отец 13 детей, житель селения, что вблизи города Ленкорань.

Мы не публикуем имена авторов многочисленных писем, сознательно не публикуем. Почему? Ответ — в самих письмах: «Сохраните мое имя в тайне. У меня трое детей. Не хочу оставить их без отца...»

Да-да, все это происходит сейчас, в наши дни.

Случайна ли такая защитная реакция читателей? К сожалению, она не лишена оснований.

«Всесоюзная перепись населения 1989 года в нашем районе проходила под сильным давлением, особенно в талышских деревнях. Партийные, советские и хозяйственные руководители не разрешали писать в переписной лист национальности «талыш». Из Баку приехали специальные группы, они были в талышских селах... В нашем селе живет более 2700 человек, почти все талыши, но только 10—20 человек сумели написать свою национальность... В соседних селах еще хуже».

Кому нужна такая перепись?

И в чем преступление людей, пожелавших назвать свою истинную национальность?

«Мы хотим, чтобы в наших паспортах в графе «национальность» было записано — талыш. Хотим, чтобы перепись велась честно, чтобы не вычеркивали нас из списка народов СССР, чтобы искусственно не уменьшали численность в 100 раз. Хотим учить детей на языке их предков, хотим, чтобы у колыбели в наших домах звучали древние песни талышей».

Естественное человеческое желание...

Помещая настоящий обзор читательской почты, редакция отдает себе отчет в том, что он не всем придется по душе. Но правда потому и нужна, что она исцеляет.

Для восстановления попорченной правды задумана перестройка, собираются Съезды народных депутатов СССР, работает Верховный Совет. Принятой Декларацией о признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов обществу выразило свое отношение к отдельным периодам нашей истории.

Но репрессии, оказывается, бывают разными. Талышей не выселяли — их лишили права на имя.

Теперь мы рады сообщить, что произошли изменения. Как нам писали читатели, в школах Ленкоранского района начинают изучать талышский язык, по телевидению выступал талышский хор. Будет издаваться газета талышей. В столице республики Баку организован их культурный центр... Народ постепенно обретает свое имя.

Недавно посмотрела передачу «Клуба путешественников». Авторы одного из ее сюжетов хотели выяснить, как знают географию жители столицы. Я просто была поражена тем, что почти у всех, кто отвечал на вопросы, отсутствовали элементарные знания карты. Чем это объяснить? Конечно, виновата школа, но и, конечно, средства массовой информации и, в частности, мой любимый «Вокруг света». Скажите, часто ли вы публикуете карты различных регионов Земли? А карты к материалам, рассказывающим о жизни в том или ином уголке земного шара? Вопрос, конечно, риторический. Забывать стали о своей просветительской традиции. А ведь от обилия карт, пусть даже небольших, но выполненных умело, ваш журнал только выиграл бы.

М. Павлова,
Москва

ОТ РЕДАКЦИИ: Читательница права. Сейчас по нашему заданию художники разрабатывают оформленные картографических материалов для журнала. В летних номерах мы начнем широко печатать карты.

Сегодня мой сын Александр вошел в нашу квартиру, расположенную на втором этаже, через балкон. Как я перепугалась! Сначала, думала, взобрался по лестнице, а когда вышла на улицу, то поняла, что карабкался он по стене.

Долго искать причину такого поступка не пришлось. Только позавчера прочитали мы в № 12/89 очерк О. Ивановой о студентах, которые взбирались по отвесным скалам без всякого снаряжения.

Дорогая редакция! Мне кажется, не надо публиковать подобных материалов, а то как бы мой Сашка голову себе не свернул.

Г. Плетнева,
г. Сочи

Прочитал «Дом на Птичьем острове» («ВС» № 12/89) о семье, которая путешествует на собственном паруснике, живет на острове. И тут же показал жене. А то, по ее мнению, путешествия с малышами — вещь невозможная. И сколько я ни убеждал ее в обратном — ни в какую! А ведь польза от таких путешествий несомненна и прежде всего — для детей, которых с малых лет надо приучать жить в ладу с природой.

А. Круглов,
г. Фрунзе

¹ «Вокруг света» № 7/89.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
НАУЧНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

ЖУРНАЛ ОСНОВАН
1961

ПУТЕШЕСТВИЯ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ФАНТАСТИКА

Федор Конюхов снова идет на полюс.

В прошлом году он достиг его вместе с Первой автономной экспедицией «Арктика». В 1988 году — в составе международной трансарктической экспедиции СССР — Северный полюс — Канада. Теперь он идет в одиночку. Группа «Арктика» будет двигаться следом — в ста пятидесяти километрах, тоже на лыжах, осуществляя моральную поддержку и обеспечивая радиосвязь.

Есть ли на планете человек, который бы трижды достиг Северного полюса?

Федор Конюхов — художник, заслуженный мастер спорта СССР, яхтенный капитан. Путешествия стали его жизнью, источником творчества. Он ходил на парусной яхте по маршруту Витуса Беринга, поднимался на Ключевскую сопку, вместе с эскимосами совершил пробег на собачьих упряжках по Чукотке, повторил маршрут Арсеньева и Дерсу Узала по уссурийской тайге, руководил советско-американским велопробегом от Находки до Ленинграда...

Этой зимой, когда Федор Конюхов тренировался в красноярской тайге, его сфотографировал Александр Выхристюк. Для Федора Конюхова и для группы «Арктика» переход 1990 года — это еще один шаг к экспедиции в Антарктиду.

ДОМАШНИЕ ИСТОРИИ

«Овечьих островов»

Автомашина неслась по мокрому асфальту. Мы проехали урочище со странным древним названием Кловин, которое можно перевести как «Расколотый овечий череп», а за ним проскочили по мосту над маленькой речушкой Шатлоа, этимология названия которой любовно нежная: «Тонкий, без шерсти, маленький кусочек овечьей шкуры». И селение за мостом — Вансойрар — «Влажная рассыпчатая земля», и урочище за ним — Джемвин Норара — «Северное пастбище»!..

Эти древние названия с поющими долгими гласными в середине слов появились на Фарерских островах вместе с первыми постоянными жителями, кельтскими монахами-отшельниками из Шотландии. К концу VIII века здесь стали высаживаться викинги.

Каждую весну, с марта по июнь, когда над Северным морем дуют северо-восточные ветры, быстроходные килевые, под прямым парусом, ладьи морских разбойников из Западной Норвегии за два дня достигали Шетландских, а за четыре — Гебридских островов и Великобритании. Гэлов, потомков древнего кельтского населения островов, грабили, сопротивлявшихся убивали, захваченных женщин и мужчин обращали в рабов. Викинги прослышали от гэлов, что севернее Западной Норвегии есть еще земля — по-гэльски «феаранн». Впрочем, фарерцы предпочитают свой вариант — «фэрьяр», что в переводе с фарерского означает «Овечьи острова».

Когда 30 лет назад в Москве вышла моя книга о Фарерах, коллега из Норвегии — профессор Бергенского университета Отто Блэр прислал мне номер фарерского журнала с рецензией на нее, подписанной Валдемаром Далсгором.

Тогда же я послал запрос об авторе в редакцию журнала, и оттуда мне вскоре сообщили, что В. Далсгор находится на курсах усовершенствования русского языка при Московском университете. Там я и разыскал его.

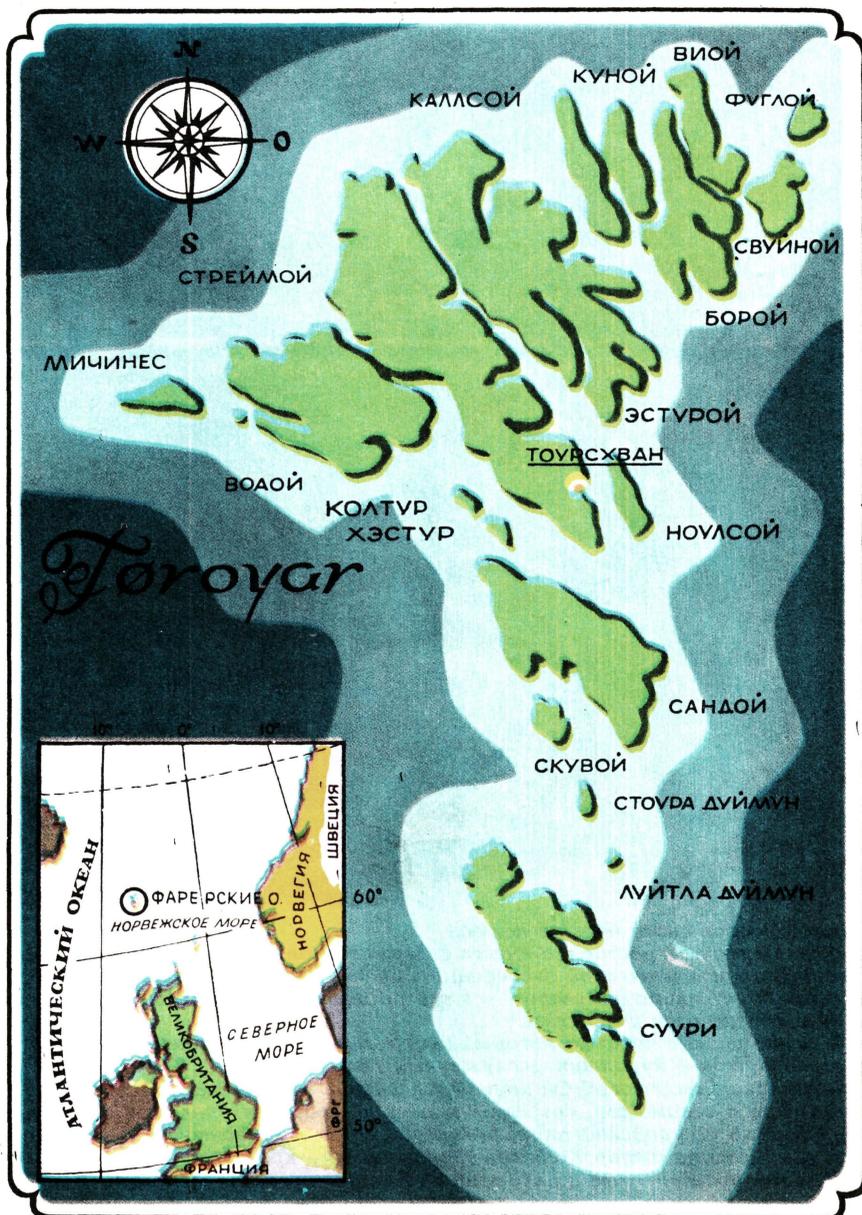
В комнате студенческого общежития, где он жил со своим земляком Андрэ Никласеном, мы поужинали принесенными мною банками китово-

го мяса с горошком (тогда такое еще продавалось в Москве, а это мясо — любимое у фарерцев). На ужине была их сокурсница, чешка Божена, которая в тот же год стала женой Валдемара. Так у меня появились друзья-фарерцы. Появилась у нас и общая работа. Андрэ с Валдемаром впервые перевели с русского

на фарерский избранные статьи В. И. Ленина. Я стал редактором этого издания.

Спустя много лет мы снова увиделись с Валдемаром. Он встретил меня в аэропорту Торсхавна — столицы Фарерских островов. И теперь мы ехали к нему.

— Трэлануйпа! — нараспев вос-

кликает Валдемар, и я с удовольствием вслушиваюсь в музыку древних названий — «Вода южной бухты».

Далее шоссе мчится по северному берегу, который носит многозначительное имя Лайтисватн — «Предел видимого над водой».

Конечно, Фарерские острова — это не райский уголок Земли. Хотя фарерцам они представляются настолько замечательными, что мало кто из местных жителей эмигрирует. А фарерский писатель Йорген Франц Якобсен не без юмора заметил, что если бы на Фарерских островах был климат острова Капри, люди не ездили бы на Капри. Но на Фарерах 280 дней в году льют дожди. Там нет никаких полезных ископаемых, кроме строительного камня, небольшого количества бурого угля, на разработках которого сегодня работает лишь шесть человек. Этот уголь никому на островах не нужен, его продают в небольших количествах причаливающим к островам кораблям.

Есть еще торф, правда, ради сохранения пастбищ его категорически запрещено разрабатывать.

На островах нет естественных лесов. Растут лишь травы, мхи, лишайники. Зато великое множество пернатых, особенно водоплавающих. Раньше водилось на прибрежных скалах много тюленей, заходят и ныне в бухты киты-гринды.

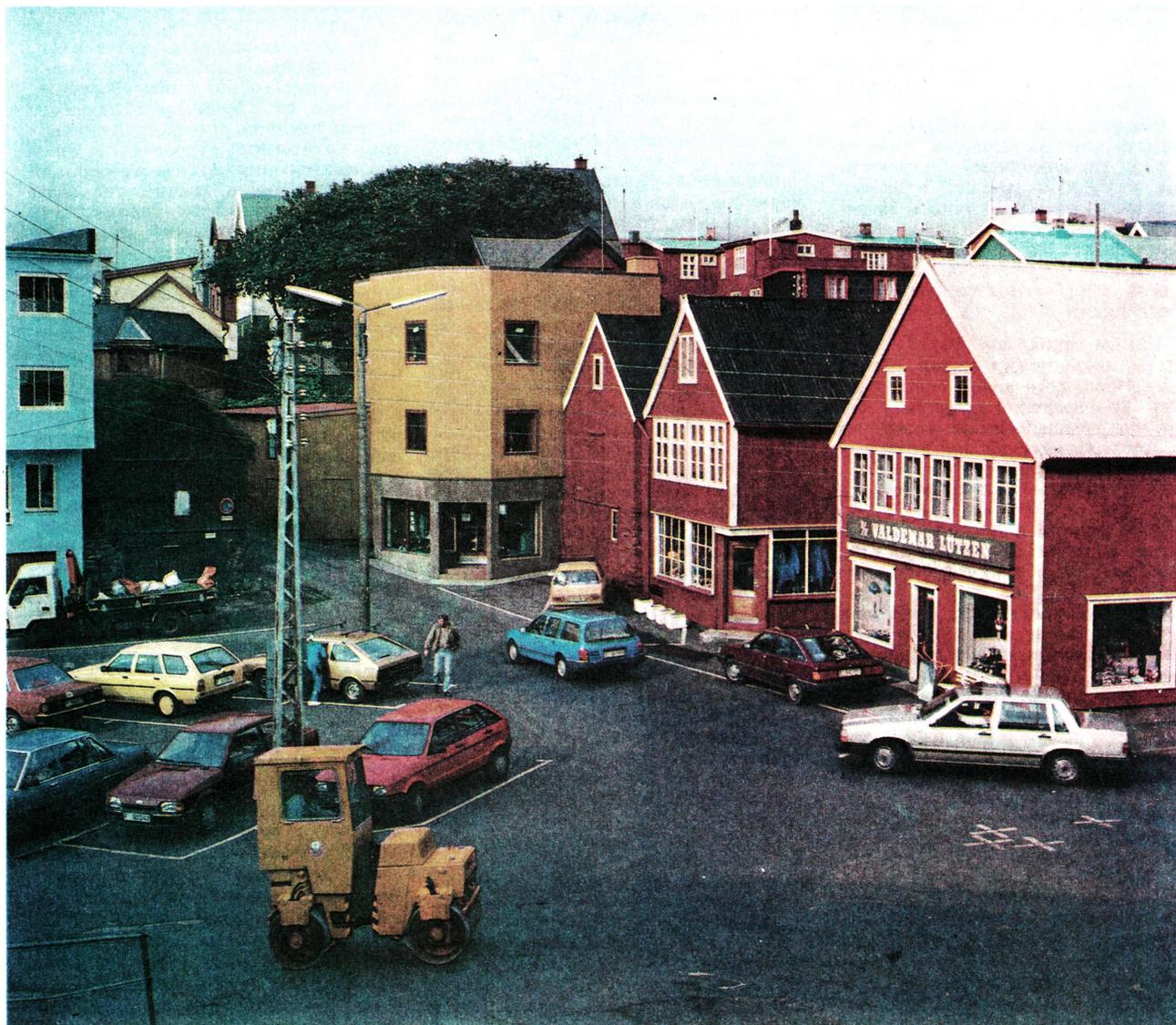
А человек завез сюда овец, коз, крупный рогатый скот, лошадей, кроликов, домашнюю водоплавающую птицу, кошек, собак и случайно попавших в мешки с зерном мышей и крыс. В последние двести лет здесь стали выращивать картофель и варить варенье из ревеня...

Пастбища, как известно, не растягиваются. Если овец много, то они съедают всю траву, вытаптывают почву — пастбище превращается на десятилетия в мертвую зону. На всех островах можно содержать не более 70 тысяч овец. Население росло, и начиная с XVIII века фарерцам при-

шлось заняться ловлей птиц, промыслом тюленя, гринды и рыболовством.

Мы катили по берегу залива Мивавур, что означает «Средний залив». В эти воды чаще всего заходят из океана стада гринд. Вяленое мясо гринды ценят как деликатес и даже не всякого гостя этим лакомством угостят.

Каждый раз, когда крупное стадо доверчивых гринд войдет в залив, фарерцы оповещают об этом своих соседей. Еще четверть века назад гонцы бежали по тропам из селения в селение, а на берегу разжигали костер, который был хорошо заметен и рыбакам в море, и жителям других островов. Раньше на гребных, а теперь на моторных лодках фарерцы перекрывают выход из залива, гонят испуганных животных к мелководью, где и добивают их гарпунами и ножами. Кровь окрашивает воду во всем заливе. Я видел такое побоище лишь на картинах и фотографиях, но однажды присутствовал на разделке туши

гринды у родного брата Валдемара. — У нас гринда бесплатна! — с гордостью говорил Валдемар, имея в виду традицию рыбаков-удачников делиться с родственниками, живущими даже на других островах. Земля в Хойвуке — «Сенном заливе» — на северной окраине города Торсхавна датские предки Валдемара получили в аренду в прошлом веке.

Земли были изъяты датским королем у католической церкви и розданы в аренду крестьянам, которых с тех пор называли — королевскими крестьянами. А фамилия род Валдемара унаследовал от названия участка — Далстор: «Усадьба, или хутор в долине». Сейчас на этой земле два дома: родовой, во владении Валдемара, и новый — его брата садовника Симона.

Под дождем мы вошли в трехэтажный старый дом. Первый этаж по традиции — складское помещение, у Валдемара здесь и ванная с душем; у многих других — гараж для двух-четырёх автомашин. Я не рискнул распределить привезенные из Москвы подарки без Божены, которая должна была вернуться из Греции через шесть дней, лишь вручил дочерям, Медуночке и Маечке, любимые ими тульские пряники.

Младшая дочь Валдемара и Божены, трехлетняя Мирочка, носилась босиком по каменному полу коридора, и, судя по реакции взрослых, это было для нее привычным. Наверное, дети здесь здоровее наших. К тому же воздух на островах не заражен дымами предприятий, а электроэнергия вырабатывается гидроэлектростанциями.

— Мира тебя не будет понимать! — предупредил меня Валдемар. — Наши дети до школы говорят лишь по-фарерски. Датский — первый иностранный язык, второй по выбору — английский или немецкий. Их мало кто толком знает, а уж о твоём норвежском и говорить нечего...

— Ну, это ты напрасно, — остановил я Валдемара. — Когда я буду уезжать, Мира будет разговаривать со мной.

Стараясь сохранять серьёзный вид, я обратился к Мире, подбирая однокоренные норвежские и фарерские слова:

— Говоришь ли ты по-норвежски вот так: ц-ц-ц?

Лупоглазенькая (вся в папу!) Мирочка посмотрела на меня большими немигающими глазами, с досады извлекла правой ручонкой соску из рта (левой держала маленький рюкзачок за ляжки) и сказала решительно под смех взрослых:

— Ц-ц-ц!..

Она деловито вытащила из рюкзака коробочку для бутербродов, показывая, что коробочка уже пуста. Няня в детском саду следит, чтобы дети съедали свои домашние припасы, — там еду для детей не готовят. Практичный ребенок!

С утра все покидали дом — Валдемар отводил Мирочку в сад и оттуда шел в гимназию преподавать фарерский и русский языки, обе старшие дочери убежали в школу, я тоже уходил на весь день. В мокром парке Виарлунд, то есть «Скандинавская тайга», который фарерцы разбили более ста лет назад, в искусственном пруду плавают дикие утки, выпрашивающие корм у редких прохожих, выходят на берег и, галдя, идут вперевалку следом. На одном из естественных возвышений дикого парка стоит монумент, воздвигнутый в 1956 году норвежским скульптором Коре Орудом в память о 212 фарерских рыбаках, погибших в годы второй мировой войны. Рыбаки ловили рыбу для себя, для английских гарнизонов, несших службу на островах с 1940 по 1945 год, и для продажи в Англию. Их расстреливали с фашистских самолетов.

Как-то к вечеру появился Андрэ Никласен — друг Валдемара, с которым мы не виделись лет тридцать.

— Был занят! — сообщил он как ни в чем не бывало, когда вез меня с Валдемаром к себе в гости. — Вот здесь капиталист живет. Его домина стоит миллион два кроны! — Он кивнул на роскошный дом, мимо которого мы проехали.

Я вспомнил об этом позднее, когда через несколько минут увидел своими глазами трехэтажный особняк Андрэ. Внизу стояли три легковые автомашин: японская «тойота» его жены Фредерикой, «форда» старшей дочери и автомашина брата, который живет на первом этаже. Жена и старшая дочь — акушерки, сам Андрэ — переводчик с русского и немецкого языков, постоянная его работа теперь — в агентстве печати «Новости» в Копенгагене.

Второй этаж, как обычно, для приема гостей. Третий — для семьи, там лишь спальные комнаты. Стол отменно сервирован женой хозяина Фредерикой — статной, высокой женщиной, в каждом ее движении — уверенность, подчеркнутое достоинство. Андрэ такой же, как и раньше: спокойный, неразговорчивый и расудительный.

Но за те годы, что мы не виделись, его коммунистические убеждения заметно изменились. Он понял, что «развитой социализм» в СССР оказался совсем не таким, каким его представляли там, на Фарерах. И сейчас он уже не член коммунистической партии, седьмой по счету на архипелаге.

— Товарищ! — часто спрашивает он меня. — Неужели у вас в стране были концлагеря и все то, о чем пишут в ваших газетах и на Западе, — правда?..

После такого вопроса я удивленно смотрю на него — он-то уже два десятилетия знает, что я сидел в таких концлагерях и вышел оттуда инвалидом!..

Было уже за полночь, когда Фредерика на «тойоте» в сильный дождь доставила меня с Валдемаром к его дому в Хойвуке — у Андрэ была срочная работа. Впрочем, через несколько дней мы отправились с ним в Чирчубэвюра — «Церковный земельный участок».

— Вот дом, построенный Трондюрм Патюрссоном — правнуком королевского крестьянина Иоаннеса Патюрссона. — Андрэ ткнул пальцем туда, где стоял добротный бревенчатый дом.

Я знал, что Иоаннес Патюрссон — основоположник фарерского национального движения. Сто лет назад он выступил за культурную автономию, а в 1906 году создал партию самоуправления. Но и имя его правнука Трондюра мне было хорошо известно — в 1977 году на кожаной лодке «Брендан», построенной ирландцами по древним образцам, он в составе экспедиции прошел из Ирландии мимо Фарер и Исландии на Ньюфаундленд. Сейчас в двух рубленых домах Патюрссона разместились музей традиционного интерьера фарерцев XIX века.

К нам подошел мужчина в плотном коричневом свитере и в джинсах, рыжеволосый и рыжебородый. Это был сам Трондюр Патюрссон, путешественник, художник, скульптор, архитектор, строитель (каменщик, плотник, столяр). Он же — опытный птицелов, а значит, скалолаз. Ведь для того, чтобы наловить тупиков, кайр, глупышей — мясо всех птиц традиционно входит в меню фарерцев, — приходится взбираться по головокружительным уступам.

Почти двадцать лет назад, когда Андрэ у меня в гостях в Москве узнал, что я альпинист, он воскликнул:

— На Фарерах есть крупнейшая в Европе скала, обрывающаяся в море, называется Эннибэрг. Туда никто еще не поднялся!..

Я давно по картам и снимкам в книгах разобрался, что скала находится на самой северной точке архипелага, на острове Вий: с высоты 750 метров обрывается «вертикальное лезвие».

— Пойдешь с Генрихом на Эннибэрг? — наступал Андрэ на Трондюра, едва мы познакомились.

— Я посмотрю, как он пойдет! — хмуро ответил птицелов после недолгого молчания.

Трондюр был прав: Эннибэрг весь в узких наклонных карнизах, засиженных тысячами водопадающих птиц. Здесь их гнезда, птенцы, яичная скорлупа, здесь трава скользкая, от птичьего помета, размытого дождями. Птицелову же необходимо еще держать одной рукой специальный сачок, имеющий трехметровое древко. Однако если подплыть к скале на лодке и затем подняться всего на несколько метров, то можно спокойно собирать яйца из гнезд или ловить птиц на лету.

Праздник в городе Воавур в честь столетия приобретения первого мореходного рыболовецкого судна.

Маяк Акрабэргт на острове Суури.

Мои новые знакомые на Фарерах часто помогали мне выбираться на соседние острова.

— ...У меня пенсия минимальная, — говорила в Твэрэйри за ужином 66-летняя Марлен Томсен.

К ней на ночлег меня забросил во время двухдневной поездки на остров Суури ее сорокалетний сын Эгон. Он — преподаватель труда в училище города Воавуре.

— Я не отчисляла дополнительно из заработной платы денег на более высокую пенсию, — пояснила мать Эгона. — У меня три тысячи триста крон...

Названная ею сумма соответствовала тремстам рублям в месяц — выше, чем моя заработная плата старшего научного сотрудника академического института.

— Да, да, три тысячи триста крон, — подтвердила Марлен. — Я работала уборщицей. А вот мой муж Илиас...

— Я сам могу сказать, — с достоинством прервал 68-летний фаререц могучего сложения. — Я мог получать такую же, как жена, пенсию, ибо тоже не отчислял деньги из заработной платы на повышенную пенсию. Я работал ночным сторожем на пароме и подумал, что спать на пароме я могу и сейчас. Поэтому я не ушел на пенсию, получаю свои 15 тысяч крон в месяц. Если паром ночует в Твэрэйри, я хожу из дому пешком — причал совсем рядом. Если в Воавуре, то езжу на своем мопеде. Мы еще увидимся. А сейчас я пошел дежурить на паром...

— Могу пояснить, — включился Эгон. — Налог у нас составляет от 35 до 50 процентов. Но у нас высокая исходная заработная плата. У меня шестеро братьев и сестер. За работу каждый из них получает от 12 до 15 тысяч крон в месяц. Мой брат Бьярчи, старший механик, получает больше. Креветок, которых мы едим, ловят с его судна. Но ни один чиновник не получает больше, чем 20—25 тысяч крон в месяц. С этой суммы — максимальный процент налогов. Только врачи получают больше, например, главный врач Фарер — до полумиллиона крон в год!

— Ты в Твэрэйри — первый русский, — доверительно сказал Эгон, — русских у нас не любят. В основном за то, что вы создаете непосильную конкуренцию нашим рыбакам вокруг архипелага. Русские ловили сельдь, и сельдь исчезла.

В Москве я получил письмо от моих фарерских друзей. Как всегда, они писали только о домашних делах. Божена родила 14 марта четвертую дочь — вес 3 килограмма 100 граммов, рост 56 сантиметров. Валдемар пасет трех других дочерей. Старшая, Медуночка, прошла 12 марта конфирмацию. Эгон Томсен шлет приветы от себя и своих родителей.

Фарерские острова

Не попавшие в сводку бои

Николай Григорьевич Орлов, наш давний автор, относится к тому поколению людей, которые прошли свои жизненные университеты на горестных дорогах войны. Девятнадцатилетним командиром танковой роты он первый свой серьезный бой принял в Сталинграде. Естественно, что многое в его повествовании отражает взгляды и настроения людей того поколения. И все же спустя сорок пять лет, сегодня, в пору отброшенных догм, он пытается осмыслить пройденное и заострить внимание на тех событиях и деталях войны, о которых мы привычно не задумывались долгие мирные годы.

...**Л**ето 1942 года. Второй год войны. На дальних подступах к Сталинграду идут кровопролитные сражения. Гитлер поставил цель во что бы то ни стало захватить Сталинград, перерезать Волгу.

Тут, кажется, все ясно... Мы отстояли, мы окружили, мы разгромили и пленили. И все же, все же... есть вопросы. В чем же их суть? Да в том, что официальная история войны и

мемуарные источники, подробно раскрывая весь процесс многомесячной битвы за Сталинград, битвы поворотной в судьбе Родины, совсем или почти совсем умалчивают о самых трагических ее первых минутах, часах, первых пяти-шести днях.

Сталинград тонкой линией вытянулся на много километров вдоль правого берега Волги. Жаркий воскресный день — 23 августа. Работают магазины, рынок, кино, театры. Пых-

тят трубы гигантских заводов. Казалось, ничто не предвещало подкрадывающейся беды. И вдруг, как гром с ясного неба, яростный рев заводских гудков, тревожный голос радио: «Враг у ворот. К оружию!»

На защиту города поднялись рабочие, курсанты учебных подразделений — все, кто мог носить оружие. С ними и мы, танкисты 21-го учебного танкового батальона при танковом заводе. Батальон готовил марше-

вые роты для отправки на фронт. А фронт оказался рядом. Почему же?

Да потому, что с утра 23 августа немцы, прорвав оборону наших войск, устремились с донского плацдарма к Сталинграду. Ударным кулаком 6-й армии Паулюса был 14-й танковый корпус. В его авангарде шла 16-я танковая дивизия. Цель — захватить город с ходу.

Уже во второй половине дня передовые части этой дивизии вышли к Волге недалеко от тракторного завода и овладели на ее высоком берегу деревушкой Рынок и поселком Спартановкой. Вот-вот ворвутся с севера в город, охваченный сплошным огнем.

А регулярных войск в городе нет.

Какая же сила помешала врагу ворваться в город?

С утра 24 августа после ночной передышки враг готовился нанести удар с севера — от Рынка по тракторному заводу. Однако уже с вечера, то есть накануне, танкисты батальона вступили в бой. Пока по запоздалому зову городского комитета обороны собирались истребительные и рабочие отряды, подразделения охранных частей, комбат 21-го майор А. Гирда, не ожидая команд сверху, выдвинул танки батальона и пешки танкистов на рубеж Сухой Мечетки и к Орловке, организовал атаку на Спартановку и Рынок. Позже в эту мясорубку вливались новые силы. Со складов завода выдавалось оружие. В ход пошли танковые пулеметы, из танкостроителей формировались экипажи. Было так: танк готов и прямо из ворот — в бой. И все это под огнем артиллерии и минометов, под непрерывными ударами авиации, в сплошном огне и дыму. Страшно было смотреть, как горел город. Кромешный ад, и только. А вражеские стервятники снова и снова накатывались волна за волной. Между тем высшее военное руководство очень медленно принимало оперативные меры. Почему-то только в ночь на 24 августа было доложено Верховному командованию о трагических событиях под Сталинградом, о прорыве врага к Волге. Директивы же сверху о мерах по спасению города пошли только с утра 24-го. И еще. Трое суток шли уже ожесточенные бои у северных ворот города, истекали кровью отряды народного ополчения. А городской комитет обороны, возглавляемый первым секретарем областного комитета партии А. С. Чуйновым, только 25 августа объявляет город на осадном положении. Какая непростительная нерасторопность в той трагической обстановке!

Пока заседали, писали бумаги, спорили в разных эшелонах власти, народ не за страх, а за совесть, без директив и приказов уже бился с врагом. Бился насмерть. За цену не стоял. Хотя цена была — жизнь. Уже к исходу первых суток боев за-

воды — тракторный, «Баррикады», «Красный Октябрь» выставили около двух тысяч вооруженных рабочих. Более сорока танков с экипажами из рабочих без промедления вступили в бой.

Вначале наибольшая угроза городу была со стороны Орловки. Поэтому майор Гирда и направил прежде всего сюда две роты Т-34. Командирами их были лейтенанты Морев и Барановский. Они-то первыми и встали на пути самой крупной танковой колонны немцев. Огнем пушек, пулеметов и гусеницами крошили немцев. Танками перекрыли узкий проход в глубоком овраге. Прибыв сюда со своей ротой, я ужаснулся картины, которая открылась перед нами. Подбитые и горящие танки, наши и немецкие, сплелись в один клубок. Все перемешалось. Но дуэльный танковый бой не умолкал. Мы подоспели кстати. С ходу нанесли удар по танкам, заходившим в тыл роты Морева.

У Орловки враг остановлен. Но много погибло танкистов, среди них мои друзья Морев и Барановский.

В районе Рынка обстановка обострилась. Оттуда враг вот-вот мог ударить вдоль Волги на тракторный. Небольшой маневр — и мы снова у завода. Наша задача — захватить Рынок и отогнать немцев от Волги. И, конечно, без поддержки огня артиллерии и авиации. Берем курс на Рынок. Справа обрывистый берег Волги. На Сухой Мечетке обгоняем группу вооруженных рабочих. После нескольких залпов из танковых пушек вместе с рабочими врываемся в Рынок. Немцы отступают. Закрепляемся и готовимся отражать атаки. А здесь приказ: рабочих оставить в Рынке, а танкам идти к хутору Мелиоративному. Там наши зажаты немецкими танками, а самолеты навязчиво, как шмели, висят над их головами. Гоняются чуть ли не за каждым танком. Появились раненые, много подбитых танков. Голова ходит кругом. Уйдем — немцы снова захватят Рынок. Разве рабочие с одними винтовками и гранатами устоят? Так и случилось: только танки вышли из Рынка, а немцы тут как тут. Побежали наши братцы. Да и понять их можно. С винтовками против танков не устоишь.

Время идет. Подкралась южная ночь. Включаем фары и опять вперед на Рынок. Смешно, но это так — с фарами. Выбитые из Рынка рабочие отряды опять с нами. Кое-кто на ходу усаживается на танки, за броню башен. Как ни старались, а немцев не выбили. Откатываемся к заводу. Приводим себя в порядок. С утра все сначала. Впереди на позиции копошатся рабочие. К ним на буксире подтягивают с завода неходовые танки и отдельные башни. Стрелками в них сидят заводские рабочие. Роту усилили танками. Экипажи тоже из рабочих в спецовках. Завтра вместе в бой. Подошел к од-

ному экипажу. Батюшки мои, да это же наши знакомые! Под их началом собирали танки. Разговорились. Оказывается, Иван Москалев уже побывал в Рынке. Легко ранен, но остался в строю.

На душе тревожно. Надо многое успеть. Особо много хлопот с горючим; снаряды, харч, раненые — где достать, на чем подвезти? В войсковых частях все ясно, штатный тыл. Он напоит и накормит. Раненым окажет помощь. Погибших предаст земле. У нас же тыла нет, а с утра в бой. Наспех собранная разношерстная группа с криком — «Ура! За Родину! За Сталина!» ринется в атаку на Рынок. Да, и «За Сталина!». Шли на врага не за страх, а за совесть, шли в бой за город свой, за отчий дом, за Родину.

Заводчане подвозили горячее, снаряды и патроны. Харчи подносили жены и дети рабочих. Искали своих в темноте. Слышались женские голоса: «Эй, Петро, ты где?», «Ванюша, отзовись!», «Ребята, моего не видели черта старого с тараканьими усами!» И нас, танкистов неприкаянных, подкармливали чем могли. Не все отзывались на зов близких. Не все вернулись живыми из первых атак. Ведь в бой шли совсем не обстрелянные люди.

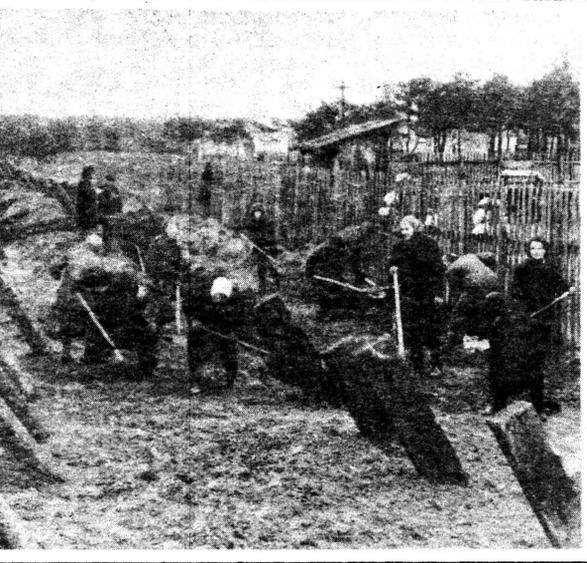
Пришла радостная весть: к утру прибудут моряки. Поднялась настроенность. Еще бы! Морские пехотинцы черту голову скрутят.

Как условились, ровно в семь ноль-ноль почти от заводских ворот на высокой скорости атакуем Спартановку. В цепи рабочие отряды. И тут во всю мощь несется протяжное «ура»... Наконец-то вот они, долгожданные! Видим, как с катеров соскакивают моряки, с ходу образуют цепь, догоняют танки и с пением «Интернационала» атакуют с винтовками наперевес. Бескозырки с развевающимися лентами, тельняшки, бушлаты — все это на фоне атакующих рабочих отрядов выглядело впечатляюще. За войну пришлось немало ходить в атаке. Но такой, как эта, больше не видел.

Выбили немцев из Спартановки. Пошло дело! Немного перестроились — и с ходу на Рынок. Противник растерялся, не выдержал огня и стремительной атаки. Рынок захвачен и очищен от немцев.

Но ожесточенные схватки не утихали. Рынок то сдавали, то вновь возвращали. Танковая дуэль, броски врукопашную, атаки и контратаки, плач и стон — все это стало нашей повседневной жизнью на берегу Волги, у самых стен Сталинграда. Позже немцам удалось все же захватить тракторный завод, да и почти весь город. Но Рынок... Рынок до конца Сталинградской битвы оставался в наших руках.

Ух, как донимала немецкая авиация! С рассвета и до захода солнца ожесточенно бомбил город. Не могла

В нашей семье полвека хранится большой архив отца, фотокорреспондента газеты «Известия» Павла Трошкина. Это сотни фотографий и негативов. События на Карельском перешейке, в степях Халхин-Гола, героические сражения Великой Отечественной войны — битвы под Москвой и под Сталинградом, Курская дуга, форсирование Днепра, освобождение Крыма запечатлела «лейка» фронтового газетчика. В 1944 году в перестрелке на дороге под Станиславом (Ивано-Франковск) отец был убит бандеровцами. Похоронили журналиста майора Павла Трошкина с воинскими почестями на Холме Славы во Львове.

Снимки, которые вы видите, публикуются впервые.

Карина Савельева (Трошкина)

не вспомнить о зенитчиках. Их враг — авиация. Но в те дни главным их врагом стали танки. Они их встретили первыми, огнем прямой наводки расстреливали в упор. Бесстрашно, хладнокровно. Как-то я сказал одному командиру батареи: «Не перебей всех, оставь и нам на закуску». А он: «Лейтенант, чего-чего, а этого добра на всех хватит». Оказался прав: хватало, и с избытком.

Спрашивается, почему же в городе не оказалось частей противотанковой артиллерии? Прорвался танковый корпус, а встречают зенитчики да ополченцы с гранатами. Головы они сложили опять-таки из-за ошибок и просчетов командования, взявши на себя задачу, которую должны решать другие.

Бои на подступах к заводу продолжались. Ожесточение их то спадало, то вновь вспыхивало. Нас все время подбадривали: вот-вот подойдут регулярные части. Шел пятый день боев. А помощи все не было. Да и понятно. На других участках огромного фронта под Сталинградом шли еще более ожесточенные сражения.

И только 28 августа прибыла 124-я стрелковая бригада полковника С. Горюхова и взяла на себя ответственность за оборону северной части тракторозаводского района. Такова правда тех трагических дней, такова роль первых защитников волжской твердыни.

Вспоминая эти суровые события, думаю, а могли бы не лить столько крови, могли бы не приносить столько жертв в далекие августовские дни сорок второго?

Думается — могли. Могли, если бы не крупные просчеты в руководстве всем ходом событий на сталинградском направлении. Говорят: 14-й танковый корпус немцев прорвался к Волге внезапно. Но разве командование, начальство не знало, что ударная группировка шестой армии Паулюса форсировала Дон и захватила оперативный плацдарм? Разве трудно было представить, что цель Паулюса — Сталинград? Однако кардинальные меры не были приняты.

Конечно, рядовым труженикам войны в то время было не до стратегии, они приняли удар на себя, остановили врага, не пустили его в город. К большому сожалению, об этом в сводках почему-то не сообщалось. А надо бы!

А как же этот миг Великой Отечественной отражен в нашей официальной истории и в мемуарной литературе? Да почти никак. Ведь это же были не попавшие в сводки бои. Ни слов, ни имен. А если и упоминается, то настолько скромно и подчас невнятно, что подвига простых людей не усмотришь и через лупу.

Так, маршал Г. К. Жуков в своих воспоминаниях и размышлениях о тех чрезвычайных событиях пишет: «После многодневных ожесточенных сражений 23 августа 14-й танковый

корпус противника прорвался в район Вертячего и, рассекая сталинградскую оборону на две части, вышел к Волге в районе Латошанка — Рынок».

Вспомним, что 16-я танковая дивизия немцев захватила Рынок во второй половине дня 23 августа. Именно в этот день, несмотря на варварское разрушение города вражеской авиацией, отряды рабочего ополчения и истребителей, танкисты учебного центра, зенитчики остановили танки и автоматчиков этой дивизии. А об этом ни слова.

Далее маршал Жуков пишет: «Утром 24 августа часть сил 14-го танкового корпуса противника перешла в наступление в направлении тракторного завода, но безуспешно. Здесь в ожесточенных боях приняли участие вооруженные рабочие сталинградских заводов».

Эта мысль маршала, хотя и полнее первой, но далека от истины. Так, если с утра 24 августа велись «ожесточенные бои», а рабочие только приняли в них участие, то законен вопрос: кто же вел эти бои? Со стороны противника ясно. Ну а с нашей? Частей и соединений регулярных войск в первые дни прорыва немцев, как известно, в северной части города не было. Первая регулярная воинская часть, то есть 124-я стрелковая бригада, прибыла сюда только 28 августа. Да и 282-й полк, к тому же охранный, 10-й дивизии НКВД в этом районе появился только в тот же день.

Правда же в том, что со второй половины 23 по 28 августа 16-й танковой дивизии немцев противостояли танкисты учебных батальонов, рабочее ополчение, истребительные отряды, морские пехотинцы. Они-то и вели «ожесточенные бои», о которых лишь упоминает маршал Жуков.

Что же говорится о 23 августа в «Истории второй мировой войны 1939—1945»? Читаем: «В районе тракторного завода, где шли в тот день наиболее ожесточенные бои, путь авангардным частям врага преградил 282-й стрелковый полк войск НКВД и истребительный отряд сталинградских рабочих, среди которых было немало участников обороны Царицына». Вот те и на! Здесь путь врагу преградил уже 282-й полк НКВД. А прибыл этот охранный полк в этот район только на пятый день боев... И, конечно, без танков, без артиллерии и вообще без тяжелого оружия. Танкистам учебных танковых батальонов, экипажам из рабочих, частям рабочего ополчения, составившим костяк первой обороны, в «Истории...» места не нашлось. Зенитчикам, первыми встретившим вражеские танки, — тоже.

А вот на обелиске, установленном на правом берегу Сухой Мечетки, почти в центре тех событий, начертано: «Здесь 25 августа 1942 года первыми вступили в бой и остановили вражескую танковую колонну бойцы и командиры 21-го отдельно-

го учебного танкового батальона». Это в памяти народной останется навечно.

Как рядовой участник событий тех жарких августовских дней свидетельствую, что это истинная правда. Свидетельствую и то, что люди, будь они в военной форме или гражданской одежде, люди, с которыми я шел в бой, обладали величайшими нравственными и духовными силами.

...Осень 43-го года. Полвойны позади. Наша 27-я гвардейская отдельная танковая бригада после глубокого рейда по тылам отходившего врага вышла к Днепру.

Полковник Н. Бриженев собрал офицеров. Они только что отмылись в днепровской воде от пыли и копоти. Стоим на пригорке почти у самой кромки отлогого восточного берега Днепра.

— Ориентирую, — начал комбриг. — На том берегу справа деревня Бородаевка; слева — Доматкань. Сзади — Старый Орлик, — показывает он рукой. — Они наши. Ширина Днепра здесь всего 600—700 метров. А глубина так себе — восемь-десять метров. Части 25-го стрелкового 7-й гвардейской армии первыми вышли к Днепру и захватили небольшой плацдарм. Еле его удерживают. Танковая дивизия СС «Великая Германия» непрерывно атакует.

Начальник штаба полковник Николайчук добавил: «Там ведут бой и наши хлопцы: автоматчики старшего лейтенанта Донца, минометчики батареи капитана Асниса, разведчики майора Пахтусова. Они преодолели Днепр на подручных средствах вместе с пехотой».

Нам нужно было в эту ночь на тот берег, чтобы к рассвету занять оборону и удержать плацдарм во что бы то ни стало. Район Бородаевки комбриг закрепил за вторым танковым батальоном майора А. Коротаева. Первому приказал держать Доматкань.

— Майор Вербицкий! — обратился комбриг к командиру мотострелкового батальона. — По одному взводу выделить Орлову и Коротаеву. Остальные в моем резерве. Батальон доукомплектовать за счет жителей близлежащих деревень.

Спешу в батальон. Времени в обрез. До темноты несколько часов. А дел... Где-то застряла машина с боеприпасами. Часть танков требуют ремонта, а ремроты нет и нет. Что за позиции на том берегу, будут ли готовы окопы для танков? Где-то отстали паромы, катера. Где они, когда прибудут? Надо успеть до темноты с командирами и механиками-водителями изучить маршруты движения к местам погрузки танков. На тот берег рвется мой зам — капитан Кониин. Там тоже дел невпроворот.

Время летит быстро. Вот, кажется, и полная готовность. Докладываем

в штаб. Неожиданно комбриг переносит час переправы. Что случилось? Почему? Да где-то плутоуют паромы и катера. Опять задержка. И снова подумалось: где же было начальство, почему же вовремя не подали переправочные средства? Да и почему их мало, почему они старые, развалюхи? Идем от Волги, сколько малых и больших рек позади и сколько еще впереди, а нужных средств все нет. Мол, ладно, людишек много, хватит на все реки. Устелим ими дно, построим из них мосты, загоним их на плацдарм, как в огненную трубу, и — вперед на запад!

А раз добрых переправочных средств нет, то и генеральная установка: форсировать Днепр кто на чем может, а точнее, на так называемых подручных средствах. Что это такое? Да это пустые бочки, бревна и доски, плоты, ворота, двери, крыши, мешки и плащ-палатки, набитые соломой, и в лучшем случае рыбацьи лодки. Спору нет, коль больше не на чем, то солдат и вплавь пойдет. За ним дело не станет. Плацдарм захватит. Но какой ценой? Тяжела расплата, и непростительно много кровушки подхватили и унесли воды Днепра.

Вот и мы. Вышли к реке. Стоим, ждем. Нет паромов, катеров. Т-34 на подручных не потянутся. Время уходит. Дорога каждая минута. Воистину промедление смерти подобно. Ох, сколько бы смертей удалось избежать, сохранить молодых и светлых головешек, если бы... верховная власть думала и о людях.

Официальная историография форсирование рек именно на подручных средствах до сих пор относится к достижению, к доблести нашего военного искусства. Так, в шеститомной истории ВОВ особо подчеркивается, что «широкое и смелое использование подручных переправочных средств предопределило успех форсирования». «Преследуя врага, войска подбирали и везли с собой все, что могло пригодиться для переправы. На повозках и автомашинах, двигавшихся к Днепру, можно было видеть пустые бочки, старые лодки и даже двери от разрушенных домов».

Как видим, полное оправдание просчетов Верховного командования. Ни одного слова в осуждение. Ни одного конструктивного предложения. Двенадцатитомная история второй мировой войны утверждает, что «форсирование Днепра с ходу на подручных средствах после тяжелых наступательных боев является беспримерным в истории войны ратным подвигом».

Да, это был действительно подвиг. Солдат не ждал, когда его надежно обеспечат переправочными средствами. Он брал что под руку попало и под ураганным огнем взламывал гитлеровский «Восточный вал» на Днепре. И взломал.

...Надо побывать у танкистов. Впереди переправа под огнем. И с утра в бой.

Забегал в роту старшего лейтенанта Василия Прокоповича. Настроение экипажей и ротного что надо.

Днепр, хотя и широкий и глубокий, да нам что? Раз — и там. И плацдарм уже захвачен, хотя и небольшой, куденький, простреливается насквозь вдоль и поперек, но там уже наша пехота-матушка. Она без танков, поливает кровью кусочек земли. Надо ей помочь. А что до танков дивизии СС, то вам, братцы-гвардейцы, и они по зубам. Мол, вам, сталинградцам, не впервой их гвоздить. Вспомните-ка, ребята, сколько их в июле на Белгородчине нащелкали. Так что...

Но вот сигнал — начать переправу. Выдвигаемся — и сразу сбой. Застрел первый танк в песчаном грунте. Перекрыл путь. Гладко было на бумаге, да забыли про овраги. К тому же немцы обнаружили переправу. Начали прицельный обстрел.

Давай искать новые пути. Выручил дед Михайло из Старого Орлика. Подвернулся кстати. Высокий, сухопарый, в буденовке. Бечевою подпоясанный. Суковатая клюка в руках. Интересный такой дедуля. Два сына его где-то воюют. Обложил как мог нашу немыслимость, показал удобное место для причала и надежный подъезд к нему. Два или три дня Михайло помогал бригаде на восточном берегу. Хлестче кадровика вкалывал. Людей во всей округе знал.

Очень нужны были бревна. А дед тут как тут. Будьте любезны, рушьте мою хату, вон ту, что к краю вторая. Конечно, разобрали. Оказалось, дед и не имел своей хаты. Ее давно сожгли немцы. Два года как живет в землянке. А за свою выдал хату своей соседки, как изрек он, — коханой. Коханая гневалась недолго. Покудахтала так, для блезира, и стихла. Надо, так надо. На радость деда, перебралась к нему в землянку.

Наконец все устроилось, притерпелось. Первый рейс достиг того берега. Пока потерь нет. Встретил мой заместитель Саша Конин. Он успел за ночь здесь много сделать. Молодец Александр. Боевого опыта не занимать. Позади долгий путь от Москвы, через Сталинград, Курск и Харьков до могучего Днепра. Жена Саши врач. Фронтowym чутьем вычислил: она воюет где-то рядом. Чуть позже нашел ее. Закончили войну вместе в Праге. Он полковник. Здравствует и поныне, трудится, растит внуков в Подмосковье.

Танки занимают позиции. Центр нашей обороны — Доматкань.

Еще многое надо успеть до рассвета: организовать огонь танков, взводов, рот и батальона в целом. Пушечный и пулеметный огонь должен быть прицельный и меткий. Надо окопать и замаскировать танки, прикрыть их стрелками. Надо накормить людей. Надо, надо... Ух, как много еще всего надо. А времени в обрез. С переправой-то задержались. Командиры рот Леонид Ждановский, Дима Горбачев, Василий Прокопович

внич спокойно организуют оборону.

Еще не все окопы готовы. Часть их отрыта не там где нужно. Приходится переделывать. А рассвет не остановить. Да и немцы с атаккой ждать не станут. Вот-вот начнут.

Капитан Храмов доложил: связь налажена, пункт управления готов. Казалось, можно докладывать в штаб бригады о готовности обороны. Да не тут-то было. Из штаба звонок: срочно прибыть на КП бригады. «К чему бы? — подумал я. — Что еще стряслось?» Знал, комбриг не любитель говорить. Зря не соберет. Ноги в руки — и на КП. Втиснулся в только что отрытую, с мерцающим огоньком землянку. Все насторожились.

— Товарищи! — начал Бриженев. — Обстановка резко изменилась. К плацдарму спешат колонны танков и пехоты немцев. Идут из Александровки, — и показал на карте. — Бригада получила новую задачу: наступать! Поддержать удар пехоты в направлении села Погребного. Частью сил прикрыть правый фланг плацдарма. — И спросил: — Всем ли ясно? Не обороняться, а наступать. Атака через два часа.

Второму батальону поставлена задача прочно удерживать Бородаевку. Не допустить прорыва немцев вдоль Днепра справа. Наш батальон должен поддерживать атаку стрелкового полка и захватить село Погребное, задержать противника, не допустить его выхода к Днепру.

Признаюсь, новая задача ошеломила. Аж сердце екнуло. Подумал, что же это за командование? С вечера оборона. Сколько затрачено сил! А теперь вот тебе — наступление. Начинай все заново, да в такой спешке, что уму непостижимо. Что за два часа можно сделать? Кутерьма какая-то. Валандались с переправой, теряли время. А теперь? Делать нечего. Приказы не обсуждаются. Это нам не дано. Да иначе и нельзя. Жму в батальон. На ходу прикидываю самые необходимые меры. Не упустить бы, настроить бойцов и командиров. Хотя и зрелые наши танкисты, но подогрев души нужен. Нутром чувствую, как будут они клясть нас и всех других выше рангом начальников за такие повороты.

В роты идут замполит капитан Созинов, парторг Немцов. Они растолкуют суть новой задачи, почему ее надо выполнять.

Ох, как нужны в таких ситуациях задушевные слова. Ведь через два часа в атаку. В атаку без серьезной артиллерийской подготовки и без поддержки авиации. В атаку под смерч огня орудий, танков и пулеметов врага, через минные поля и овраги. В атаку на местности, которую не видели в глаза. Да, нужен порыв, бросок. Надо проскочить на одном дыхании в сплошном огне пятнадцать километров и захватить Погребное. Нужна всего одна крупинка в фундамент Победы. Вот ее

и кладут за мгновение до атаки командиры и политработники. Солдаты будут приближать ее в ходе боя огнем пушек и пулеметов, ударом брони и гусениц. И своею жизнью — за чьи-то упущения.

Примерно за полчаса до атаки в батальон прибыл комбриг. Доложили о неполной пока готовности. И, как водится, тот же час получили нагоняй. Мы понимали, он тоже переживает и за просчеты начальства, и за нашу судьбу. Комбриг еще раз уточнил задачу, порядок взаимодействия с пехотой.

— Смотри, до прорыва первой линии не отрывайся от пехоты. Веди ее вплотную за танками, чем ближе, тем лучше. Иначе и пехоте и вам несдобровать, — напутствовал комбриг.

Поднялась бы только, пошла бы многостральная матушка-пехота, царица полей. А мы-то не подведем... Если нужно, вернемся. И не раз. Без нее нам, эх, как тяжело.

С выходом к роще Круглая комбриг приказал взять одну роту пехоты десантом на танки и, не ввязываясь в бой, не оглядываясь, обходя противника, быстрее прорываться к Погребному.

— Ну, Николай, с богом! Не подведи, оправдай доверие. Держи со мной связь по радио, — как-то потетически попрощался со мной комбриг.

Намек о доверии понял. Батальон принял я недавно. Этот бой для меня, как комбата, первый. Комбриг знал меня по боям под Сталинградом. В его полку я был командиром танковой роты, недолго начальником штаба полка. И теперь опять судьба свела нас на одной фронтовой дорожке.

Вот и арналет. Слишком короткий и жиденький. По сигналу красных ракет танки двинулись в атаку. Набирая скорость, с пушечным и пулеметным огнем танки обгоняют пехоту. Поначалу вроде шло все как надо. Потом застопорилось. Видим, нет нашей царицы полей. Надо возвращаться. Даем задний ход. Атака сорвана.

Подъехал на вороном коне командир стрелкового полка. Вот и комбриг подкатил на вилисе, и тут началось такое... Костерят друг друга, чуть не за грудки берутся. Нередкая для фронта ситуация — сваливать свои грехи на дядю. А ведь без руhani все ясно. Арналет ничего не дал. Авиация не поддержала, поэтому бросившаяся в атаку пехота, прокричав «ура!», сразу же была прижата к земле мощным ружейно-пулеметным огнем. Огневые точки подавлены не были. Часть танков сбилась с курса. Местность-то не изучили. Один танк с опущенной пушкой и разбитой гусеницей остался на нейтралке.

«Вот тебе и Погребное, — думаю. — Противник прет, а мы здесь чухаемся, время теряем».

Эта неподготовленность задела

всех, кто испытывал на себе тяготы атаки. А испытывал их простой солдат. Он материл на чем свет стоит все начальство подряд: «Что же вы, сукины сыны, такие-растакие, бросаете нас на огневые точки! Что же вы, отцы-командиры, не бережете нас! Иль мы дешевле снарядов и бомб?» И все в том же духе. И по делом. Срыв атаки — результат спешки. Отсюда большие и неоправданные потери. Как здесь, так и на тысячекилометровом фронте великой войны.

Сейчас спрашиваем себя, как же нам не хватало человечности, бережливости? Сколько же наломано дров в вечной спешке, неорганизованности, в пренебрежении к человеку. И несмотря на это, рядовой пехотинец, танкист, артиллерист и сапер — все труженики войны шли в бой и честно исполняли свой солдатский долг.

Стали готовить атаку заново. Артиллерия проведет более мощную огневую подготовку. Штурмовики поддержат огнем с воздуха. Работа идет дружно. Стычки как не было. Дело-то общее.

Вскоре в новую атаку. Пехота дружно поднялась и не отстает от танков. Иль непрерывно штурмуют огневые точки. Огнем и гусеницами танки прокладывают дорогу пехоте. Пошло, завертелось дело. Немцы не выдержали мощного огня и дружного удара.

Вот она, хотя и узенькая, но брешь в обороне врага. Впереди роща Круглая. Здесь надо взять десантом пехоту и прорваться в Погребное. Что за чертовщина? Пехоты нет и нет. Начал волноваться. Что делать? Ждать пехоту или идти только танками, без нее. Ждать? Потеря времени. Идти без пехоты? Танки потеряем. Да и приказано взять десант.

Эх, думаю, доложу-ка я командиру! В ответ неожиданно он требует двигаться вперед без пехоты. Подумалось, ну и не везет же! Неплохое начало, и вдруг такой сбой. Опять будет накачка. Но есть Бог! Только начали двигаться, как видим бегущую небольшую группу солдат в касках. Впереди взмыленный от бега молодой лейтенант. Кричит что-то, машет руками. Оказалось, в этом бою был убит командир его роты. Он его заменил. Задачу о десанте получил только что. Еле собрал, а точнее, вывел солдат из боя. Да и не роту совсем, а ее остатки. И то хорошо.

С трудом усаживаем их на танки. Некоторые боятся, не хотят. Мы, мол, и на своих двоих быстрее доберемся. Другие смело вскакивают — и за башни. Лейтенант со мной. Чумазий, один глаза блестя. Свистком и флажком подает команды. Взрели моторы. Танки Ждановского во главе. За ним рота Прокоповича. Низко, прижимаясь к земле, над нами пронеслись штурмовики. На душе стало как-то веселее.

Двигаемся вперед, в бой не ввязываемся. Впереди боевые дозоры. Над

колонной висят немецкие горбыли, бомбят невпопад. Остановить нас не могут. За ними гоняются наши ястребки. В пути опять неожиданность. В прогалине между двумя рощицами скопились танки. Один, что впереди, дымится. Развернут от курса боком. Замер, огонь не ведет. Совсем рядом над чем-то колдуют танкисты.

Не успели подъехать, как видим и слышим огушительный взрыв на минном поле. Танк лейтенанта Твирова был в дозоре. Наскочил на мину и подорвался. Твилов видел — на подходе танки Ждановского, могут подорваться. Ни за понюх табака погибнут люди. Не мешкая, решил: проделывать проход, вручную раскидать мины. Один — успели, а на втором... Неосторожность — и вмиг разнесло на клочки его и еще двух ребят из экипажа. Уцелел только механик-водитель старшина Даниличев. Он был ранен, оставался в танке. И смерть обошла его. В рубашке родился.

Погибли молодые хлопцы. От Сталинграда пришли они через горнило войны на украинскую землю. Им не приказывали расчищать это злосчастное минное поле. Это не их, а саперов дело. Они знали об этом. И все же не задумываясь стали разминировать. Сознательно. Спасая жизнь другим.

Успели сделать всего один проход. Всего один, но бесценный для нас проход.

А ведь могли и уцелеть. Если бы разведчики не зевали, а искали минные поля. Если бы саперы шли впереди и до подхода танков делали проходы. И если бы впереди шли саперные танки и подрывали бы мины. К сожалению, таких «если бы» хоть отбавляй. И закрывали их, эти «если бы», солдаты своей жизнью.

Первым в узкий проход, проделанный экипажем Твирова, повел свой взвод Аслан Хачак. За минным полем развернул свои танки и обещал продвижение рот Ждановского и Прокоповича.

Вот мы и за минным полем. Набирая скорость, одной колонной устремляемся к Погребному. Надо навестывать упущенное. Но вскоре ситуация резко изменилась. Немцы нас упредили. Передовые их части уже в Погребном. В бинокль видно, как по пыльной проселочной дороге навстречу нам движутся несколько танков. Быстро зреет решение: прикриться слева ротой Прокоповича, а Ждановского с десантом послать в обход справа.

Через несколько минут разыгралась танковая дуэль. Кто кого? Пощады не будет. Но вот досада — немцы обходят нас главными силами слева, прикрываясь деревьями и кустарниками. В бой не ввязываются. Понятно — жмут к Днепру. В общем — сплошная карусель. Мы их справа, они нас — слева. Мы к Погребному, которое уже никому не нужно. Они — к Днепру, через наш плацдарм. Ох, как им нужен наш плацдарм!

Стало известно, что немцы нанесли одновременно удар вдоль Днепра по правому флангу плацдарма. Танковый батальон Коротаева вместе с пехотой с трудом сдерживают немцев.

Ну и ситуация! Хуже не придумаешь. Большая танковая колонна немцев из района Погребного нас обогнала и отбросила наступавшие за нами стрелковые части на исходные позиции. К Днепру, однако, не пробилась. Значительно расширенный за день плацдарм снова стал крошечным. Да и берут сомнения, сохранится ли?

Мы же оказались в тылу противника. В большом отрыве от своих частей, как будто в окружении. Хорошего мало!

Подступает желанная темнота. Может быть, даже спасительная. Немцы пока нас сильно не тревожат. Приказ по радио: прорываться обратно через боевые порядки немцев. Сосредоточиться вблизи Доматкани. Подсветка района сигнальными ракетами.

Легко сказать — прорваться. Но как? Где? И что нас ждет?

Становится еще темнее. Крутом враг. Незнакомая местность. Видны огненные всполохи и слышен гул канонады там далеко, у Днепра. Помогай, скорей, ноченька, нас от вражеских пуль и снарядов.

Перестроились для прорыва к своим. Танки Хачака на прикрытии. Щемит сердце. Заведомо знаем, что их оставляем на съедение немцам. Подбитый берем на буксир. Не оставляй же, может, дотянем. Впереди опять рота Ждановского. Курс на Доматкань, на серии красных ракет.

Ну что ж? Прорываться, так прорываться! Только вперед, без оглядки. Ну и тяжело же дался нам этот ночной прорыв через тылы и боевые порядки противника. Где-то к утру вышли к Доматкани почти у самого берега Днепра. Здесь нас ждали. Радостные лица, объятия, конечно, со слезами на глазах.

Не успели очухаться, как заместитель комбрига полковник Ячник приказал срочно занять огневые позиции в боевых порядках пехоты западнее Доматкани.

Танкисты валяются с ног. Да и есть от чего. Почти сутки ни росинки во рту, без сна, в жестоком бою. Черные и прокопченные. Есть и раненые. Еще не вернулся Хачак. Да и окопов для танков нет. Боеприпасы на пределе, только НЗ. А Ячник все подгонял: «Быстрее, братцы, быстрее!» Не требовал, а молил. Молил и помогал. Чем мог, конечно. В основном опытом. Он был Герой Советского Союза, участник войны с Финляндией и с первых дней на Великой Отечественной.

Приближался рассвет. Тревожное ожидание. Вот-вот немцы начнут генеральный штурм нашего плацдарма. Ждать долго не пришлось. Огневой вал неожиданно обрушился на наши боевые порядки. С воздуха волна за волной заходят бомбардировщи-

ки. Две линии танков с пехотой позади атакуют по всему фронту. Танки как на ладони. Только бей. И не жалей ни снарядов, ни злости. И наколотили. Но их много. Накатываются новые линии, ползут, как чудовища, под прикрытием огня артиллерии и авиации. У них приказ: устроить русским буль-буль, сбросить в Днепр.

Казалось, спасения нет. Вот-вот правый фланг плацдарма будет смят. Бородаевка почти уже вся у немцев. Ее от Доматкани разделяя глубокий и довольно широкий овраг. В нем ремонтная рота восстанавливала подбитые танки. Пустили и их в ход. Танкисты и ремонтники с места в упор из пушек расстреливали фашистские танки. Свечой вспыхивали они у кругого днепровского обрыва. Да и наши тоже.

Быть бы большой беде, да корпусное начальство выручило. Хотя и с опозданием, но нанесло с той стороны Днепра такой мощный огневой удар «катюшами», который в корне изменил ситуацию на почти безнадёжном правом фланге.

Вот это был удар! Горит все поле. Все живое на нем в сплошном пламени. Картина жуткая. Но нам в радость. «Ура» кричали. Первой побежала обратно вражеская пехота. За ней и танки. А вдогонку, на ровном открытом поле, им еще не раз врзали «катюши». Танки, что прорвались в Бородаевку, там и застряли: подбитые и сгоревшие. Были и целехонькие, брошенные экипажами. Что ж, нам согдаться.

После небольшой паузы немцы перегруппировали свои силы. Теперь ударили на Доматкань. Ну, держись, ребята. Мы ждали этого повторного удара. Изготовились и ошестинились.

У врага большое превосходство. Особенно в танках. Надеются — не выдюжим. Им нужно столкнуть нас в Днепр. Ликвидировать наш небольшой плацдарм. Потом и другие. А нам нужен этот, политый кровью, клочок земли. Очень нужен, как плацдарм, как трамплин для будущего наступления.

Из-за деревьев в развернутой боевой линии появились танки. За ними вплотную пехота. Сплошная подвижная стена разрывов от снарядов и бомб, опережая атакующие танки, приближается к нам. Головы не поднимать, все прижато к земле.

В бой вступает наша артиллерия, что на плацдарме и за Днепром. Появились и штурмовики. Земля содрогается от взрывов. Стоит сплошной гул. Нет живого места. Кромешный ад. Все простреливается крест-накрест и многослойно. Доматкань — центр нашей обороны — в огне. Низко стелется черный дым, закрывая обзор.

Пришла и наша очередь. Подпустив немецкие танки поближе, все дружно открываем огонь из танковых пушек и пулеметов. Огонь прицельный и беспощадный. Докрасна накалились стволы.

Немцы ввели в бой тяжелые танки «тигры». Как ни держались наши стрелковые части и танкисты Прокоповича, но немцам все же удалось ворваться в Доматкань. Пехота ведет в ней кровавый смертный бой. До Днепра рукой подать.

Комбриг приказывает: ротой Ждановского с новобранцами Вербицкого выбить немцев из Доматкани. Ждановский только и ждал такого приказа. Был в резерве, застоялся. Он с ходу ворвался своими танками в Доматкань. Пушечным и пулеметным огнем, гусеницами беспощадно начал уничтожать гитлеровцев. Кстати, подоспело из-за Днепра подкрепление. Пехота стала очищать Доматкань от остатков немцев.

Вот, кажется, и спал накал этой кровавой схватки. Плацдарм, хотя и сжался, но все же уцелел, родимый.

Выводим танки Ждановского из горящей Доматкани. И надо же, один танк, пятясь назад, попал под прицельный выстрел «тигра». Задымился. Раненые танкисты стали выскакивать из танка через люк башни. Один застрял: то ли зацепился за что-то, то ли силенок не хватило. Все, думаю, погибли парни. И, к счастью, ошибся.

Из окопчика, что невдалеке от нас, выскакивают две девушки — военфельдшеры Галя Крыгина и Маша Мусиенко. Бегут что есть силы! Во весь рост! Под пулями. Среди рвущихся снарядов. Только пятки сверкают. И медсумки бьют по бокам. Летят, милые голубушки — ленинградка и харьковчанка. Наши любимцы. Кто позвал их в этот смертельный бросок? Совесть зовет. Зовет? Нет. Ведет, толкает как какая-то неведомая сила.

Кричим, глотки надрывая: «Галя! Маша! Стойте, сгорите, черти!» Куда там. Не хотят слышать. Нарочно оглохли. Бегут наперегонки. Еще миг, и они у танка. Корма его уже выкидывает языки пламени. В дымных просветах еле заметны две надписи на башне. Одна — «Челябинские колхозники», вторая — «За Галю».

Успели вскочить девчата на башню, сняли стрелка-радиста и скоренько с ним в воронку от авиабомбы. Замелькали бинты. Свист пуль, шлепанье осколков и комьев земли от разрывов снарядов вокруг воронки...

И здесь... О, наказание! Еще один снаряд влепили немцы в уже горевший танк. Сдетонировали снаряды. Мощным взрывом снесло башню. Полетели во все стороны рваные куски брони. Ну, все, каюк девочкам, пришла первая мысль. Ан, нет, живы, родимые. Прижимаясь к земле, тянут вниз к реке танкиста. Волочат на пределе возможного. Где силы берутся? И ни одной царапинки.

Теперь на башне одного из танков будет: «За Машу». Не по закону, но будет. Она заслужила. Как и Галя.

Вот так и воевали мы, и меньше всего думали — попадут наши бои в сводки или не попадут. Воевали и как могли приближали Победу.

В. КОНДРАТЕНКО

ЛЕТАЮЩИЕ СЛОНЫ

В воздухе парили слоны, и вообще здесь летало все... все, что под руками бристольских мастеров обрело способность оживать и, вобрав в себя горячий воздух, подниматься вверх в виде различных животных и предметов. В этом английском городе делают воздушные шары. У создателей летательных аппаратов настолько богатая, буйная фантазия, что сами анг-

лично называют воздушные творения картинами. И действительно, шары великолепны, если только название «шар» еще применимо к этим предметам.

Есть среди них и шар в форме книги — один из самых больших, какие только можно здесь увидеть. «Летающая книга» под названием «Хроника XX века». Высота книжшара с восьмизэтажным дом. Говорят,

что на нее пошло двенадцать километров нейлоновых ниток и более двух километров специальной особо прочной ткани. Трудились шесть швей, а также целая команда дизайнеров. Зато шар удался. Только за один прошлый год он облетел пятьдесят городов Великобритании.

Справедливости ради замечу, что прототипом шара послужила настоящая книга, вышедшая под тем же названием годом раньше. Настоящая «Хроника XX века» содержит 1360 страниц, на которых разместились свыше сорока тысяч статей и три тысячи двести фотографий. Как видно, бристольские мастера действуют оперативно. Воздухоплавание для них — не только приятная забава и щекочущий нервы вид спорта, но и доходная реклама.

В 1783 году братья Монгольфье впервые поднялись в воздух на шаре, наполненном горячим воздухом. С тех пор воздухоплавание длительное время было уделом немногих одиночек. По-настоящему массовым оно стало сравнительно недавно. Бристольцы не преминут добавить, что и зародилось не где-то, а в Бристоле. И было это так.

Молодой инженер-авиастроитель Дон Камерон зашел в маленький магазинчик на окраине города и робко

попросил продать ему швейную машинку.

— Жене в подарок, или сами себя обшивать будете? — шутя, поинтересовалась продавщица.

— Да нет, попробую сшить воздушный шар, — смущенно ответил клиент.

Женщина удивилась, но переспрашивать не стала. В отличие от молодого человека она-то точно знала, что шары не шьют, а делают из резины, а потом надувают. Вежливо обслужив покупателя, она проводила его до порога и пожелала успехов. Когда за странным посетителем закрылась дверь, она пожалала плечами и проговорила про себя: «Чего только не придумает эта молодежь!»

Прошло двадцать три года, и та самая продавщица в свой день рождения пролетела на воздушном шаре над родным Бристолем. Теперь она не сомневается — шары шьются на машинке, и никак иначе!

Полеты на шарах становятся все более популярны и доступны простым гражданам. Крупные фирмы заказывают шары и предоставляют их своим сотрудникам для активного отдыха. Людям со стороны тоже можно прокатиться по воздуху, но для этого нужно приобрести билет стоимостью около ста фунтов.

Есть шары маленькие, поднимающие в корзине всего пять-шесть человек, а есть гиганты, способные взять на борт тридцать человек и даже больше. У таких шаров корзины имеют по два отсека: один — для пассажиров, другой — для пилотов. Но чтобы совершить полет на большом или малом шаре, нужно прежде всего отправиться за город. Рано утром туда же привезут и шар. Оболочку расстелят на траве и затем наполнят горячим воздухом от газовых горелок.

Первые лучи солнца показываются над горизонтом, и шар уходит в небо. Куда бы потом он ни направился, внизу за ним следует автомобиль, готовый подобрать всю группу в точке приземления. Этот автомобиль сверху кажется смешной игрушкой, которую тянет за веревочку великан. Водитель постоянно выглядывает из кабины, чтобы не потерять из виду «летающий объект». Ну а шар плавает в воздухе, и впечатление такое, что не он движется, а сама земля поворачивается под ним. Душа замирает, но настроение необычайно приподнятое. Не случайно на одном из воздушных шаров, парящих рядом, было начертано: «Поднимающий настроение».

Здесь я наблюдала, как шлифует мастерство пилотов воздушного шара. Инструктор привязывает ко дну корзины маленький детский надувной шарик и заставляет ученика приземляться так аккуратно, чтобы корзина не касалась земли, а висела в нескольких сантиметрах над ней, и при этом шарик оставался бы цел.

В городе мне довелось побывать

на предприятии Дона Камерона, ныне крупнейшего в мире производителя воздушных шаров.

— На фабрике за время ее существования создано две тысячи шаров, — рассказывает хозяин. — Сейчас четыре шара делаются за три дня.

Известность и успех, похоже, не испортили Дона. Он по-прежнему скромн и даже застенчив, не любит, когда говорят о нем, да и сам не очень разговорчив.

— Нет, мы не пытаемся что-то скрывать, — говорит он, — напротив, мы гордимся технологией, просто шары находятся в разной стадии производства и расстелены прямо на полу цехов. Каждый неосторожный шаг может привести к серьезным повреждениям.

Надо видеть, как ловко снует между полотнищами будущих шаров подтянутый, спортивного вида человек. Людей на фабрике немного. Проектируют шары при помощи ЭВМ. Однако некоторые работы намеренно выполняются вручную. Например, плетение корзин. Каждая корзина имеет специально укрепленное днище, чтобы предотвратить возможные удары при приземлении. Верхний поручень покрывается резиной, обернутой кожей или замшей.

Дон Камерон подводит нас к огромной лампе.

— Это — дефектоскоп. Он помогает выявлять дефекты ткани.

Мощный луч света пронзает материю. Дон Камерон просматривает метр, другой, третий — все в порядке.

— Мы придаем большое значение обеспечению безопасности поле-

тов, — продолжает он, — поэтому на фабрике шар проходит более двухсот проверок. Однако перед тем, как шар передадут будущему владельцу, он совершит первый полет под наблюдением специалистов фабрики.

Директор не только отличный организатор производства, но и прекрасный пилот, способный посадить шар с точностью до метра. Люди, летавшие с ним, рассказывали, что однажды шар подхватила сильный ветер, Дон Камерон сохранял невозмутимое спокойствие.

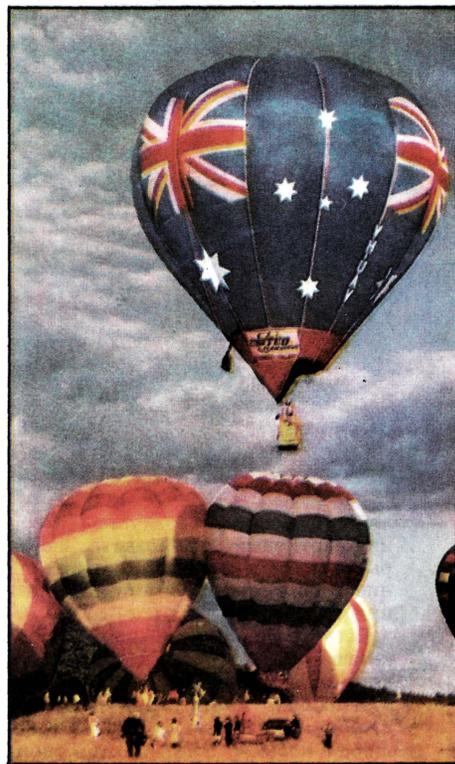
— Не волнуйтесь, мы прилетим куда надо, — пообещал он.

И действительно, через некоторое время они приземлились прямо во дворе ресторана, где уже был накрыт стол. Дон Камерон знал и маршрут, и место приземления. Все было запрограммировано, и ветер, видимо, тоже.

Дону Камерону принадлежит немало рекордов, он хочет установить еще один — совершить перелет из Бристолья в Ленинград. Полет будет продолжаться четыре дня. Путешественникам предстоит покрыть расстояние в две с половиной тысячи километров. Я сама видела изготовленный на бристольской фабрике для этой цели специальный шар, наполняемый гелием.

В СССР планируется совместное советско-британское предприятие по производству воздушных шаров. Может, и мы сможем вскоре наблюдать воздушные праздники, и тогда все увидят, что летать могут не только слоны.

Бристоль

ЖИВАЯ СТАТУА НА ПЕРЕКРЕСТКЕ

В. ЛЕБЕДЕВ,

участник плавания
на шхуне «Те Вега»

Вылезая из носового люка на палубу и стою, ослепленный июньским солнцем, отраженным сотнями окон небоскребов, нависших над портом. Оглушает и возбуждает гвалт цветастой, разодетой толпы, заполонившей площадь, причалы, открытые кафе на вторых этажах магазинов и ресторанов. Два из них — «Царевич» и «Гласность» — устраивали нам вчера грандиозную отвальную с исполнением русских и украинских песен и плясок.

Советско-американское плавание на шхуне «Те Вега» субсидируют десятки американских фирм и общественных организаций, борющихся за мир и сохранение окружающей среды. Их представители, хозяева, у которых мы останавливались на ночлег, родственники и друзья членов команды — все пришли нас проводить в плавание через океан.

— Отдать концы! — командует капитан, голландец Нилс Линдайер (шхуна плавает под флагом Нидерландов).

«Те Вега» медленно отрывается от стенки пирса, и берег взрывается криками и песнями, усиленными мегафонами; прощаясь, машут платками и шляпами. Кое-кто вытирает слезы: уплывают дети в далекое путешествие из Нью-Йорка в Ленинград.

Шхуна осторожно маневрирует между двумя причалами и малым ходом идет по течению Гудзона. Минут через двадцать снова команда: — Поднять грот!

Все на палубе бросаются к фалам и начинают рывками тянуть веревку. Потом поднимаем фок, и белые паруса шхуны все быстрее удаляются от причалов Нью-Йоркского порта.

Позади остались шумные встречи в маленьких американских городках, дискуссии в ООН и в штаб-квартире организации «Чистая вода», веселые базарчики во время «общественных» ленчей. И разговоры, разговоры... Мне показалась символической одна встреча на Южной улице, неподалеку от морского порта.

Передо мной, на перекрестке нью-йоркских улиц, возвышалась... статуя Свободы. Да, та самая... Рядом стояли зеваки.

Я протокался поближе, чтобы как следует рассмотреть необычную уличную скульптуру. Как и полагалось для статуи Свободы, ее голову украшал венок, а высоко поднятая рука сжимала факел с бронзовым

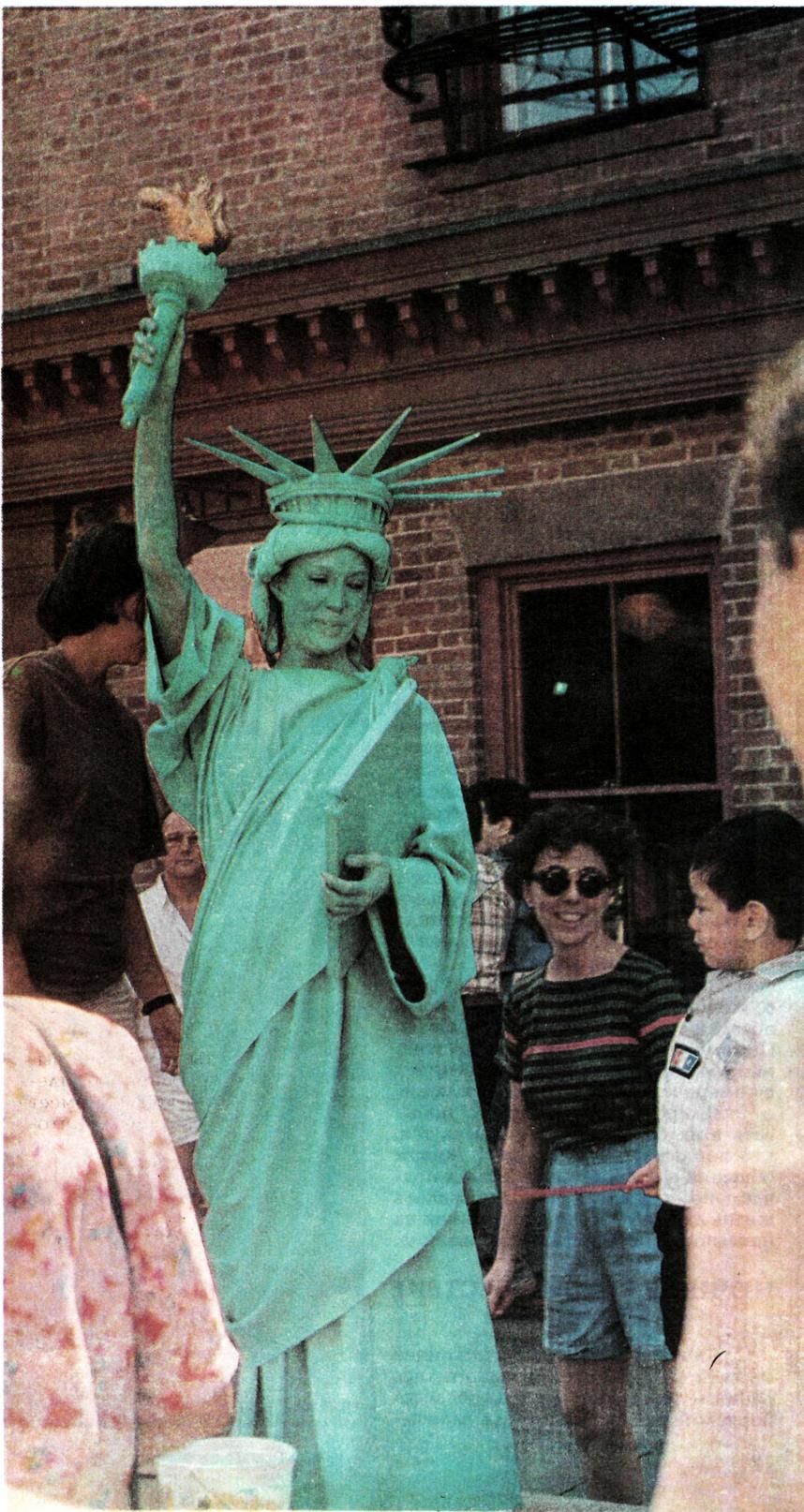
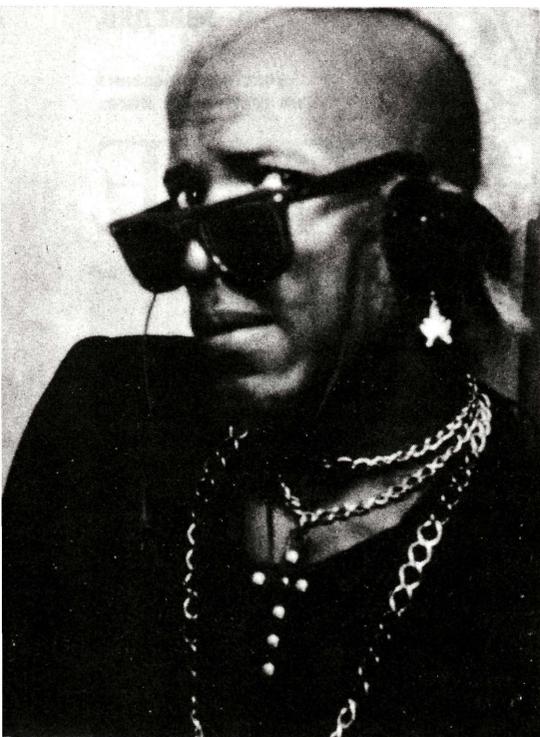

Фото Д. МАРТЫНОВА и Г. ТЕМКИНА

язычком пламени. Тяжелые складки платья-хитона ниспадали с поста-мента. Я задрал голову, и совершенно неожиданно мой взгляд встретился с блестящими глазами статуи. Какое-то мгновение мы гляделись друг в друга, затем веки статуи слегка дрогнули, и она отвела взгляд. Статуя была несомненно живая!

Одежда, лицо, гладкая прическа с тяжелым узлом волос, обнаженные руки — все было покрыто краской под старую бронзу, все окрашено вплоть до изящных туфелек и поста-мента из фанерных ящиков, обтяну-тых материей. Женщина изображала статую, вероятно, с самого утра — дно коробки у ее ног покрывали центы и долларовые бумажки. Был полдень, и краска стаяла на шее, обнажив белую кожу с голубыми жилками. Сквозь бронзу проступило человеческое тело, и напряженно смотрели усталые глаза...

Не раз вспоминалась мне встреча с живой статуей во время нашей поездки по Восточному побережью. Помимо официальных мероприятий, нам удалось поближе познакомиться с американцами разных взглядов, от квакеров до «зеленых», побы-вать в их семьях, лучше узнать тех, кто поплывет через океан. В живом общении и откровенных беседах под-час неожиданно приоткрывалась жизнь людей — весьма непохожих на привычный стереотип американца.

НОЧНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ В НЬЮ-ЙОРКЕ

С Синтией Коннорс, участницей маршей мира, мы познакомились ранним утром на маленькой нью-йоркской радиостанции, где записы-

вался наш импровизированный кон-церт. Узнав, что я работаю в жур-нале, Синтия пригласила меня в гости, пообещав интересную встречу. До ее дома в Гринич-Виллидж мы добра-лись с пересадками и вылезли на автобусной остановке поблизости от жилища Синтии. Улочка, на которой мы очутились, показалась похожей на парижскую. Старенькие тротуары и невысокие дома с водосточными трубами; всюду цветы — в окнах домиков и витринах многочислен-ных лавочек, торговавших всем: от свежей сдобы до сигарет и галан-терейной мелочи. С Синтией раскла-нивались знакомые.

Толкнув тяжелые двери, мы вошли в прохладный подъезд. По широкой лестнице спускались двое смуглых юношей в белых майках и шортах, шлепая сабо по ступеням.

— Мои новые жильцы, пошли про-гуляться, — кивнула хозяйка на мо-лодых людей и распахнула дверь в свою квартиру.

Три комнатки (одну Синтия сда-вала), в гостиной — продавленный диван и разнокалиберные стулья, но у стенки, конечно, стоял теле-визор с видеоприставкой и проиг-рыватель с набором пластинок. обя-зательный для американских домов кондиционер отсутствовал, и лопа-сти вентилятора вяло гоняли по ком-нате липкий воздух.

В небольшой кухоньке Синтия гре-мела посудой, сетовала на дороговиз-ну продуктов и вообще жизни:

— Хотя у меня постоянное мес-то — обслуживаю компьютеры, при-ходится сдавать одну комнату имми-грантам из Испании.

Пока Синтия мыла фрукты, я подо-шел к раскрытому окну и сквозь прозрачную занавесь увидел крохот-ный балкончик, на котором пестрели венчики цветов и зелень.

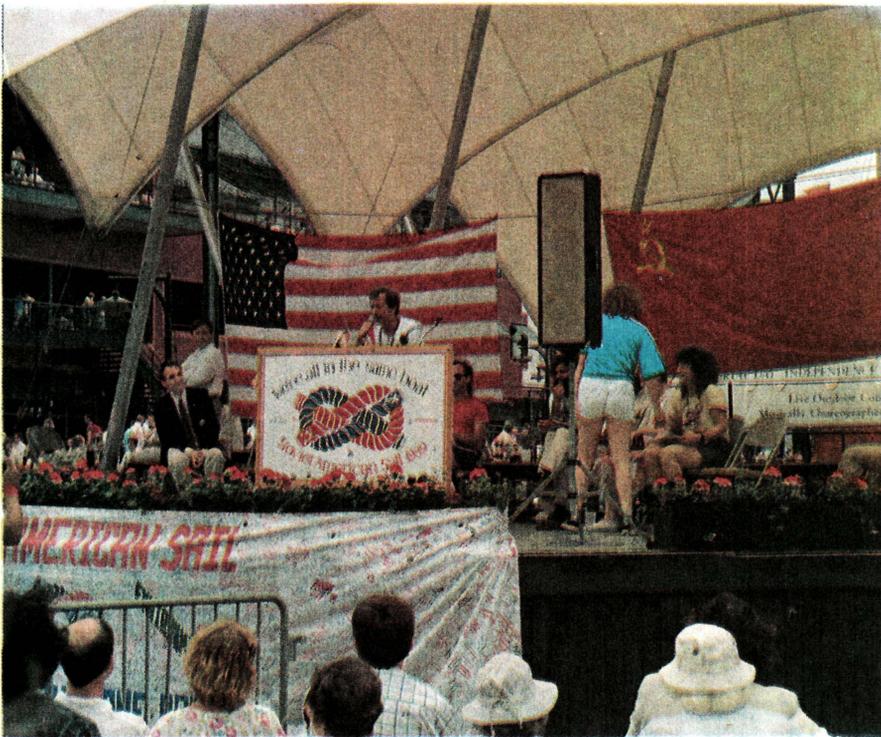
— Синтия! Да у вас целый сад...

— О! Этот огорожок — моя гордость. Такое удовольствие выра-щивать самой салаты. У меня зеленъ растет без всякой химии, — довольная похвалой, Синтия вышла из кухни с сочными ломтями арбуза на блюде.

В этот момент дверь в квартиру с лязгом распахнулась, и кто-то побежал, громыхая сапогами, по кори-дору.

То, что вихрем ворвалось в комна-ту, потрясло меня не менее, чем пер-сонажи фильмов Хичкока. Поначалу я просто оторопел от массы звуковых и зрительных впечатлений: грохочут кованые, с ременными застежками, обитые спереди полосками жести высокие сапоги; бряцают на поясе цепи, завязанные узлом зади; звенят металлические браслеты на тонких запястьях; прыгают кожаные бусы с прикрученными проволокой самоце-тами на тощей груди; скрипит ко-

жаная куртка с пелериной, ниспадающей с одного плеча, вся в заклепках и значках.

Странное существо, похожее на нечистую силу из мультиков, театрально скидывает куртку, которая летучей мышью приземляется на пол, выхватывает блюдо из рук Синтии и бросается ей на грудь.

Сзади я вижу только выбритый черный затылок с оставленной по середине обесцвеченной до белизны щеткой волос, наподобие гребня на шлеме римского легионера. Наконец голова незнакомца поворачивается, и большие мерцающие глаза под белесыми бровями пытливо меня осматривают.

— Финнеган, брат мужа моей сестры, — представляет Синтия, делает паузу и добавляет: — Поэт, учится в колледже.

Я осматриваю незнакомца. Реденькие бакенбарды, мексиканская бороденка. Под смуглой кожей выпирают ребра, а слева на груди вздрагивает вытатуированное сердце. Финнеган тихонько кладет мне на руку длинные пальцы с черным блестящим маникюром и ведет в соседнюю комнату. С опаской следую за полуголым поэтом, который уверенно усаживается у компьютера.

Финнеган нажимает на клавиши, вызывая из памяти машины на экран строчки своих стихов. Отпечатанный текст, вместе со словарем, он кладет передо мной, и мы начинаем переводить. Когда я что-то не понимаю, Финнеган возмущенно трясет головой, и перед моими глазами прыгают разнокалиберные сережки в его ушах; а если он доволен, то награждает меня чистосердечной улыбкой. В белоснежных, унаследованных от

негритянских предков зубов сверкают, словно алмазы, отполированные кусочки металла.

«Господи, и не жаль так уродовать свое брэнное тело, куда же смотрели его бедные отец и мать? И где они, и есть ли они?!» — подобные мысли проносятся в моей уставшей голове, а из гостиниой накатывается волнами выматывающая душу музыка — любимая мелодия Финнегана.

Поэт, любящий тяжелый рок. Он печатается в студенческих журналах, мечтает о собственной книжке. Его стихи невозможно пересказывать: в них плач над загубленной жизнью человека, которого жуют машины, заглывает город, а впереди — атомная смерть. Печальные стихи.

Так же неожиданно, как появился, Финнеган собирается уходить. Нежно попрощавшись с хозяйкой, он захотел показать свою школу, в которой учился, а по дороге завел меня на биржу. Да, знаменитую нью-йоркскую биржу, куда по билету я пропустил черный служитель. Я смотрел с галереи на финансовую преисподнюю, где вместо чертей метались маклеры между телеэкранами, на которых прыгали цифры показателей курса акций.

Поникший Финнеган грустно созерцал человеческий муравейник и тихо читал свои стихи...

В школу нас подвез разговорчивый шофер автобуса. Вначале он выяснил, поддерживаю ли я Горбачева. Потом, когда в автобус чуть не врезался «шевроле», он тормознул, показал пальцем через стекло и сказал: «Так нельзя поступать в вашей перестройке». Убедившись в конце разговора, что я за демократию, он

подарил мне карту Нью-Йорка и глубококомысленно произнес: «Демократия — хорошо. Рабочим надо платить. Например, я за эту адову работу получаю пятнадцать долларов в час...»

Школа № 137 находилась в восточном районе Манхэттена. Проходя мимо винной лавки, мы видели ссору мужчин, громко ругавшихся по-испански.

— Кто только не живет в этом районе, — горько усмехнулся Финнеган, — португальцы, испанцы, китайцы, негры! Расисты заглядывают и в школу. Видишь, посадили охранника.

Плотный мужчина за школьными дверями скользнул по нам цепким взглядом.

— Правда, он смотрит еще, чтоб не пронесли наркотики или оружие, — добавил Финнеган. — Бывает, в школах ребята, накурившись до одури, начинают стрелять...

Синтия наверняка сюда позвонила, и нас ждали. Особенно приветливо встретила нас Элен Трой, чья дочь-балерина побывала на Украине. Элен, как и ее веселый класс, нисколько не удивилась облику моего поэта, хотя, по-моему, они его не знали. Ничего не скажешь — американисту и в голову не придет осудить тебя за внешний вид или даже косо взглянуть, конечно, если речь идет не об особых случаях — свадьбе или официальных приемах.

Школьники старательно исполнили для нас испанский танец «фламенко», яростно вращая глазами и топя каблукими, и задали массу вопросов, начиная от погоды в Сибири и кончая политикой. Но дело совсем не в том, о чем они спрашивали. Меня поразила раскованность их поведения, открытость и доброта, самостоятельность и смелость суждений. Ребят никто не готовил к встрече, не подсказывал вопросы (часто по-детски наивные). Им предложили интересную игру в общение, и они с удовольствием приняли правила этой игры и увлеклись ею. Их никто не организовывал, никто не давил своим взрослым авторитетом — Элен Трой стояла в сторонке с доброй, чуть снисходительной улыбкой на лице. Деловито, с чисто американским практицизмом ребята говорили о своих будущих профессиях, знали, кто сколько зарабатывает. Финнеган прочел самое простое свое стихотворение — о траве и солнце — и спросил, не хочет ли кто стать поэтом. Класс промолчал. Пожалуй, Финнегану суждено остаться пока единственным поэтом этой школы...

Когда мы вышли на улицу, солнце уже спряталось за небоскребами, и я деликатно намекнул Финнегану, что неплохо бы определиться с ночлегом. Еще по прилете в аэропорт Кеннеди мы поставили в тупик американских чиновников: не могли указать в анкете адрес проживания.

— Едем ужинать, — бодро объявил

Финнеган,— там соберется вся команда шхуны.

В ирландском кабаке, куда мы попали затемно, было уже не протолкнуться. Высокий мулат в бейсбольной кепочке, с могучими плечами, обтянутыми красной майкой, раздавал по три синеньких талона на пиво. Все брали кружки с пивом и обильно накладывали в тарелочки закуску — блюда громоздились на столах вдоль стен. Вот в такой-то непринужденной обстановке (телевизор — за стойкой, игральные автоматы — в углу) хозяева выбирали себе гостей на постой. Я достался невысокой блондинке с бледным лицом по имени Джоан. Узнав, что она состоит в обществе любителей русской литературы и языка и объясняется по-русски, я с облегчением вздохнул.

— Но мой «русский» так себе, — добавила Джоан, — а муж говорит прекрасно. Он ждет дома с ребенком.

«Ну, уж наговоримся обо всем всласть», — мелькнуло в голове. В предвкушении интересного вечера я в самом радужном настроении тронулся за своей хозяйкой. Миновав у подъезда машины, в которые рассаживались довольные гости, Джоан вопросительно посмотрела на меня:

— В такое позднее время мы вряд ли найдем здесь такси. Но где-то неподалеку вход в метро.

— Метро так метро, мне еще не приходилось в нем ездить, — как можно бодрее поддержал я Джоан, подумав, что поездка в такси дорожевата для работницы библиотеки.

И мы двинулись по темным закоулкам, обходя мешки с отбросами и груды пустых картонных коробок. Не встретив ни души, мы наконец наткнулись на вход в метро, но он был перегорожен замкнутой цепью. Продавец соседнего магазинчика, разгружавший с грузовичка корзины с цветами, объяснил, что время уже позднее и нужно найти «дежурный» вход в метро. Эти многочисленные входы в метро возникали внезапно в первых этажах домов или даже прямо в тротуаре, как норы, но все были закрыты. Измучившись, мы наконец нашли долгожданный открытый вход. Каблучки Джоан призывно стучали где-то впереди, и я мчался вслед по безлюдным переходам, вспоминая из прессы о всех убийствах, совершенных в знаменитой нью-йоркской подземке. Наступила уже полночь, и бездомные безмятежно спали по углам, завернувшись в газету или спрятавшись в коробки.

Здесь много линий, и, меняя поезд, можно быстро достичь любого района гигантского города, соответственно опустив не один жетон. Мы тоже отыскали свой поезд и вскочили в совсем новенький вагон, избавившись от какого-то сумасшедшего, истощенно оравшего на платформе. На следующей остановке вошел меднолицый человек с выстриженной «под горшок» головой, одетый в об-

тягивающие брюки со штанинами разного цвета — желтого и зеленого. У него был стеклянный, остановившийся взгляд, заторможенные движения.

— Наркоман,— прокомментировала Джоан,— у нас в квартале живет весь юг Европы, многие употребляют наркотики — я нагляделась.

Открылась дверь, и величавый полицейский ввел потрепанного человека со всклокоченными седыми волосами, прижимавшего рукой бумажный сверток. Бездомный явно нарушил какие-то правила. Блюститель порядка зорко оглядел вагон, приметил нашего разноручного соседа, и на душе у меня сделалось спокойнее.

Вышли мы самые последние из метро, но на углу улицы, где проживает Джоан, еще кипела полночная жизнь. От освещенного рестораника несся пронзительный женский визг: две грудастые девицы теснили с тротуара рыжую толстуху, конкурентку в ночном бизнесе, явно посягавшую на чужую территорию.

— Рядом и мой дом,— удовлетворенно произнесла Джоан, и я облегченно вздохнул.

У входа в квартиру на втором этаже нас ждал муж Джоан.

Он протянул руку и представился: — Саша. Стою здесь, чтобы не звонили. Бенджамен спит,— пояснил он и вежливо осведомился: — Как самочувствие после подземки? — Говорил он без всякого акцента и, заметив вопрос на моем лице, добавил: — Да, я иммигрант, уехал шесть лет назад с матерью из Ленинграда.

Саша явно стремился пообщаться с земляком, сам предложил вытащить для меня диванчик из спальни в проходную комнату. Узнав, что я тужусь в «Вокруг света», признался в своей юношеской любви к нашему журналу. Но тут Джоан увела его на кухню, и там неожиданно вспыхнул скандал, непонятный, как все семейные ссоры, для посторонних.

Притулившись на своем диване, я вначале надеялся на примирение противоборствующих сторон, но по доносившимся русским ругательствам, как ни прискорбно, из нежных дамских уст, понял, что мира нашему дому не выдать, во всяком случае, в эту ночь.

Не думайте, что мне хочется изнутри копнуть американскую семейную жизнь. Сороятся, как известно, все супруги во всем мире. Для развития ночных событий важен главный эпизод скандала.

Когда Джоан стала отсылать мужа к его матери, то Саша объявил права на сына Бенджамена.

— Ах так! — вскричала Джоан и пантерой метнулась к телефону.

— Полиция! Мой адрес... — Она все же успела сообщить адрес и о захвате принадлежавшей ей площади.

Несправедливость вывела из себя вяловатого Сашу, и он, схватив трубу-

ку, с корнем вырвал ее из новейшего американского телефона, даже вместе со шнуром.

Дальнейшее течение ссоры меня моментально перестало интересовать. Я обреченно приготовился к малопривитной встрече с полицейскими, и те не заставили себя ждать, позвонив минут через пятнадцать. Когда они возникли во всем боевом великолепии на пороге, как карающая десница господня, я просто не выдержал и отвернулся. Мысли в голове испарились, пронеслись лишь отдельные знакомые слова: «паспорт... виза... прописка... протокол... задержание...»

Тем временем полицейские, строго указав Саше дубинкой на стул, выслушивали Джоан. Хотя она им демонстрировала ушибленную ногу, пыталась изложить всю подноготную иммигранта Саши, полицейские стояли на твердой позиции невмешательства в семейную жизнь без достаточных оснований.

Внимание полицейских к моей особе усыпило бдительность, и я стал разглядывать ближайшего крепкого негра в рубашке с короткими рукавами, расстегнутой на могучей груди. Ворончик рубашки украшали звездочки, у плеча — полицейская эмблема, но прежде всего привлекал внимание широкий кожаный ремень со сверкающей фигурной пряжкой. На нем висели наручники, а из расстегнутой кобуры торчала рифленая ручка кольца. Второй, с усиками, больше молчал и поглядывал на меня, поигрывая тяжелой дубинкой.

Я скользнул по нему взглядом и снова уставился в раскрытый словарь.

И тогда он произнес: — А это кто? — И повел в мою сторону дубинкой.

Возможно, он пронизательно предположил, что я и есть тот третий, из-за которого заварился сыр-бор. Не знаю.

Только Джоан, увлекшись пересказом своих семейных неурядиц, равнодушно обронила:

— Это просто русский. Гость.

Потом я прикидывал, как бы среагировала наша родная милиция на заявление в московской квартире: «Это просто американец». Да... а тут полицейский и бровью не повел, словно каждое дежурство встречался с русскими. Даже не потребовал мое удостоверение личности. Как бы он, интересно, воспринял мой временный заграничный паспорт в разгар ночного семейного скандала? И тем более без нью-йоркской прописки?

Но... как говорится, нет состава преступления. А на нет и суда нет.

Полицейских заинтересовал только сломанный телефон, за который они и приговорили Сашу-иммигранта к штрафу.

Закрылась дверь за полицейскими, и мы остались втроем, не считая спящего Бенджамена, с которым я так и не познакомился.

За окном наступал бледный нью-йоркский рассвет...

ЖИЗНЬ В СОБСТВЕННОМ КОТТЕДЖЕ

Где-то путешествует неутомимая Хелен Рид? Кто знает. Последнюю открытку я получил от нее из Финляндии. Туда она отправилась, даже не передохнув после перехода нашей шхуны через океан. Той же осенью хотела навестить дочь и сына, работающих на Аляске. Сколько ей лет? Она не скрывает — 73. Но возраст не помеха в ее неукротимом желании бродить по свету (работала даже в Китае). На шхуне Хелен плыла бесплатно, как переводчица. Знакомая в Нью-Йорке, она вручила мне «визитку», которая выглядела весьма внушительно. На ней были изображены пишущая машинка и микрофон, а текст пояснял, что Хелен Т. Рид является членом многих переводческих ассоциаций и знает русский, немецкий, испанский, польский и другие языки. Между прочим, я вначале не догадался, что инициал «Т» полностью расшифровывался весьма обычной русской фамилией «Тарасова».

Откуда такая фамилия и знание многих языков? Богатая событиями жизнь Елены Петровны (так я ее называл), дочери русских иммигрантов, а ныне неунывающей американки из штата Северная Каролина, и есть ответ на эти вопросы.

— Я вся в отца. У него была такая романтическая любовь, — Елена Петровна на этой фразе поднимает вверх смеющиеся глаза, — он очень упорный: выбился из крестьян села Колпино Владимирской губернии, окончил Московский университет. Участвовал в событиях 1905 года, попал под суд и бежал в Англию, там и женился на Клавдии Михайловне Юревич, потомственной дворянке, последовавшей за ним.

Где только не искал счастья Петр Петрович, наконец обосновался в Кливленде, в компании «Дженерал электрик». Здесь же, в Кливленде, его сын и дочь поступили в университет.

— Меня манила Европа, тем более учиться языкам там было дешевле. Остановилась вначале у дальних родственников в Цюрихе, где выучила немецкий. И тут, — Елена Петровна взмахивает руками, — я отправилась в Испанию — ведь мне было всего 18 лет — так хотелось побывать в стране Дон-Кихота и коррида. Конечно, в Европе я изучила языки, но надо было возвращаться домой в Кливленд и кончать университет.

Спокойное течение жизни прервало нападение Японии на США. Экономисты требовались министерству финансов, и Елену Петровну направили на работу в Вашингтон, а затем в 1945 году в Германию.

— О, у нас свободно меняют профессию, так же как и место житель-

ства. Это позволяет попробовать свои силы в разных областях, и в науке и на производстве. А мне помогло удачное сочетание: знание экономики и языков. Просто повезло в жизни,— удивляется Елена Петровна.

Хелен Рид много рассказывала о своем доме в Ашвиле, как она управляет с автомобилем (вся пенсия на это уходит), возится на участке с цветами. Пытаюсь представить ее одну — дети все разъехались — в пустых комнатах, за уборкой, разглядывающей фото своих близких — и не могу, настолько это не вяжется с энергичной, жизнерадостной Еленой Петровной.

После того как она сама вызвалась участвовать в путешествии на шхуне «Те Вега», в местной газете появилась статья о ее жизни, с портретом.

— На следующей утро я проснулся знаменитой, со мной раскланивались даже на улице, и я понял, как трудно быть кинозвездой,— шутит Елена Петровна,— хотя я в беседе с корреспондентом нажимала на свой опыт морских путешествий (давным-давно я плыла из Европы в Америку на теплоходе), но он поведал о моей деятельности в «Сьерра-клуб» — старейшей (ей скоро 100 лет) американской организации по защите окружающей среды.

Клуб «Сьерра» ведет много программ в защиту природы («альпийская» программа, действия против загрязнения рек и другие), но особенно известной, как в США, так и у нас, стала компания клуба в защиту сохранения Аляски.

— Аляскинский суровый край — не только собственность штата, но достояние всей Америки. Были проведены отчеты нефтяных компаний. Я сама ездила на такое слушание в соседний штат, где общественность потребовала строгого контроля за деятельностью компаний под лозунгом: «Аляскинская нефть только для страны, а не на продажу». Сейчас клуб «Сьерра» борется против строительства плотины в каньоне Колорадо и Аризоны. Под давлением общественности министерству пришлось сделать заявление, что «ничего строить они не собирались». Значит, какой-то толк от нашей деятельности все же получается,— с удовлетворением говорит Елена Петровна.

...Видя мой интерес к быту американцев, Елена Петровна еще в Нью-Йорке предложила съездить в гости к сыну Андрею или ее знакомым. Но только где-то на пути к Балтимору удалось осуществить эту затею.

Нас пригласил на ночлег в свой загородный коттедж Джон Тордела. Он не так давно уволился с химического завода Дюпона, не дожидаясь пенсионного возраста, который начинается с 65 лет для всех американцев, независимо от пола.

— Сейчас мало кто работает после 65 лет. Ощущаешь свой возраст, растут нагрузки. Правда, если на пенсию

уходишь на два-три года раньше — получаешь пособие на 20 процентов меньше,— рассуждает Джон с достоинством, неторопливо ведя свою машину,— поэтому приходится подрабатывать. У меня большой опыт химика-инженера, участвую еще в кое-каких проектах на предприятии.

Позднее я познакомился с опросом, проведенным институтом Гэллага для Американской ассоциации пенсионеров. По его данным, большинство пожилых людей трудятся, чтобы ощущать себя полезными. Высока социальная и политическая активность пенсионеров. Около половины их работают добровольцами в различных организациях, являются членами благотворительных обществ, активно участвуют в выборах, путешествуют, как Хелен Рид. Между прочим, я замечал, что почти все американские туристы в Москве — бодрые пожилые люди.

По асфальтовой дорожке мы подкатили к дверям гаража, находящегося внизу двухэтажного дома. Джон нажал кнопку на дистанционном управлении — двери медленно разъехались, и машина вкатилась внутрь. Из гаража сразу вошли в дом. Весьма удобно, не правда ли?

В кухне, где царствовала хозяйка Милдред, недавно вернувшаяся от дачи (та живет с ребенком в городе), полстены занимал огромный холодильник-шкаф, откуда мы потом доставали замороженные фрукты. Наверху гостиная с телевизором и камином и две спальни с ванными комнатами. Обстановка достаточно старомодная (да и телевизор не последней марки). Когда Джон переоделся в клетчатую рубашку и с загадочным видом пригласил пройти вместе с ним вниз, я подумал, что в подвале нечто сногшибательное: бар или тир. Но там была просто мастерская, наполненная всевозможными станками, инструментами, развешанными по стенам. Строгай, пили, режь, паяй — пожалуйста. Джон обтесал рубанком доску и показал, как стружки и опилки сами сыплются в специально сделанный под столом ящик.

— Естественно, все дорожает,— сетовал Джон, пока мы поднимались в отведенную мне спальню,— дом обошелся мне в 400 тысяч долларов, сейчас за него, конечно, дадут больше. Но и налог на землю повысился. Так что жить на пенсию не легко. Мой сосед продал дом и подался в город, купив там квартиру. Есть и такой выход...

В спальне Джон подвинул к приземистому столу тяжелый стул, словно приглашая садиться писать.

— Мебель в доме сам сделал,— довольная улыбка осветила морщинистое лицо хозяина.

Проснувшись рано, я распахнул окно. Еще стояла предутренняя дымка над коротко подстриженной зеленью газонов, а в кустах, усыпанных цветами, порхали птицы. Лишь их щебетанье нарушало тишину.

«Хорошее это дело — жить в таких коттеджах,— подумалось мне,— тем более если есть занятие и навещают дети и внуки».

ВСТРЕЧА В ЗАЛИВЕ ЧЕСАПИК

Не успели въехать в Балтимор, как перед автобусом выплыла гигантская белогрудая шхуна — картина на стене старого дома. Улицы вымерли от жары, казалось, все жители этого миллионного города спустились к морю. Так оно и было: гул толпы висит над набережной, над торговой площадью «Харбор-плейс», в стеклах павильонов плавится солнце, а под крышей кипит бешеная купля-продажа в ста с лишним магазинах, где можно приобрести любые фрукты и овощи, всякую рыбу и, конечно, свежих голубых крабов из Чесапикского залива. Мы погружаемся в поток людей, над которым висят воздушные красные шары-сердца, а в руках у каждого, от инвалида в коляске до полуголового негритенка, мороженое — ореховое, клубничное, шоколадное и других неизвестных мне сортов. Да, есть чем привлечь теперь в Балтимор туристов — недаром сооружение комплекса «Харбор-плейс» обошлось в 20 миллионов долларов.

Мы спускаемся на пирс, к которому прижились десятки яхт. Здесь несколько лет назад причаливало советское учебное судно «Товарищ», и многие дождались в очереди, чтобы подняться на его борт. Недалеко был пришвартован парусник — копия знаменитого балтиморского клипера прошлого века «Гордость Балтимора». В этой гавани проходил весьма впечатляющий парад парусников. Сейчас мы перебираемся на яхту, где нас ожидает Дженифер Ламб — одна из немногих женщин — капитанов парусных судов, пригласившая нас на прогулку по Чесапикскому заливу.

Отходим на моторе от пирса, и, пока проплываем мимо зданий порта, Дженифер рассказывает, как городские власти на бывших пустырях построили стадионы с прекрасными полями, где проводится каждое лето более десяти этнических фестивалей, в том числе украинские и чешские, которые совпадают по времени с городской ярмаркой. На эти празднества собираются гости со всей страны.

Если в прошлом веке Балтимор процветал, как главный морской центр торговли на Чесапикском заливе, то в нашем столетии он постепенно приходил в упадок, особенно это стало заметно в 50-е годы. Тогда городские власти и приняли за реконструкцию района внутренней гавани, которая обошлась в 300 миллионов долларов, и за восстановление старых кирпичных домов из прилегающих к порту жилых кварталов. Отстроенные дома XIX века, на которых даже не было крыши, продава-

лись жителям по цене не выше той, что город затратил на восстановление. Полуразвалившиеся дома шли даже по доллару за штуку — лишь бы покупатель взялся за их строительство.

После обновления в Балтимор перебрались многие фирмы, предприятия, увеличилось его население. За осуществление этих проектов реконструкции город получил множество национальных и международных наград.

— Вы расспрашивали о клипере «Гордость Балтимора», — обращается ко мне Дженифер, — я работала на нем помощником капитана. К тому времени мне уже довелось поплавать на яхтах разных классов, но клипер — это что-то совсем иное. Высокие мачты, большие паруса. В прошлом веке подлинный клипер «Гордость Балтимора» возил пряности из дальних стран, сторожил вход в гавань. На паруснике хочется уплыть подальше в океан от житейских забот, мелкой суеты. Теряется вдаль берег, и остаешься наедине с бесконечными волнами и солнцем. Я становлюсь сама собой, ни от кого не завишу. Поэтому всегда стремилась получить лицензию капитана и вот стала им несколько лет назад.

Ветер переменялся, Дженифер занялась парусами, в разговор вступила Джулия Бродертон, помощник капитана на нашей «Те Веги»:

— Я связала свою жизнь с морем после плавания на «Бригантине». Из Квебека мы отправились на этой старой лодке на Мартинику и в «Бермудском треугольнике» попали в ураган. Лодка прыгала по волнам, как заводная, и скоро ветхий корпус дал течь. Я была простым матросом, и капитан послал меня с другими ребятами убирать паруса. Это помогло мало — волны захлестывали судно. Тогда капитан, много раз бывавший в подобных переделках, крикнул: «Лейте масло!» И мы стали лить масло около бортов, чтобы утихомирить волны. Как мы не потонули — сама не пойму. Но одноглазого капитана — его почему-то все звали «шкипер» — я запомнила на всю жизнь.

У каждого из собравшихся на яхте был свой первый учитель в морском деле и любимая лодка. У Дженифер отец сам был капитаном, плавал на военных кораблях, а ее жених — моряк торгового флота. Джулия выросла на небольшой речке с забавным названием «Пять миль» и начала плавать на отцовской лодке. Когда окончила университет, стала преподавать историю в городке Глостер, неподалеку от Бостона, и там познакомилась с Дейвом Брауном, по уши влюбленным в море. Дейв вместе с Джулией отправился в плавание на шхуне «Те Вега» в качестве механика (кажется, это было

их свадебное путешествие). И днем и ночью он пропадал в машинном отделении, урывая от работы несколько часов на сон, и вечно опаздывал к обеду. Зато завтракал он подчас в одиночестве — все еще спали, а он сидел в перемазанной мазутом майке, со спутанной шевелюрой и наслаждался чашкой кофе. Он любил вспоминать, как впервые увидел «Те Вегу»:

— Я тогда плавал на моторном рыболовном судне. Начинало штормить, и я вышел на палубу. Когда на волне показалась шхуна, я просто не поверил глазам. Она шла под всеми парусами, накренья на бок, черпая бортом воду, а люди на палубе что-то радостно кричали и махали руками. Это было просто наваждение. Тогда я решил, что обязательно наймусь на эту шхуну.

В заливе Чесапик Дейв признался нам, что его самой первой и любимой была шхуна «Эдвейчер» — «Приключение», которая стоит у причала в родном Глостере.

— История возрождения Балтимора напомнила мне иной сюжет — с Глостером — первым рыбацким поселком на севере Америки, сейчас незаслуженно забытым. Лет сто назад он был центром рыболовства Нового Света, — заявил Дейв, выжидательно глянув на нас. Но все молчали, и он продолжил: — В большой гавани, хорошо защищенной от непогоды, родилась двухмачтовая шхуна типа «Те Веги», и много лет такие шхуны строили неподалеку, в городке Эссекс.

Когда изобрели мотор и парусники начали уходить в прошлое, рыбное дело стало хиреть в Глостере и развиваться в таких городах, как Бостон, где появились морозильники и железная дорога. Многие рыбаки и судостроители потеряли работу, изменились методы рыбной ловли — на смену парусникам пришли моторные лодки.

А в последние годы возникла новая проблема. Поднялась цена на землю около океана. Глостер стал превращаться в «спальный город» (всего-то 60 километров от Бостона — и никаких рыбных запахов) и заселяться

чужаками. Между прочим, это типичное явление для городков на побережье. Старые жители, патриоты, объединяются, чтобы сохранить лицо своих городов, их историю. Так появилась идея спасти шхуну «Приключение».

Нам с Джулией уже знакома история этой старой рыболовной шхуны, построенной около 60 лет назад. Совсем недавно она снова пришвартовалась в глостерской гавани, и, судя по ее потрепанному виду, навсегда. Жители Глостера приходили к причалу и сожалеюще разглядывали судно, будоражащее ностальгические чувства.

Тогда-то и родилась смелая идея восстановить шхуну. На первый взгляд этот замысел казался нереальным — шхуна была просто старой развалиной. Но в городе еще не перелыбли опытные корабельщики, у которых хватило мужества взяться за ремонт. К ним сразу прибились мальчишки, а затем уже на судно повалили все — рыбаки, домохозяйки, врачи. Каждый день прибавлялось все больше добровольных помощников. Жителей поддерживала надежда, что славная история Глостера сохранится для потомков. Среди энтузиастов выделялся своим мастерством по машинной части Дейв Браун, ставший одним из трех платных служащих, работающих на судне и отвечающих за его безопасность. На шхуне «Приключение» любят бывать школьники, и Дейв заводит их буквально во все уголки, рассказывая ее историю.

— Я не бросил работу на своей шхуне в Глостере, просто взял отпуск и поплыл через океан, — смеется Дейв, — на «Те Веги» мне нравится возиться не только с машиной, но и с ребятами. Вы знаете, что здесь была школа для детей с нарушенной координацией движений? Морское путешествие помогает им поправить здоровье. Честное слово, я не понимаю, как люди могут обходиться без морской шири. Здесь другой воздух, другое настроение. Но я всегда возвращаюсь в родной Глостер — там мой дом с Джулией.

Наша яхта разворачивается на глади Чесапикского залива и берет курс к виднеющимся вдаль небоскрегам Балтимора. У руля о чем-то задумался капитан Дженифер. Возможно, о новом плавании. Я знаю, что она окончила медицинский колледж и занимается реабилитацией инвалидов, временно потерявших трудоспособность. Теперь она собирается совершить путешествие на большом медицинском судне в южные широты, останавливаясь у островов и лечить больных, спасать их от смерти.

Дженифер и ее друзья очень любят людей и всегда помогают им, не расставаясь с белыми парусами в бескрайнем океане.

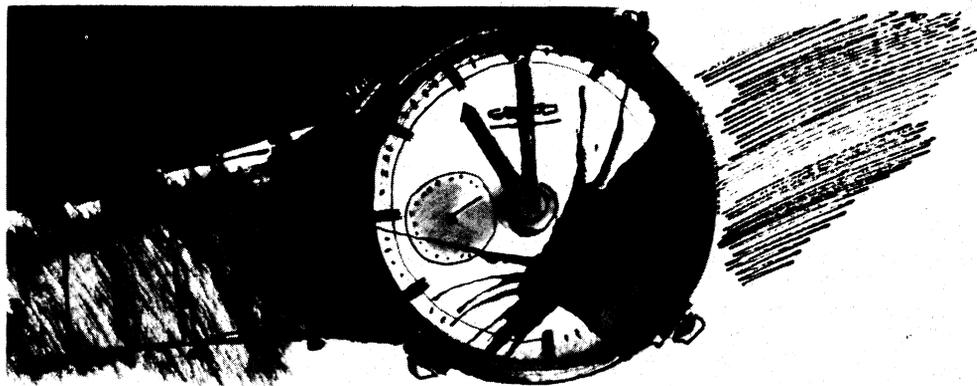
Нью-Йорк — Балтимор

Ален МИЛН,
английский писатель

Ровно в одиннадцать

Ален Александер Милн (1882—1956) — известный английский писатель. Всемирную славу ему принесли книги о Винни-Пухе, его друзьях Пятачке, Кенге, Ру и других зверушках. Однако А. Милн писал не только для детей. Из-под его пера выходили романы, рассказы, пьесы, публицистические произведения. Его знали как убежденного борца за мир.

Рассказ

Да, сэр, я читаю детективы, хотя большинство полицейских ответят вам, что не берут их в руки. Они посмеиваются над этими выдумками, говорят, что в детективах нет ничего похожего на реальную жизнь, потому что выслеживание убийцы — не просто вопросы индукции и дедукции, решаемые касанием кончиков пальцев обеих рук или протиранием стекол роговых очков, но тяжелая работа, зачастую затягивающаяся на долгие месяцы. И обычно так оно и есть. Но зачем же тогда я раскрываю эти книги? Чем меньше детективная история похожа на правду, тем больше она меня захватывает. А читаем мы их с вами по одной и той же причине: чтобы отвлечься от действительности.

Вы когда-нибудь задумывались, почему в детективах убийца почти всегда или пускает себе пулю в лоб, или гибнет в автомобильной катастрофе, или срывается в пропасть? Вы это заметили, не так ли? И поэтому хочу спросить, почему книжный убийца исключительно редко попадает на скамью подсудимых? Доказательства, вот в чем дело. Я имею в виду не те доказательства, которых достаточно для читателя детектива, заранее уверенного в том, что его любимый сыщик всегда прав. Нет, я говорю об уликах, которые покажутся убедительными для присяжных после того, как судья отметет все, что не является уликой в юридическом смысле этого слова, а адвокат обвиняемого основательно замутит воду. Я не упомянул еще о свидетелях, которые могут подвести в самый критический момент. Да, куда проще быть детективом-любителем. Ему-то достаточно лишь логически вычислить убийцу, чтобы тот признался во всем и покончил с собой в последней главе. Для инспектора полиции, то есть для меня, дело обстоит несколько иначе. Мне надо доказать вину убийцы перед

суперинтендантом, начальником полиции, судьей, присяжными.

Кстати, я звал одного детектива-любителя. Умный парень, не упускал ни одной мелочи, как это принято в детективных историях, и помощь его пришлась весьма кстати. Кто убийца, мы оба знали наверняка. Ну а что дальше? Что мы могли сделать? А ничего. Доказательств-то никаких не было. Только одна уверенность. И если хотите, я расскажу вам об этом деле.

Поместье называлось Пелхэм Плейс. Чудное местечко. Его владелец, мистер Картер, обожал птиц. В центре парка он создал птичий заповедник. Густой лес окружал озеро, которое питала маленькая речушка. На озере гнездились разные птицы — и пегие зимородки, и черные дрозды, и многие, многие другие, а мистер Картер изучал их и фотографировал для своей будущей книги. Я не знаю, что это была бы за книга, потому что он так ее и не написал. В один из июньских дней его убили ударом по голове, как принято у нас говорить, тупым предметом.

Мистер Картер не позаботился о завещании, и его состояние отошло четверем племянникам — Амброзу и Майклу Картерам и Джону и Питеру Уайменам. Амброс, самый старший из них, жил с мистером Картером и хотел передать поместье под охрану государства, утверждая, что такова была воля дяди, но остальные наследники воспротивились. Поместье продали, а вырученную сумму племянники разделили поровну.

Амброс — а это и был мой детектив-любитель — вел дела и помогал дяде в работе над книгой. Он говорил мне, что наблюдение за птицами не слишком отличается от наблюдения за людьми и трудно найти лучший способ тренировки внимания и памяти. Должен признать, он сказал чистую правду. Не приходилось удивляться и тому, что он любил поместье больше других и хотел бы выполнить желание дяди. Впрочем, так же естественно и поведение остальных племянников, придерживающихся прямо противоположного мнения. Джон и Питер были родны-

© Перевод с английского, «Вокруг света», 1990 г.
A. A. Milne. «Murder at Eleven». Published in «A Table Near the Band» by E. P. Dutton & Company, Inc., New York, 1950.

ми братьями. Первый, по профессии актер, вечно искал работу. Второй, новоиспеченный юрист, еще не приобрел клиентов, но успел обречься, так что остро нуждался в наличных. Майкл Картер, двоюродный брат Амброза, имел собственное процветающее дело, но его жена привыкла ни в чем себе не отказывать, а деньги, как известно, есть деньги.

Об убийстве мистера Картера я узнал от Амброза, который позвонил мне и попросил прислать кого-нибудь из полиции. Наш доктор был на вызове, и я отправил ему записку, взял сержанта и поехал в Пелхэм Плейс. Не знаю почему, но я решил, что найду тело в доме. Однако Амброз — ранее я встречался с ним один или два раза — дождался меня у парадной двери. Он сел в машину со словами: «Сейчас налево, затем первый поворот направо.— Потом взглянул на меня и добавил: — Извините, инспектор, что я распоряжаюсь вашим автомобилем, но дядю убили в заповедном лесу. Мы подъедем туда как можно ближе». Судя по всему, он полностью сохранил самообладание.

Вот что, по его словам, произошло в Пелхэм Плейс. Мистер Картер ушел к озеру прошлым утром, около десяти часов. Обычно он проводил там весь день и возвращался к обеду, но, бывало, оставался и на ночь, чтобы увидеть первый утренний полет птиц, поэтому никого не удивило его отсутствие за стол.

— А где же он спал? — поинтересовался я.

— У озера есть сторожка. Вы увидите.

— И еда?

— Да, и спиртовка, и все прочее. Там очень удобно. Я сам много раз ночевал в сторожке.

— Поэтому никто не обеспокоился, когда он не пришел к обеду?

— Разумеется, его отсутствие не осталось незамеченным, но мы все хорошо знали, чего ждать от дяди Генри.

— А когда вы начали волноваться?

— Он должен был прийти утром, чтобы принять душ и позавтракать. Во всяком случае, он всегда приходил. Джон, мой кузен, и я поспешили к озеру. Мы подумали: вдруг он заболел? Джон и сейчас там, следит, чтобы никто ничего не трогал.

Амброз попросил остановить машину, мы пересекли луг, углубились в лес и вышли к озеру, вернее — к большому пруду, окруженному раскидистыми деревьями. Никогда не видел более красивого места... Но вернемся к делу. Получалось, что мистера Картера мог убить только кто-нибудь из членов семьи. Поэтому я хочу, чтобы вы представили, с кем мне пришлось иметь дело. Амброз Картер, старший по возрасту, с круглым лицом комика, среднего роста, отличался склонностью к полноте. Джон Уаймен, высокий черноволосый красавец лет тридцати с циничным лицом актера, сидел на бревне и курил. Когда мы подошли, он взглянул на часы и встал.

— Я тут уже битый час.

— Извини, Джон, быстрее не получилось, — ответил Амброз. — Это инспектор Уиллз.

Джон Уаймен, конечно же, никого и ничего не видел, и я отослал его к дому вместе с сержантом Хассли, которому велел дожидаться доктора и привезти его сюда. Затем Амброз и я направились к телу.

— Вы с дядей ладили? — спросил я.

— Да, конечно. Хотя я не могу сказать, любил ли его или нет. Он, как бы это выразиться, был не от мира сего. Птицы занимали его гораздо больше, чем люди, и он ни к кому не питал особой привязанности.

— Я вас понимаю, — кивнул я.

Владелец поместья лежал на спине. С пробитой головой и сломанной правой рукой, словно он успел подставить ее под первый удар, и только второй удар оказался смертельным. Мне показалось, что убили его, по меньшей мере, несколько часов назад.

— Когда его в последний раз видели живым? — спросил я.

— Вчера утром, в половине десятого, — ответил Амброз.

Я наклонился, чтобы взглянуть на часы убитого. Они сильно пострадали от удара, но я смог разглядеть время. Одиннадцать часов. Ровно в одиннадцать, сказала я себе. Неплохое название для детективной истории.

— Как странно, однако, — сказал Амброз. — Я мог бы поклясться... — Он смолк на полуслове.

— В чем? — поинтересовался я.

— Дядя носил часы на левой руке, — неохотно ответил он. Мне показалось, он хотел сказать что-то другое.

— Где были часы, когда вы и мистер Уаймен обнаружили тело?

— Полагаю, что там же, где и теперь.

— Точно вы не помните?

— Я сразу заметил, что рука сломана, а часы разбиты, но не придавал этому никакого значения. Вероятно, подсознательно я решил, что это левая рука, на которой он носил часы. Поэтому сейчас и удивился.

— Вы уверены, что мистер Картер носил часы на левой руке?

— Абсолютно. Да посмотрите сами. Вон полоска от ремешка на левом запястье.

Действительно, я увидел полоску. Я дошел бы до этого и сам, но мистер Амброз оказался проворнее: видимо, сказалась привычка к наблюдению за птицами.

Амброз обошел тело, опустился на корточки, присмотрелся и тихонько рассмеялся.

— Что вы нашли смешного, сэр? — спросил я.

— Так-так-так, — проворковал он.

Я подошел к телу и обратил внимание, что часы были перевернуты.

— Видите, что произошло, инспектор? Убийца сломал руку дяде Генри, прежде чем убил его. Потом снял часы с левого запястья и разбил их.

— Похоже, что так, — согласился я.

— Надевать кому-нибудь часы — все равно, что завязывать галстук на шее другого человека: все надо делать в зеркальном отображении...

— Выходит, убийца хочет, чтобы мы считали, что преследование произошло в указанный им час.

— Именно так.

— А это означает, что мистера Картера убили в другое время.

— Совершенно справедливо. Из чего следует... что, инспектор?

— Из чего следует, что на одиннадцать часов у убийцы, возможно, есть твердое алиби.

— Возможно? — Амброз удивленно взглянул на меня. — Наверняка. Иначе зачем снимать и разбивать часы? Итак, мы уже кое-что знаем об убийце.

— Однако это все, что нам известно. Мы не знаем, на какое время у него нет алиби. То есть истинного времени убийства.

— О, я бы этого не сказал, — весьма самоуверенно заявил Амброз.

На твердой сухой земле не было видно ни одного следа. Перед тем, как отправить сержанта с Джоном, я приказал ему позвонить в участок, чтобы оттуда прислали двух полицейских. Я хотел, чтобы они нашли орудие убийства, хотя, честно говоря, сомневался в успехе, так как оно скорее всего покоилось на дне озера. С появлением доктора я мог вернуться в дом и задать несколько вопросов родственникам убитого. А пока не оставалось ничего другого, как побеседовать с мистером Амброзом, явно метившим в Шерлоки Холмсы. Мы сели на бревно и закурили.

— Выкладывайте, сэр, — сказал я.

— Что?

— Вы что-то знаете о времени убийства.

— Абсолютно ничего, инспектор, уверяю вас. Ваша версия ничуть не хуже моей.

— Нет у меня никакой версии. Давайте начнем с вашей.

— Вы это серьезно? Ну тогда другое дело, — он просялся. — Прежде всего, что вы можете сказать о времени убийства, исходя из состояния тела?

— Об этом может сказать только доктор Хикс. Да и он даст нам довольно широкий временной диапазон. Примерно шесть часов.

— Так много? Ну, тогда посмотрим, что можем сделать мы. Во-первых... О! — Он внезапно замолчал, на его лице появилось тревожное выражение. — Я совсем забыл. С этого, разумеется, следовало начинать...

Создавалось впечатление, что Амброз говорил сам с собой, и, подождав немного, я спросил:

— С чего начинать?
— Где вы ищите убийцу, инспектор?
— Я еще не приступил к поискам, сэр.
— В кругу семьи или вне ее?
— Я, естественно, поговорю со всеми, кто сейчас в поместье. И со многими из тех, кто живет за его пределами. Объясните, сэр, в чем суть вашего вопроса?

— Мне хотелось бы думать, что вы будете искать убийцу вне семьи.

— Вернее, вам хотелось бы надеяться, что мистера Картера убил посторонний человек?

Амброз рассмеялся.

— Полагаю, что да, — и добавил, уже для себя: — Полагаю, именно это я и хотел сказать, черт побери.

— Будем откровенны, сэр. Убийца есть убийца, даже если он и ваш родственник.

— Это так, — Амброз отбросил окуроч сигареты и закурил новую. — Попробуем представить оба варианта. Первый. Бродяга или нарушитель частной собственности, короче, посторонний, идет по лесу, насвистывает, горланит песни, сбивает палкой головки цветов, ломает ветки, беспокоит птиц. Мой дядя как коршун налетает на него и гневно спрашивает, по какому праву тот оказался в заповеднике. Ссора, драка... Бродяга, защищаясь, бьет дядю палкой, затем, потеряв от страха голову, убивает его. Все очень просто.

— За исключением часов, — заметил я.

— Именно, инспектор... Вы попали в самую точку. За исключением часов. Во-первых, бродяга не подумал бы об этом. Во-вторых, где ему искать алиби, да и много ли значит алиби бродяги? А в-третьих, он не решился бы перевести часы вперед, потому что тело могли найти до того, как наступит установленное на часах время, или назад, потому что тогда дядю Генри могли видеть живым после часа его смерти.

— Разве сказанное вами не относится к любому убийце, переводящему стрелки часов? — спросил я.

— Да, разумеется, относится. За исключением... особых обстоятельств.

— Что же это за...

— Когда заранее известно, что убитый будет находиться в определенном месте в определенный промежуток времени и никто не придет к нему, будь он жив или мертв.

— Ваши особые обстоятельства как раз и подходят ко второму варианту: все родственники знали об этом.

— Да, — довольно неохотно признал Амброз.

— Однако и для посторонних, — продолжил я, — садовников, например, или егерей привычки мистера Картера не были тайной.

— Это правда, — Амброз вновь оживился. — Ну что ж, а теперь давайте порассуждаем. Убив человека в три часа, можно перевести стрелки на два и на четыре. Какому часу вы бы отдали предпочтение?

— А вы, сэр?

— Несомненно, перевел бы стрелки на два часа.

— Почему — несомненно?

— Ну, переводя стрелки на два, я был бы абсолютно уверен в своем алиби на этот час. Переводя стрелки на четыре, я мог лишь надеяться, что у меня будет алиби. Что-то могло пойти не так, как предполагалось. Я мог оказаться в компании человека, у которого плохо с памятью, нет часов, да и вообще известного лгуна. В первом же случае у меня возникает железное алиби. Я отводил бы стрелки назад, на тот час, когда мог доказать свое присутствие в другом месте. Даже если это убийство и не готовилось заранее, в одиннадцать часов убийцы в заповеднике не было.

Что ж, в его словах была немалая доля правды. Возможно, мне следовало подумать над этим, но, возможно, и нет. Не знаю.

— Итак, с этим все ясно, — продолжал Амброз. — Убийство произошло после одиннадцати. Но когда именно? Едва ли до четверти двенадцатого, иначе алиби убийцы не было бы безусловным. Он должен учесть, что часы могут спешить или отставать на несколько минут. Ему нужно время, чтобы добраться сюда от места алиби, например, от дома. Добрых двадцать минут, если идти пешком, а оста-

вить машину неподалеку он бы не решился. Я думаю, на все он положил час. Обеспечил себе алиби на одиннадцать плюс пять-десять минут, убил в двенадцать и перевел стрелки обратно на одиннадцать.

— Тогда почему не убить мистера Картера в два или три часа? Ведь это куда безопаснее, если исходить из ваших рассуждений.

— Ленч, — коротко ответил Амброз.

— То есть убийца не мог прервать ленч ради осуществления своих планов? — саркастически засмеялся я.

— Я имею в виду ленч моего дяди, а не убийцы. Вы же можете определить, когда убитый последний раз принимал пищу?

— Совершенно верно, сэр, мне следовало подумать об этом.

— Дядя Генри всегда ел между половиной первого и половиной второго, поэтому не имело смысла создавать видимость того, что смерть наступила в одиннадцать, если вскрытие могло показать, что он успел съесть ленч. Нет, инспектор, убийство совершено от половины двенадцатого до половины первого, но скорее всего ближе к двенадцати.

Следовало признать, что его рассуждения не лишены здравого смысла.

— Хорошо, сэр, — сказал я. — Мистера Картера убили в двенадцать. Тем самым мы допускаем, что у убийцы нет никакого алиби на этот час, но он может доказать, что в одиннадцать находился совсем в другом месте.

— Согласен с вами, инспектор.

— В таком случае, сэр, позвольте спросить, где вы были в одиннадцать часов?

Амброз расхохотался.

— Так и знал, что вы зададите этот вопрос, — он подмигнул мне. — Я это чувствовал.

— Я не имел в виду ничего такого, сэр, но мы должны знать, что вы делали в означенный час. Тот же вопрос я задам и остальным.

— Конечно. Дайте подумать. Время в деревне течет так незаметно. Значит, так, мои друзья из Уэстона пригласили меня на ленч. Имена я сообщу вам по первому требованию. Я ушел из дома в начале одиннадцатого, минут пятнадцать-двадцать поболтал с шофером и садовником. До Уэстона я добрался в половине первого. Все-таки четыре мили по полям, день выдался жарким, да я, собственно, никуда и не спешил.

— Почему вы не поехали на машине, сэр? Полагаю, шофер мог вас отвезти.

— Миссис Михаэль собиралась поехать в город за покупками. Кроме того, — он похлопал себя по животу, — ходьба полезна для здоровья.

— Кого-нибудь встретили?

— Вроде бы нет.

— Кто-нибудь знал о том, что вы собрались в Уэстон?

— Да, конечно. За завтраком обсуждались наши планы на день. Майкл... но вы, наверное, сами спросите у него об этом? Извините.

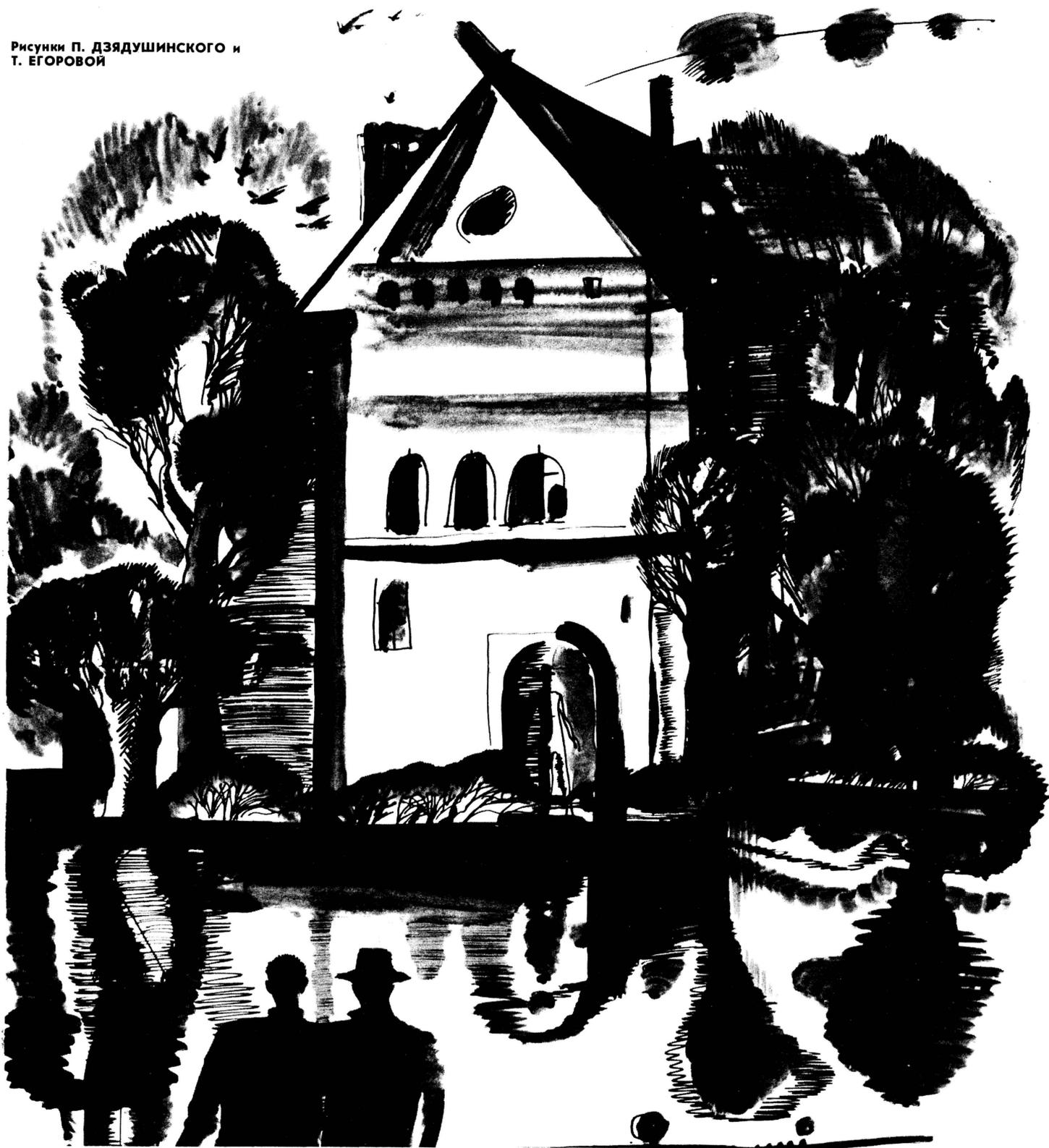
Мне хотелось знать, чем намеревались заняться родственники убитого, поэтому я попросил его продолжать.

— Михаэль всегда привозит с собой ворох бумаг. Он из тех людей, кто работает даже в поезде. Я предложил ему пойти в мою комнату и обещал прислать что-нибудь выпить. Жене он сказал, что будет занят все утро. Питер и его невеста... Ну, вы понимаете, инспектор, о чем думают только что обручившиеся юноша и девушка. Пока они вместе, им неважно, где они находятся. Я хотел найти Джону партнера для гольфа (он страстный поклонник этой игры), но или агент, или директор театра, или кто-то еще обещал позвонить ему в одиннадцать. Для серьезной игры это уже поздно, и Джон сказал, что после звонка он потренируется в парке. Я не знаю, чем они занимались в действительности, но за завтраком шел вот такой разговор.

Внезапно Амброз вскочил, словно его осенило, и я спросил, в чем дело, потому что у меня тоже возникла интересная идея.

— Его записи, — воскликнул Амброз. — Какие же мы идиоты!

— Я как раз собирался спросить вас о них, — мне дейст-

вительно пришла в голову мысль о том, что человек, наблюдающий за птицами и их гнездовьями, должен вести подробный дневник, фиксируя увиденное и время каждого сделанного им снимка.

Если бы Амброз не показал мне сторожку мистера Картера, я никогда не нашел бы этот наблюдательный пункт, приняв его за большое засохшее дерево, окруженное кустами. Там был дневник с последней записью, датированной десятью часами и двадцатью семью минутами.

— Что вы на это скажете? — спросил я Амброза.

— Занятно. — Он взял дневник и начал перелистывать страницы. — Особенно после всех наших умных рассуждений. Не мог он просидеть полтора часа, ничего не записав в дневник. О!..

— Что такое?

— Последняя запись в конце страницы. Совпадение?

— Вы полагаете, убийца мог вырвать страницу? С записями от половины одиннадцатого до двенадцати?

— Да.

— Если так, то парная страница должна болтаться.

Парную страницу тоже выдрали. Мы это поняли по пропуску в марговских записях. Одна из них обрывалась на полуслове. Да, все сходилось!

Как видите, мой детектив-любитель поработал на совесть, а теперь я расскажу вам, чего добились профессионалы. Мистер Картер успел позавтракать, и если допустить, что ленч начинался у него в половине первого, его убили в промежутке от 9.45 до 12.30. Поэтому наша догадка о двенадцати часах, вероятно, соответствовала действительности. Но когда я занялся алиби, вы помните, убийца должен был иметь его на одиннадцать часов, но не на двенадцать, все пошло наперекосяк. Дровосек по фамилии Роджерс вообще не имел алиби, другие наемные работники видели друг друга в поместье, но не могли точно определить, кто, где, когда и чем занимался. Мистер Майкл Картер все утро просидел в кабинете Амброза, во всяком случае он так сказал. Высокий, властного вида Майкл выглядел старше своего кузена, хотя и родился на несколько лет позже.

— Никто не заходил к вам? — спросил я.

— Служанка принесла мне виски с содовой. Я не просил об этом, но виски выпил.

— Когда она заходила к вам?

— Она, должно быть, помнит. Я — нет. — Он всем своим видом старался показать мне, что деловому человеку некогда обращать внимание на подобные мелочи.

Доррис, служанка, подтвердила, что приносила виски, но тоже не смогла вспомнить точного времени.

— Мне сказали принести виски в одиннадцать, но Хильда села на осу, я помогаала вынуть жало, задержалась и, наверное, зашла в кабинет уже в начале двенадцатого.

Мистер Питер и миссис Мейфильд, так звали его невесту, обеспечили друг другу полное алиби, так же как шофер и миссис Михаэль. Разумеется, вы можете сказать, что алиби Петера на двенадцать часов могла подтвердить лишь влюбленная в него девушка, и его нельзя признать абсолютно достоверным. Но, с моей точки зрения, Питеру вообще не имело смысла переводить стрелки и разбивать часы, если он знал, что мисс Мейфильд подтвердит любые его слова.

Больше всех меня разочаровал мистер Джон Уаймен. Ему позвонили в половине одиннадцатого, а не в одиннадцать, как он ожидал и на что я надеялся, в десять тридцать пять он закончил разговор, взял клюшку и полдюжины мячей для гольфа и пошел в парк. Время и продолжительность телефонного разговора подтвердили оператор на почте и миссис Майкл.

Анализ показаний позволил выявить потенциальных преступников:

1. Майкл Картер. Ему принесли виски в начале двенадцатого. То есть у него было алиби на одиннадцать часов, но не на двенадцать.

2. Дровосек Роджерс. При условии, что Джон Уаймен перевел стрелки часов, оказавшись один на один с телом убитого, и вырвал страницу дневника. Но зачем Джон это сделал? Да потому, что боялся, что его обвинят в убийстве, так как из всех племянников он был в самых стесненных обстоятельствах и обсуждал с Амброзом возможность получения помощи от дяди.

3. Любый бродяга, опять же с участием Джона Уаймена. Но это весьма маловероятно, так как лес находился посреди частного поместья, далеко от основных дорог.

Правда, в двух последних случаях возникал вопрос: а почему он перевел стрелки не на половину одиннадцатого, время, на которое у него было алиби, а на одиннадцать, когда никто не мог указать его местонахождение?

Нелогично. Поэтому я смог с чистой совестью отбросить варианты два и три. Оставался только Майкл Картер.

Я уже успел поздравить себя с успешным завершением следствия, но тут пришла Доррис. Она еще раз попыталась вспомнить, что делала утром рокового дня, и, обговарив все с Хильдой, пришла к выводу, что не могла принести виски раньше полудня. Отсюда следовало, что и Майкл не убивал своего дядю. Получалось...

В тот вечер я долго думал над создавшейся ситуацией. Я удобно устроился в большом кресле, набил трубку, поставил рядом бокал виски с содовой, положил ноги на стул. Мой шеф намеревался влезть в это дело, и мне хотелось

назвать ему имя убийцы до того, как он успеет приписать себе все заслуги или позвонит в Скотленд-Ярд.

Больше всего меня беспокоили часы.

Убийца основательно потрудились, чтобы задурить нам голову. Смотрите, что получилось. След на левом запястье говорил о том, что мистер Картер носил часы именно на этой руке, а на правую их надел кто-то другой. Страница, вырванная из дневника, также говорила за то, что от нас хотели скрыть истинное время убийства. Что могло быть яснее этого вывода?

— Ничего, — ответил я сам себе, затем вновь произнес это слово с изумлением в голосе и продолжил: — Ничего. Абсолютно ничего. Убийца сделал все, чтобы нам это было ясно как божий день!

Глупо, конечно, с моей стороны, но раньше я не обратил на это никакого внимания. Убийца положил столько сил, чтобы убедить нас, что жизнь мистера Картера оборвалась не в одиннадцать часов только по одной причине — потому что его убили именно в этот момент. Видите ли, если бы он разбил часы и оставил их на левой руке, у него не было бы полной уверенности, что мы примем на веру установленное им время смерти, куда бы он ни перевел стрелки. Потому что все знают, что с часами убийца может поступить, как ему заблагорассудится. И он пошел на двойной обман. Он заставил нас думать, что ему пришлось надеть часы на правую руку, потому что та была сломана. И словно не заметил, что оставил нам ключ для разгадки его маленьких хитростей. В действительности мистера Картера убили в одиннадцать, но преступник стремился подвести нас к мысли, что это не так.

Мистер Майкл Картер мог убить своего дядю. У него не было алиби на одиннадцать часов. В десять тридцать пять дом полностью опустел, и он оставался один до двенадцати, когда Доррис принесла ему виски. Я опустил ноги на пол, сказав себе, что нашел убийцу... а затем вновь положил их на стул, признавая свою ошибку. Потому что убить мистера Картера могли и Амброз, и Джон. У них тоже не было алиби на одиннадцать часов. Поэтому я вновь наполнил бокал и погрузился в раздумье.

Мотив преступления и возможность его осуществления указывали на то, что виновен кто-то из племянников. Если он пытался убедить нас, что у него твердое алиби на одиннадцать, разве не следовало ему беспокоиться о том, чтобы хотя бы у одного из оставшихся племянников было такое же алиби? Только тогда он мог чувствовать себя спокойно. И что из этого следовало? Знал Майкл, где находился Амброз в одиннадцать часов? Нет. Амброз мог быть где угодно. Так же, как и Джон. Знал ли Джон, где находятся остальные? Нет. Он понятия не имел, где Амброз, а даже если он и предполагал, что Майкл в кабинете Амброза, то не мог знать, сможет ли Майкл доказать, что не покидал кабинета. А Амброз... и тут я подскочил в кресле, ударил правым кулаком в левую ладонь и воскликнул: «Амброз!»

Он распорядился, чтобы в одиннадцать Майклу принесли виски. Вот оно, алиби Майкла! Джону, он это знал, обещали позвонить в одиннадцать. Это алиби Джона. В том, что оба алиби лопнули, его вины нет. Амброз! Детектив-любитель, который вел меня за собой, не позволяя упустить из виду ни след от ремешка на левом запястье, ни перевернутые часы, ни вырванную страницу дневника. Он полностью обезоружил.bestолового деревенского инспектора, выложив перед ним все козыри. Амброз, который опросил всех за завтраком, чтобы узнать планы каждого. Амброз, который ненавязчиво сообщил мне, что у двух его кузенов есть алиби на одиннадцать часов. Амброз, который столь убедительно доказал, что убийство совершено в двенадцать, когда ни у кого из племянников алиби не было! Амброз!

Такое вот дело, сэр. Если бы он не был так умен, если бы не расследование, проведенное им в лесу у меня на глазах, я бы никогда не додумался до этого. Он мне очень помог, этот детектив-любитель. Но доказательства! Их-то и не было, и убийца остался безнаказанным, хотя, как я и говорил вам с самого начала, мы оба знали, кто убил мистера Картера.

Перевел с английского
В. ВЕБЕР

«АЛЬФРЕД МУНЕЙ — АНГЛИЧАНИН»

«Человек этот необычной биографии, во многом родственной биографии Рихарда Зорге; своей храбростью, находчивостью он не отличался в боях и тогда, в Испании, и после, во время Великой Отечественной войны, когда работал в тылу врага и передавал нашему командованию ценнейшие сведения о противнике».

Дважды Герой Советского Союза генерал армии П. И. Батов

Читайте в ближайших номерах журнала документальную повесть нашего специального корреспондента.

ЛЮБИТЕЛЯМ ДЕТЕКТИВА И ФАНТАСТИКИ

«То, что роман Луи Буссенара вы печатаете отдельной вкладкой в журнале, очень хорошо, просто замечательно, читатели, конечно, скажут вам спасибо,— пишет в редакцию И. Шарахутдинов из Ульяновска.— Но почему бы вам не пойти дальше и не напечатать все лучшие произведения, опубликованные в журнале и приложении «Искатель», отдельной книжкой!»

Таких просьб поступает в редакцию немало. Учитывая интерес читателей к приключениям и фантастике, редакция журнала «Вокруг света» (приложение «Искатель») совместно с экспериментальным объединением НПО «Экспро-Импульс» имени С. П. Королева приступает к изданию серии сборников «Детектив-Фантастика» («ДФ»). Срок выхода первых двух сборников — II—III кварталы 1990 года. Ориентировочная стоимость каждого — 4 рубля. В первый сборник вошли произведения Д. Чейза, Р. Чандлера, Р. Статуа, Э. Гарднера, во второй — Д. Чейза, К. Саймака, Д. Балларда, Р. Чандлера, Г. В. Франке.

Сборник распространяется только среди клубов читателей «Вокруг света», клубов любителей фантастики, организаций книголюбов. Желающим подписаться на «ДФ» необходимо прислать соответствующие заявки до 1 июля 1990 года. В заявке указать количество экземпляров каждого сборника, свой адрес (для организаций ВОК Москвы и Московской области обязательно указание телефона ответственного секретаря ВОК).

Заявки направляйте по адресу: 141070, г. Калининград, МО, ул. Октябрьская, 15/16, «Экспро-Импульс» «ДФ».

Герберт ТИХИ,
австрийский этнограф

ЗАТЕРЯННЫЕ В ЛЕСАХ И ВЕКАХ

Однажды мне довелось прочитать путевые заметки немецкого этнографа А. Грубауэра «Среди головорезов Центрального Целебеса». Свои ученые набеги туда он совершил в 1911 году. Так вот, ему удалось наблюдать многочисленные жертвоприношения буйволов. Животные в описании Грубауэра, ожидая своей участи, были охвачены паникой и вызывали сострадание: «Их привязывали к сваям канатом из волокон ротанговой пальмы, чтобы те не убежали. С раздутыми ноздрями, трясая от страха, каждое животное вынуждено было смотреть, как забивают его товарищей по несчастью. Буйвола убивали ударом особого копыя, и если попадали в сердце, то это считалось признаком большой сноровки. Однако часто промахивались, и удар повторяли».

Мне пришлось наблюдать другой способ. Человек втыкал мечеподобный нож в шею зверя и врезал ее движением снизу вверх. Смерть наступала мгновенно. Но, по местным обычаям, животное должно истекать кровью. Этого момента ждуть мальчишки, они сразу подсакивают с заостренными бамбуковыми трубочками и наполняют их теплой алой жидкостью. Из нее потом готовится лакомство.

Еще в сочинениях пророка Моисея присутствовал небезызвестный «козел отпущения». Его приносили в жертву, чтобы умиливать Бога и злые силы. Он принимает на себя грехи «человеков» и отмывает их своей кровью. Чем более жестоко такое кровопролитие, тем действеннее жертвоприношение и оправданнее надежда на доброе отношение потусторонних сил. В разных видах «козел отпущения» очень живуч и присутствует во многих верованиях.

В ПОИСКАХ ОБРЯДА

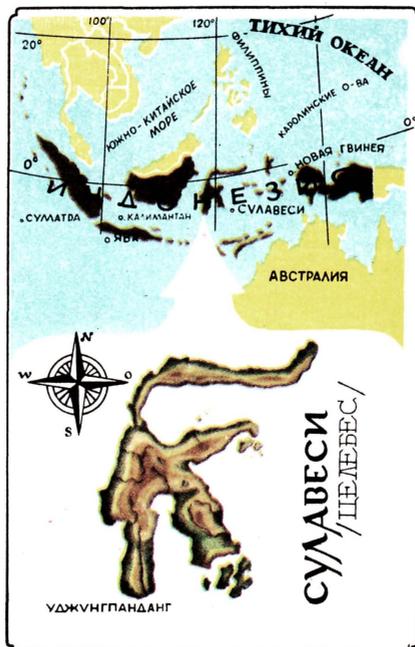
«Целебес» теперь называется Сулавеси,— сказала милостивая дама в окошке, когда я попросил билет на Целебес в салоне индонезийской авиакомпании в Маниле. «Мне только до Макасара»,— уточнил я. «Значит, до Уджунг Панданга»,— улыбнулась она.

Конечно, я знал, что голландская Батавия в независимой Индонезии была переименована в Джакарту. Но что касается Целебеса и Макасара, то «перескочить» сразу на «Сулавеси» и «Уджунг Панданг» было трудно.

На географической карте остров Сулавеси плавает по голубизне южных морей и похож на паука или, если поромантичнее, на раскрытый цветок орхидеи. Острова обычно бывают круглые, овальные или вытянутые в длину, но я что-то не встречал их в виде гигантских полипов, хватающих море жадными щупальцами. И вот там, где у этого «паука» спина, а у «орхидеи» — тычинки, то есть примерно в середине острова, живет племя тораджа. Обрывистые горы, плохие дороги и тропические дожди служат хорошим заслоном чужеземным веяниям. Поэтому племя и сохранило свои древние обычаи.

Обряд торжественного погребения умершего — самое главное событие в жизни тораджа. Про них так и говорят: они сегодня живут, лишь чтобы умереть. Прощание с покойным проходит с невообразимой пышностью.

В церемонии погребения основную роль играют буйволы. Их приносят в жертву, чтобы они сопровождали душу усопшего в «пуйа» — страну духов и душ — и свидетельствовали там о его авторитете и богатстве. Чем больше буйволов, тем лучше для души и, конечно, престижнее для родственников. Торжество длится неделями. Приглашаются сотни гостей. Их траур, конечно, больше показ-

ной, ведь между смертью и похоронами покойного проходят месяцы, а иногда и годы...

Наш автобус подошел ровно в семь утра. После обеда мы должны быть в Макале, центре округа Тана Тораджа («Земля племени тораджа»). Однако до Макале мы добрались лишь ночью — слишком уж безобразные здесь дороги. Как только автобус укатил, а мои глаза привыкли к темноте, я обнаружил рядом какую-то фигуру. «Пасторан католик?» — спросил я. Он кивнул и пошел вперед, я — за ним. Дело в том, что благодаря рекомендательному письму генерала из Джакарты меня должны были принять местные отцы-католики. Миссионеры были удивлены моим опозданием и растрогали своим гостеприимством.

Приветствовал я их на «бахаса индонезия» — сравнительно новом государственном языке Индонезии, которые пожилые туземцы не владели. Пасторы его знали, но между собой говорили на французском или на голландском, которых не знал я.

На празднества тораджа попасть было непросто. Во-первых, они и не могли точно знать, когда состоится очередной Праздник Погребения. В таких случаях требуются долгие приготовления, то и дело возникают различные проблемы. А во-вторых, как истинные горцы, они предпочитали молчание болтовне.

Ждать годы я не мог и уже терял надежду увидеть тораджанский праздник, который мне не раз обещали показать, но потом почему-то отменяли.

Моим первым проводником на Сулавеси стал Йоханнес. Он учился в католической школе в Макале, и святые отцы дозволили ему взять отпуск. От меня он получил вознаграждение и вроде бы должен был радо-

ваться такому удачному случаю, но улыбка лишь изредка скользила по его спокойному лицу. Однако свои обязанности он выполнял исправно, сопровождая меня на туземные торжества, и лишь иногда протестовал против долгих пеших переходов. На большую часть моих вопросов он лаконично отвечал: «Это твое дело».

Хотя Йоханнес был чистокровный тораджа и имел друзей и родственников даже в отдаленных деревнях, он, к сожалению, немного мог рассказать об обычаях своего народа. И часто охлаждал мое любопытство безучастным «биаса» — «так было всегда» или «тидак биаса» — «так не принято». Лишь много позже я понял, что это-то и были единственно правильные ответы на все мои вопросы.

Племя тораджа представляет собой застывшее или даже закоренелое общество строгой подчиненности, в котором живучи доисторические предания и обычаи. Священный Адат до сих пор для них убедительнее государственного законодательства. Он основан на двух нравственных ценностях: «сири» — разумное чувство ответственности, достоинства, стыда и «пагье» — совокупность чувств-переживаний, таких, как любовь, нежность, заботливость, а также ненависть. В обыденной жизни все это как бы в душе человека и выплескивается лишь в особых случаях. Именно Адат предписывает многодневные заупокойные празднества и принесение в жертву буйволов.

Кто знает повседневный быт тораджа — на полевых работах они всегда угрюмы и даже на еженедельный базар идут нехотя, тот никогда не поверит, какой многосложный мир божеств они себе создали. Их религия — это в основном культ предков с разнообразными анимистическими украшениями. Если «Восходящее Солнце» олицетворяет собой жизнь, питание, сев, урожай, рождение детей, то «Заходящее Солнце» — это все, что связано со смертью.

По их языческой вере, одушевлены как живые существа, так и неживые тела и предметы. Тут невольно вспоминается мудрое изречение Фомы Аквинского: бог спит в камне, пробуждается в цветке, поднимается в звере, действует в человеке.

И тораджа верят во всемогущего господина. Но он так далек, что простые смертные редко обращаются к нему. В их жизни господствуют духи. Хороши они называют «дэвата», а злые «бомбо». От них и исходят различные предписания и запреты.

Духов слишком много, и их взаимоотношения с человеком весьма сложны, так что даже Салурара, самый образованный тораджа из всех, кого я встречал, наверное, не все о них знает. Он задавал мне сногшибательные вопросы: «Человек — хозяин времени или время — хозяин человека?», «Если ДНК запрограммирована, то какая цель у нее, когда я тружусь?»

Согласно легенде тораджа, как и вавилоняне, пытались построить башню до неба. Однако старший «дэвата» сказал им, что для этого они должны исполнить 7777 божьих заветов. Такое оказалось непосильным для тораджанских поклонников неба, поэтому строительство было приостановлено.

Йоханнес относился к этим героическим легендам безразлично. Его пристрастием была народная школа, в которой он пока учился сам. Где бы мы с ним ни были, первое, чем он интересовался, это есть ли в деревне школа или когда будет строиться. Не иначе, как он сам мечтал стать учителем. Каждое утро я посылал его на рынок, чтобы он осторожно разузнал, где ожидается обряд. Так удалось выяснить, что в Кондо должно быть «томатэ» — последняя церемония в погребальном ритуале, с принесением в жертву двадцати буйволов. Мы двинулись туда, но встретившиеся нам по дороге крестьяне уверили нас, что торжество, очевидно, перенесут. Однако на берегу реки Саданг мы увидели, как строят к празднику домики, которые должны приютить гостей. Местные жители подтвердили, что скоро намечается праздник большого «томатэ», собираются принести в жертву восемьдесят буйволов. Когда? В ноябре или декабре, отвечают, добро пожаловать!

Да, погребальный ритуал для них был действительно праздником, если приглашают за полгода до него! Но вот однажды Йоханнес приходит с вестью, что в селе Рандан Бату должен состояться обряд погребения. Это совсем недалеко, за лесом, и мы сразу отправляемся в путь, хотя и без особой надежды.

Как только мы преодолели тенистые заросли, увидели похоронную процессию. Восемь парней несли на носилках обернутый в красные платки гроб. Однако это еще не было торжественным траурным шествием. Под громкие крики они подбрасывали его вверх, затем делали несколько шагов назад. Все это для того, как выяснилось, чтобы обмануть злых духов. Я удивился тому, как лабьеобразная крыша над гробом выдерживала такое грубое обращение. Впереди шли гуськом восемь девушек, совершенно не обращая внимания на бешеные усилия парней прогнать духов. «Девичий cortege» двигался с достоинством, лица словно каменные, как того требовал обряд. На густых черных волосах девушек красовались роскошные «золотые» шапки из цветной бумаги, похожие на короны. Сами в черных одинаковых блузках и длинных саронгах, волочившихся по земле, ярких, разрисованных цветами, птицами и диковинным орнаментом. А впереди девушек скакали мальчишки на картонных лошадках.

Вскоре мы достигли Рандан Бату, и гроб водрузили на высокую веранду «домика для усопшего». Плакальщица заняла свое место. Как только ритуал погребения продолжится, она

пронзительным голосом выразит боль по ушедшей соплеменнице. Но сейчас плакальщица курит сигарету и поправляет крышу домика, чтобы не мешала потом работать.

Домик для усопшего строят лишь для того, чтобы на несколько дней торжества приютить покойника. После этого его временную обитель забросят, как и домики, служащие пристанищем для гостей.

Я узнал, что умерла простая крестьянка по имени Нэ'Тэкок, а в жертву будет принесено лишь десять буйволов. Гостеприимные участники принесли извинения за столь скромное торжество. Однако не без гордости подчеркнули, что у них состоялось уже шесть церемоний в честь покойницы. Я присутствовал при седьмой и последней. Нэ'Тэкок умерла всего лишь год назад. И, следовательно, церемонии прошли друг за другом почти до непристойности поспешно. Жертвенных буйволов должны были умертвить уже на следующее утро...

ТОМАТЭ ПО РАНЖИРУ

В деревне Рандан Бату жертвоприношение свершалось сравнительно гуманно. Как только мальчишки наполнили свои бамбуковые трубочки кровью и животное умирало, тушу отволакивали в конец ритуальной праздничной площади и разрубали. Тораджа — прирожденные мясники, они точно знают, каким образом разделывать огромную тушу. Мясо разрезается на куски величиной с кокосовый орех. Головы буйволов ставят в ряд, сверху на них кладут убитых свиней, тоже принесенных в жертву, хотя и без особых церемоний.

Рядом в бамбуковых хижинах сидят на корточках приглашенные на праздник гости и сквозь щели в хрупких стенах жалищ с достоинством наблюдают за тем, как совершается ритуал жертвоприношения...

Старинные причитания над усопшими — «бадонг» — при обряде похорон продолжают долгие часы. Монотонная и в то же время волнующая мелодия придает церемонии какое-то возвышенное настроение. Свирепый спектакль жертвоприношения уже забыт. Бадонг исполняют на манер католического песнопения. Стихи в честь скончавшихся складываются из многих сотен строф. Каждая строка имеет восемь слогов, а слог состоит из одного гласного звука. Часто вторая строка повторяет другими словами мысль первой. Эта многоречивость ведет к искусной игре слов, рождает яркие образы.

Миссионер Ван дер Вээн перевел немало таких песен на английский язык. В одних слышится боль прощания с ушедшим; в других прославляются его замечательные качества, героические деяния, примерная жизнь. Нередко дается восторженное описание родословной вплоть до божественного происхождения. Вряд ли се-

годня даже какой-нибудь сумасшедший диктатор мог бы мечтать о таком вот высокопарном некрологе: «Его создали боги, когда спустились на землю. Его жизнь — это великолепные дела и мудрые мысли. Душа его, словно стройная пальма, поднимается до самого неба и достигает небесной тверди. Большая Медведица берет усопшего за руки, Плеяды обнимают его, Звезды прижимают к себе».

В жизни тораджа созвездия Большой Медведицы и Плеяд играют важную роль. Сроки посева риса определяются только по расположению светил. И они же — благожелатели усопшего — посылают на землю дождь.

Во время похоронного обряда имя покойника никогда не упоминается. Если умер мужчина, то его называют «Большой солнечный луч», «Корона небесной тверди», «Блик молнии»... А женщин — «Принцесса, спустившаяся с неба», «Она, объявшая все моря», «Мореподобная»...

Слово «бомбо» (бес, дух) не произносится. Иначе злые духи не дадут покойнику попасть в «пуйа» (страну духов).

Однако не столько ритуал жертвоприношения и пышность обряда говорят о том, какое большое место в сознании тораджа занимает сама смерть, сколько именно причитания.

Во время моего следующего приезда хоронили женщину по имени Лай Бинни. Ритуал был скромным, погребение, так сказать, второго класса. Но я тогда в первый раз услышал многочисленное ночное причитание. Церемония проходила высоко в горах, где не было селений, стояли лишь отдельные постройки. Поля здесь малы и скудны. Гостиница тоже скромная — убогое, без пола, строение из пиленого бамбука. День был тусклый, дождливый, и я удивился, насколько холодно может быть на тропическом острове вблизи экватора. Обряд погребения, как и всегда, шел медленно. Долгие часы хозяева и гости смотрели куда-то отсутствующим взглядом. Но, чтобы увидеть ритуал раздачи мяса, я должен провести ночь здесь, под дырявой крышей.

Впрочем, мы были, пожалуй, чересчур избалованными гостями. В хижине, где нам предоставили кров, нас угостили вареным рисом, который принесли в большом жестяном тазу. Каждый ел руками, и вскоре ничего не осталось. К рису подали обжаренную свинину, лучшие куски — мне как гостю. Я успел незаметно выкинуть через щели в стене некоторые «деликатесы» из жира и щетины — и вездесущие собаки тут же их подобрали. Затем я улегся на сухие пальмовые листья, ими же и укрылся...

Дождь прекратился, но зато поднялся холодный ветер. Ночью я проснулся — с места совершения ритуала слышалось многоголосое пение. Я разозлился. Там, в темноте, происходит действие, неизвестное почти никому из европейцев, а Йоханнес хра-

пит, и меня никто не предупредил. Я схватила его — может быть, немного грубо — за плечо и стал трясти, пока он не приоткрыл заспанные глаза. Я показал в направлении, где слышалось пение: «Что там такое?» — «Бадонг», — ответил он обиженно, как будто мы пришли сюда, чтобы отсыпаться, а не изучать местные обычаи.

Полянка, где совершались ритуалы, находилась в лощине. В самой глубокой ее точке высился столб, к которому было привязано жертвенное животное. Вокруг стояли мужчины, образуя большой «хоровод». Женщины и дети — так же, как и я, — оставались зрителями. Мужчины завернуты в саронги — большие платки, которые служат им, в зависимости от настроения и погоды, и пиджаком, и кофтой, и чалмой. Во время пения мужчины приглушали голоса, как бы боясь всколыхнуть тишину ночи. Когда песня резко обрывалась, танцовщики замирали на месте.

Ни дирижера, ни запевалы я не увидел. После нескольких минут паузы певцы одновременно начинали новую песню. Танцевальные движения тоже менялись, но я не заметил, чтобы они повторялись одновременно двумя танцующими. Участники траура напоминали мне стаю птиц в полете, которая, как и стадо зверей, на полном ходу в долю секунды может круто повернуть в другую сторону. И в племени каждый человек занимает свое определенное место, унаследованное от отца, неважно, был тот рабом или хозяином. Строгий Адат точно предписывает ему, когда и как он должен действовать. Любое своеволие осуждается как нарушение Старого Обычая.

На следующее утро были умерщвлены и разделаны несколько буйволов. Погода улучшилась, выглянуло из-за туч солнце. Танцовщики снова превратились в убогих, неопрятных и малоразговорчивых крестьян. Я раздал им последние сигареты. Мужчины предложили мне попробовать местный табак, который оказался довольно приятным.

После обеда площадь для ритуалов заполнилась гостями. Мужчины и женщины приходили разделять. На бамбуковых носилках мужчины несли подарки — живых свиней и собак, мясо которых для местных жителей — лакомство. Я вспомнил, как в первый раз меня настойчиво угощали в хижине, и поэтому готовился к трапезе со смешанным чувством.

На краю площади специально для торжеств соорудили помост шестиметровой высоты. Тораджа называли его «бала каан». На него и были водружены совместными усилиями под одобрительный шум жертвованных животных. Наверху женщина разрезала их на порции, которые оказались гораздо скромнее, чем в Рандан Бату. После того как туши были разделаны, мужчина с помоста произнес довольно длинную речь. «Приветствие, — пояснил Йоханнес, — сотня

фраз с одинаковым смыслом». Затем последовала раздача подарков, оратор бросал кусок мяса и выкрикивал чье-нибудь имя: «Для Палинги!», «Для Ромеолау!», «Для Нэзани!»... Такая работа требует ума и великолепной памяти, чтобы соблюсти точную последовательность раздачи, не нарушая иерархию людей в племени. Гостей было около двухсот человек, но мужчина знал свое дело блестяще. Люди сидели на корточках полукругом возле помоста. Тот, чье имя называли, неторопливо поднимался, с достоинством подходил и принимал мясо.

Среди гостей я увидел пожилого человека, выразительное лицо которого было мрачным. Когда раздачик почти сотым выкрикнул и его имя — Каладин, мужчина только усмехнулся. Возможно, он и пришел на это торжество лишь для того, чтобы удостовериться, не понизили ли его в «звании».

Пару дней спустя я с восхищением рассказывал своему знакомому Салурапе об уникальной памяти раздачика. Но тот лишь недоуменно пожал плечами: «Каждый ребенок знает ранжир людей племени. Это никакая не заслуга».

И все же, если человек на помосте ошибется, сорок второго по счету, например, выкрикнет сорок пятым? Тогда, сказал Салурапа, это было бы более неприятное происшествие, чем, скажем, в Европе нарушение протокола при государственном визите. Злоумышленнику пришлось бы услышать сердитые выкрики потерпевшего, вроде «баратитик!» — «чтоб ты стал карликом!» или «та боло!» — «чтоб тебя пронесло!». Впрочем, он мог бы наладить отношения с потерпевшим испугательной жертвой — несколькими курами или свиньями.

Итак, раздачей мяса закончилась торжественная часть церемонии, и началось всеобщее пиршество. Слава богу, собак «а-ля тораджа» мне не преподнесли, зато «туаг» — бродящее пальмовое вино — лилось рекой.

Но вот и ритуальный луг опустел, лишь несколько ребятшек да собаки выискивали что-то в отбросах. Шкуры жертвенных животных обычно натягивали на рамы для высушивания. Готовили для продажи самые дешевые — серые или коричневые шкуры буйвола («тэдонг»). Пятнистые, бело-черные («тэдонг бонга») — уже в десять раз дороже.

Люди с благоговением рассказывали об одном «томатэ», когда пять «тэдонг бонга», что стоит, примерно, шесть тысяч марок ФРГ, было отправлено в «страну духов», а кроме того — много простых «тэдонгов», десятки свиней, несчетное количество кур, риса, вина... Приличный «томатэ» может разорить семью.

Если умирает раб или бедняк, то, по правилам, достаточно, чтобы родственники «накололи» куриное яйцо на бамбуковую изгородь вокруг свинарника — это символ жертвоприношения. Однако чаще всего близкие

не допускают такого позора. Может прийти сосед и сказать: «Ваш отец был моим другом. И чтобы он не отпавился нищим на тот свет, возьмите буйвола». Такое предложение никогда не отклоняется, но «подарок» необходимо в будущем возместить: отдать такого же буйвола, участок рисового поля или отплатить многодневным трудом.

Имущество и собственность усопшего делятся между детьми соразмерно числу буйволов, принесенных ими в жертву. Если старший сын отдал десять буйволов, а младший — только одного, то и наследство первого в десять раз больше.

Если детей у умершего нет, то вопросы наследства решаются вначале «внутренним кругом» родственников и друзей, затем — «внешним», и опять-таки в пользу буйволожертвователей. Однако правительство запретило такой вид наследования, и теперь признается лишь личное завещание. Но Адат племени тораджа сильнее законодателей в далекой Джакарте. Кроме того, считают, что покойник сам предпочитает Старый Обычай — ведь благодаря ему на последнем «празднике» будет много буйволов. Когда течет их кровь, тораджа словно ощущает близость потустороннего мира. А деревянная голова буйвола над входом в дом свидетельствует о знатности хозяина.

Во время праздников буйволов привозывают к «симбуангам» — мегалитам. Сейчас тораджа, может быть, последние из строителей этих мегалитов — огромных каменных надгробий, предметов культа, являющихся, вероятно, напоминанием о каких-то достопамятных событиях. Их находят в различных частях планеты, главным образом на побережьях морей и океанов. Объясняют их по-разному и все чаще говорят о существовавшей некогда общей мегалитической культуре. Она, вероятно, пришла в Индонезию двумя волнами: в каменном веке оставила после себя каменные столы, сиденья, террасы, пирамиды и выложенные большими плитами места собраний; в бронзовом веке от нее остались каменные склепы и гробы, иногда высеченные из цельного куска скалы.

До сегодняшнего дня тораджа ставят мегалиты вместо памятников наиболее выдающимся людям. Такие камни, высотой до пяти метров, в форме иногда напоминают растение мандратору и ставятся в центре «рантэ» — ритуальной площадки. Нет, наверное, ни одной деревни без «рантэ» и «симбуанга».

Свой дома тораджа строят всегда на удобных местах: возле рисовых полей, на берегах рек, у родников. Однако для «рантэ» они выбирают самое красивое место. Часто жертвенные камни порастают мхом и выглядят весьма почтенно. Но это не так, ведь самые гигантские из них воздвигнуты после второй мировой войны. И сегодня иногда можно наткнуться на свежевыкопанные ямы под

новые мегалиты. Самое сложное — доставить многотонные камни на место, для чего собирается все мужское население деревни.

ПОД ВЗГЛЯДОМ ДЕРЕВЯННОГО ЧЕЛОВЕКА

Мы возвращались пешком, из очередного похода, и Йоханнес, предпочитавший отцовский джип своим ногам, запросил передышки. Мы так и сделали, как только увидели «рантэ».

Горы Тана-Тораджа достигают высоты трех тысяч метров. Здесь джунгли и луга часто прерываются отвесными стенами скал, которые тораджа избрали в качестве места погребений соплеменников. В скалах они вырубают подобие склепа («лианг»), ход в который всегда прямоугольный, изредка квадратный. Размер выбирается такой, чтобы человек мог лишь вползти туда и втащить гроб, но внутри пещера довольно широкая. В семейных склепах наиболее чтимых покойников размещают в глубине пещеры.

Строительство «лианга» может продолжаться годы, потому как скалы в основном сложены из твердых пород — гранитов и гнейсов; они хорошо противостоят разрушительному воздействию погоды. К тому же здесь одновременно могут работать, не мешая друг другу, не более двух мужчин. Конечно, «лианг» могут позволить себе лишь богачи, а умерших бедняков либо бросают в ущелья, либо просто зарывают в землю.

К склепу возводят шаткую лестницу из бамбука, по которой и затаскивают общими усилиями гроб внутрь, после чего прямоугольный вход запирается деревянным щитом, украшенным орнаментом — головой буйвола или чем-нибудь подобным. Траурное убранство, стоящее над гробом, носилки, на которых было принесено тело, головной убор покойного — остаются у подножия скалы.

Немало могил охраняют вырезанные из дерева человеческие фигуры — тау-тау. Некоторые — в натуральную величину, другие — ростом с ребенка, но не меньше. Мужчина похоронен или женщина — видно по одежде. Глаза у фигур, выточенные из черного или белого камня, производят странное впечатление.

«Тау» переводится как «человек», «тау-тау» — «люди». О смысле этих идолов мнения расходятся. Одни туземцы считают, что «тау-тау» защищают последнюю обитель покойников от «бомбо» — злого духа, который совершает набеги на кладбища.

Другие уверены, что «тау-тау» служат памятниками умершим, и не более. Однако отнюдь не каждый покойник приобретает своего «тау-тау». Это зависит и от его собственного желания, и от степени почитания родственниками. Поэтому многие могилы не имеют деревянных фетишей.

Первый раз я увидел «тау-тау» жен-

ского пола во время ритуала с ночным пением. Хотя сама покойница была маленькая и худощавая — об этом свидетельствовал размер гроба (впрочем, могильщики иногда подгибают умершему ноги), однако ее «тау-тау» была в натуральную величину, и за время совершения ритуала она не разлучалась со своей госпожой. Когда возле «Дома могил» шли ритуальные танцы мужчин вокруг гроба усопшей и неслись ужасные причитания плакальщицы, «тау-тау» тоже танцевала и причитала, гордо восседая на плечах крепкого мужчины, а возле скромной скальной могилы стояла словно на карауле, пока не закончилась церемония. На нее была надета юбка из лыка и синяя, глухо застегнутая кофточка. Голову обтягивал красный платок, на котором двумя белыми полосками с черными точками посредине обозначались глаза. Вместо пояса — узкий фартук из монет. Это были действительно старые, тусклые монеты. «Тау-тау» прикрывал нарядный зонтик, справа от нее стоял огромный, прислоненный к стене гонг, возвещавший начало каждой новой стадии церемонии.

На скальных кладбищах стояли десятки «тау-тау». Крыши из камня защищают их от дождя и солнечно-го света, но тем не менее однажды с течением времени истлевет и ее приходится менять.

Между прочим, даже старые тораджа не всегда могут точно указать, какая статуя какой могиле соответствует. Забыли своих хозяев многие «тау-тау»!

Особо выдающимися — по числу статуй и по высоте утесов — считаются два кладбища: Лэмо и Лонда. Однако и неизвестные нам, заброшенные кладбища оказывались жутковатыми. Йоханнес, «на-ходу-спящий проводник», был все же мастером выискивать такие скальные могилы. Он с усердием сыщика выяснил крестьян, пастухов, школьников, а затем вел меня сквозь заросли, которые едва ли выбрал бы в качестве последнего прибежища разумный туземец, и мы вдруг наткнулись на прекрасное кладбище. Не каждое удавалось снять. Так, один нависающий утес спрятал свои могилы за водопадом. Под другой выступающей скалой мы встретили сразу пару «тау-тау». Они стояли между несколькими человеческими черепами и останками. На них была жалкая одежда, неухоженная и растрепанная. У одного в руке были зажаты куски бумаги, похожие на деньги. Другого украшал тропический шлем, на передней стороне которого был нашит крест из красной материи. Наверное, шлем защищал от экваториального солнца голову некоего миссионера, и наверняка очень давно, так как уже несколько десятилетий назад вышли из моды такие шлемы, без которых европейцы раньше не представляли себе жизнь в тропиках.

С удивлением я поймал себя на

том, что меня притягивают эти статуи и я даже могу вести с ними длинные разговоры. Для некоторых я стал приятелем, и они улыбались мне, когда солнце тенью перечеркивало их лица.

Но многие были холодны и надменны. Их не рассердило и не обрадовало то, что я побеспокоил их своим присутствием, они просто смотрели куда-то мимо меня.

Однако один «тау-тау» явно замыслил против меня что-то дурное — такая сквозила в его взгляде ненависть. Он стоял под невысокой скалой, в которой была высечена лишь одна могила, а деревянный запор склепа подгнил. Этот идол был не так запущен, как те двое бродяг, хотя одет дешево и безвкусно. Но это не давало ему право смотреть за мной так недоверчиво и злобно, как будто я был осквернителем могил! Как только я подошел, слегка задыхаясь, то сразу же сфотографировал его: он был удачно освещен, а солнце вот-вот должно было исчезнуть. Первый снимок я сделал анфас, но когда собрался снять с левого бока, то заметил, что он «скрутил» свои глаза почти на девяносто градусов и посматривает на меня. Тогда я обошел вокруг него, но его глаза следили за мной. Казалось, они наши бы меня, даже если бы я попытался спрятаться за его спиной. Позже я все ломал голову, кто и как мог сотворить такие глаза, которые представляли собой две гальки с нанесенными на них углем точками.

В общем, я решил, что не для того эти глаза предназначены, чтобы нагонять на меня страх. И вызывающе уселся на траву перед идиолом, стянул спортивные туфли и поставил их просушиться на солнышке. Достал сигарету из пачки, прикурил, а зажженную спичку подчеркнуто дерзко бросил через плечо. И жадно затянулся сладковатым дымом (индонезийцы выпускают сигареты, в которые набивают табак с примесью гвоздики). Подул вечерний бриз, и выпущенный мною изо рта дым потянулся прямо к лицу злокозненной фигуры. От кончика первой я зажег вторую сигарету. Зажег бы и третью, чтобы показать негостеприимному идолу свое полное превосходство и презрение. Но не хватило закалки — с третьей закружилась голова. Тогда я безмятежно натянул обувь и мимоходом обернулся. Не каждый поверит мне, но сейчас идол смотрел на меня с глубокой ненавистью. Я опять, как и прошлый раз, сделал полукруг около него — нет, я не ошибся: его глаза — правда! — двигались и замечали каждое мое движение...

Однако на следующий день я вернулся сюда с Йоханнесом, которому о своих переживаниях ничего не сказал. Йоханнес же только бросил пренебрежительный взгляд на убогую статую и отвернулся. Я умышленно шел в нескольких шагах впереди него, чтобы уяснить, будет ли деревянный «человек» косить взглядом за мной или же вытаращит глаза на обо-

их. Как бы не так! На Йоханнеса он даже не смотрел. Оба глаза были нацелены только на меня. «Комичный тау-тау», — сказал я. «Вшивый», — уточнил Йоханнес...

А мне вспомнились илонготы. Казалось бы, здесь нет ничего общего. Илонготов мы еще должны будем встретить после тораджа в путешествиях по Филиппинским островам. Это пристрастные и страшные охотники за черепами, взбирающиеся с обезьяней сноровкой на высокие деревья и ценящие выше всего меткое ружье и полные обоймы. Илонготы имеют одну милую особенность: они могут молчать так же долго, как и тораджанские идолы.

При встречах и расставаниях илонготы проявляют глубочайшее равнодушие и безучастность. Когда кто-то входит в их дом, то проходит минуты, прежде чем раздастся первое слово приветствия. Сперва хозяин осматривает посетителя, а тот держится так, словно хозяина нет. То же самое — при прощании. Оживленный и дружелюбный разговор становится односложным, сменяется молчанием, и, наконец, гость без дальнейших словозвличаний удаляется.

Возможно, я приписываю «тау-тау» больше свойств и способностей, чем они на самом деле имеют. Может, это оттого, что мой напарник Йоханнес был молчуном, а хождение по джунглям было долгим, и я чувствовал себя одиноким и тосковал по людям, мечтая о какой-нибудь задушевной беседе.

Тораджа не имеют привычки посещать кладбища, если нет похорон, и Йоханнес также не видел смысла в долгом топтании около деревянных фигур. Впрочем, даже когда он был очень голоден и спешил уйти, мне все-таки удавалось разъяснить ему, что фотографировать деревянных часовых — это моя профессия. Именно благодаря этому я смог пройти так далеко — до Рантепао. Кандидат в учителя народной школы снисходительно улыбался: профессии чужеземцев столь же непонятны, как и их капризы.

У меня и раньше были проникновенные «беседы» с неодушевленными вещами, а именно с «чортами» в Гималаях. Это не родственники русского «черта», это слово, по-видимому, от санскритского «чаттра» («четыре», «четырёхугольный»), детали буддийской «ступы», памятной культовой каменной колонны в честь изречений Будды. «Чорт» — тибетский вариант «ступы», другой вариант — пагоды Юго-Восточной Азии. В то время как даже самые надменные «тау-тау» не претендовали на богоподобность, а были лишь символом покойника или в лучшем случае «бомбо», то есть духом среди других духов, то «чорты» — это гармонично-красивые, похожие на пагоды постройки, возводимые на священных местах или на трудных перевалах. Как напоминание о словах Будды. С их стен стилизованные «глаза» обозревают мест-

ность. Они символизируют Всеведение Будды, который владеет глубочайшими тайнами человеческого сердца. Гималайские тропы трудны, и иной подъем к перевалу отнимает целый день. Так что если «чорт» удачно расположен, то путник все долгие часы восхождения испытывает на себе этот вопрошающий, требовательный, но благосклонный взгляд. Едва ли я смогу представить себе что-либо лучшее, более чистое, нежели приближение к «чорту». Вероятно, из-за них Гималаи иногда называют религиозными горами.

Несколько лет назад я был у кафиров¹ в Гиндукуше. Этот крохотный языческий народец живет меж многих миллионов мусульман Афганистана и Пакистана. Кафиры помещают своих покойников в массивные деревянные гробы, но не кладут их в землю, а оставляют на кладбище, которое считается у мусульман нечистым. Там между гробами стоят деревянные фигуры, которые не представляют ни богов, ни духов, но зажиточные крестьяне чтят их, устраивая здесь же поминки. Одни стоят по-солдатски навтыжку, другие сидят на двуглавых конях, что составляет загадку для специалистов. Откуда они появились и какую роль играют у кафиров, которые — едва ли обоснованно — считают себя потомками воинов Александра Македонского? Я тогда привез в Вену из Кафиристана трех таких идолов. Разумеется, я не похитил их с кладбища, а просто купил у резчика по дереву, украсившего кладбище в Румбуре. С тех пор они стоят в моей комнате.

Во время описываемого путешествия я, собственно, забыл, как обставлено мое жилище. И вот по возвращении в Вену, когда я вновь оказался в своих четырех стенах, мой взгляд упал на трех «мужчин» из Кафиристана. Я обнаружил, что на меня смотрели столь же злые глаза, как и у «вшивого тау-тау» несколько месяцев назад на Сулавеси.

Действительно, и те и другие фигуры имели не только безучастный взгляд, но их глаза были сделаны из одинаковых кусков кварца. И черты лица тоже были одинаковы: выдающийся нос, плоский подбородок, покатый лоб. Правда, у «кафиров» были остроконечные шапки — продолжение деревянного торса, а «тау-тау» «предпочитали» головные уборы. Они были родными или двоюродными братьями и, вероятно, «родственниками» гигантских идолов острова Пасхи. Как мог возникнуть один и тот же стиль в местностях, разделенных огромными расстояниями? Наука пока только строит предположения о доисторических культурных контактах через океаны...

Перевел с немецкого
В. ПЛЮСНИН

¹ Кафиры (от арабского слова «неверный») — одно из названий нуристанцев, народности, обитающей в Гиндукуше (прим. ред.).

Пауль ЭНКЕ,
историк (ГДР)

«ЗОЛОТО БАЛТИКИ»

Загадка происхождения янтаря долгие века волновала воображение человека. Впрочем, какое-то время финикийцы, греки, римляне, викинги, прибалтийские народы, славяне и германцы были едины во мнении, что янтарь — это слезы Солнца или солнечного божества. Затем возникли новые догадки, одна другой романтичнее: затвердевший мед, застывшие в морской воде осколки падающих звезд, взбитая китами и затвердевшая морская пена... Ученые, надо сказать, спорят и по сей день: великий ли русский гений Ломоносов определил природу янтаря — затвердевшая древесная смола! — или об этом знали еще в Древнем Риме?

Популярность янтаря объясняется не только его красотой, редкостью или тем, что он удобен в обработке — не слишком тверд и не слишком хрупок. В древности его использовали как целебное и даже... колдовское средство! Размолотый в порошок янтарь смешивали с маслами и готовили мази, а янтарные амулеты должны были хранить от дурного глаза и злой судьбы. И вплоть до XVIII века люди верили в волшебную силу золотистого, теплого на ощупь, легкого камня. Почему? Потому, видимо, что, если потерять этот камешек об

© Paul Enke. «Bernsteinzimmer — Report: Raub, Verschleppung und Suche eines weltbekanntesten Kunstwerkes». Berlin, Verlag der Wirtschaft, 1986.

© Перевод с немецкого «Вокруг света», 1990 г.

ЯНТАРНЫЙ КАБИНЕТ

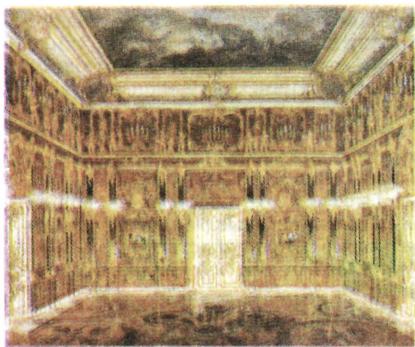
одежду, он превратится в магнит, а «магнетизм» в умах наших предков находил исключительно сверхъестественное объяснение.

Его прозвали «золотом Балтики» — и недаром: янтарь всегда был желанным товаром на любом рынке, да и сам он когда-то служил разменной монетой. По древним торговым путям — один из них, ведущий от Данцига¹ на юг, даже назывался «янтарный путь» — везли обработанный солнечный камень и «сырьем» через всю Европу в Переднюю Азию.

В местах, где находили «золото Балтики», его промысел стал привилегией самых богатых и самых сильных — крепких купцов и могущественных феодалов. А в XIII веке янтарную монополию захватили Орден меченосцев и Тевтонский орден.

Постепенно обработка янтаря становилась весьма уважаемым ремеслом, а в XVII веке сформировался и свой цех — янтарных дел мастеров. Особенно славились мастерские в Кенигсберге² и в Данциге.

...Когда в 1701 году бранденбург-

ский курфюрст самолично короновал себя прусской короной и стал королем Пруссии Фридрихом I, коронация происходила в Кенигсберге. Познакомившись с работами тамошних мастеров янтарного дела, Фридрих I загорелся идеей заказать в Кенигсберге лично для себя какую-нибудь небывалую вещицу.

Итак, в 1701 году Фридрих I заказал кенигсбергскому мастеру Готфриду Вольфраму (датчанину по происхождению) не какой-то перстень, а янтарные панели для отделки стен (!) в галерее своего берлинского замка Шарлоттенбург.

Работа была гигантская и заняла около десяти лет. По целому ряду деталей в оформлении панелей эксперты сделали вывод, что долгое время ею руководил архитектор и скульптор из Данцига Андреас Шлюгер, который в те годы служил у короля и был в большом фаворе. Однако в 1707 году, когда большая часть нас-

**Город Пушкин. Современный вид Екатерининского дворца.
Фото В. МАЙДАНЮКА**

Фрагмент Янтарной комнаты (со старинной цветной гравюры).

Восстановленные детали Янтарной комнаты.

¹ Современный Гданьск (здесь и далее прим. перев.).

² Современный Калининград.

тенных и цокольных панелей была уже готова, королевский заказ перешел к другим мастерам: Эрнсту Шахту и Готфриду Тюрлову.

Осталось невыясненным, побывали ли янтарные панели, согласно первоначальному замыслу короля, в замке Шарлоттенбург, но доподлинно известно, что в 1712 году они находились в новом берлинском королевском замке (в постройке которого принимал участие уже знакомый нам Андреас Шлютер) и были использованы в убранстве угловой комнаты на третьем этаже.

Именно здесь впервые любовался Янтарной комнатой русский царь Петр I. В 1712 году, направляясь к своим войскам в Померанию, Петр I встречался в Берлине с королем Фридрихом I, надеясь найти союзника в войне против шведов. Вероятно, во время этого визита он и познакомился с архитектором Шлютером. По приглашению русского царя уже опальный архитектор перебрался в Россию, где работал над Летним дворцом Петра I и участвовал в проекте Зимнего дворца. Архитектор и скульптор Андреас Шлютер, один из создателей Янтарной комнаты, умер в России в 1714 году.

А годом раньше в Пруссии умер король Фридрих I. К власти пришел его двадцатипятилетний сын Фридрих Вильгельм I. Он пустил на военные нужды накопленные сокровища, поднажал на свой народ — и создал армию, вдвое превосходящую армию отца. Еще при жизни он заслужил прозвище, с которым и вошел в историю: «солдатский король».

В 1716 году, когда Фридрих Вильгельм I обратился к Петру I с предложением заключить союз против шведов — именно с помощью русских он мог рассчитывать освободить Померанию, — он припомнил, с каким восхищением Петр I некогда осматривал Янтарную комнату. И вот союз Пруссии и России против Швеции наконец осуществился, а Петр I в письме из Амстердама сообщил своей супруге, что в Берлине он получил в подарок Янтарный кабинет.

К этому времени (в 1714 г.) Петр I уже основал в Петербурге свою знаменитую Кунсткамеру. Четыре года спустя он издал специальный указ о планомерном сборе произведений искусства и раритетов и о доставке их в Кунсткамеру. Так было положено начало превосходным коллекциям и собраниям Московского Кремля и ленинградского Эрмитажа.

Итак, Янтарная комната — дар прусского короля Фридриха Вильгельма I в ознаменование союза России и Пруссии — была разобрана, упакована в восемнадцать больших ящиков и морем отправлена в Мемель¹, где по приказу Петра I ее ожидала специальная миссия с обергофмаршалом во главе, чтобы доставить драгоценный груз санным путем в Россию, в

Петербург. Однако отъезд транспорта задержался, и только весной, в мае, Янтарная комната совершила свое путешествие через Курляндию в русскую столицу. Каждый ящик погрузили в специальную повозку, а каждую повозку везла шестерка лошадей. Охрана буквально не спускала глаз с королевского подарка, и обоз благополучно прибыл в столицу.

Сначала Янтарный кабинет поместили в зимнем доме, а через пять-шесть лет во дворец, который был предшественником современного Зимнего дворца. Янтарный кабинет имел тогда такой же вид, как и в бытность свою в Берлине. Он дополнил петровскую коллекцию произведений искусства русских и западноевропейских мастеров и был открыт для обозрения.

«ВОСЬМОЕ ЧУДО СВЕТА»

В 1755 году, когда прежнему зданию пришлось уступить место для сооружения нового Зимнего дворца, дочь Петра Великого императрица Елизавета Петровна приказала перевезти Янтарный кабинет в Царское Село — здесь отстраивалась летняя резиденция русских монархов. Зал в Царском, где было решено разместить Янтарную комнату, был гораздо больше прежнего, и перед создателем дворца Бартоломео Францisco Растрелли (в России его звали Варфоломеем Варфоломеевичем) встала очень непростая задача. Но вот результат: воплощение гения великого архитектора — прекрасное творение, почти шестеро превосходившее по своим размерам прежний Янтарный кабинет, стало праздничным залом изысканной красоты. Великому Растрелли удалось так расположить барочные детали Янтарного кабинета и столь удачно дополнить их элементами в стиле рококо, что пребывание в Янтарном зале Екатерининского дворца (названного в честь супруги Петра — Екатерины I) воспринималось современниками и их потомками как величайшее наслаждение¹.

Посмотрим же теперь на Янтарный зал (в том виде, в каком он был создан Растрелли и просуществовал до 1941 года) глазами тех, кто видел его воочию:

«Это помещение... по одну сторону которого — три больших, до самого пола окна. Противоположная стена разделена двусторчатой дверью, как и две боковые стены. Двери окрашены светлой краской и богато отделаны позолоченным резным деревянным орнаментом в стиле рококо. Поверхность стен расчленена высокими — от потолочного фриза до цоколя — венецианскими зеркалами в позолоченных бронзовых рамах; перед зеркалами, на высоте верхнего края дверей, расположены подсвечники из позолоченной бронзы. Потолок покрыт аллегорической росписью, ее авторы — два итальянских художника: Джузеппе Валериани из Рима и Антонио Пе-

ресинотти из Болоньи, которые работали в Петербурге с 1742 года. Янтарные украшения занимают все свободные поверхности этих трех стен, стены сплошь покрыты янтарной мозаикой.

Несмотря на мешанину стилей, которая объясняется отсутствием единого проекта и чересчур затянувшимся строительством, общее впечатление от зала, особенно при солнечном свете, потрясающее».

Это описание относится к 1920 году. Дополним его еще одним — из 1912-го:

«Стиль Янтарной комнаты... представляет собой смесь рококо и барокко, и эта комната — подлинное чудо, не только из-за высокой ценности материала, искусной резьбы и легкости архитектурных форм, но главным образом из-за прекрасного, то темного, то светлого, но непременно теплого тона янтара, который придает всему убранству невыразимую прелесть.

Стены зала покрыты мозаикой из полированных кусочков янтара, неодинаковых по размеру и по форме, но сохраняющих постоянный коричнево-желтоватый колорит. Резные янтарные рамы с рельефами делают стены на отдельные участки, где выложены четыре мозаики — римские пейзажи с аллегорическими изображениями четырех из пяти человеческих чувств.

Игнорируя все технические трудности, этот хрупкий, ломкий материал выглядит так, как будто он специально создан для передачи барочных форм орнамента, а рамы и панно, сверх того, украшены еще барельефами, маленькими бюстами, гербами, воинскими трофеями и т. п.

Весь декор производит равно приятное впечатление при солнечном свете и при свечах. Вместе с тем в оформлении зала нет ничего кричащего, вазойлового, украшения настолько изящны и гармоничны, что иной посетитель может пройти через зал, даже не обратив особого внимания на то, из чего, собственно, сделана облицовка стен, оконных и дверных рам, настенные орнаменты.

Янтарная облицовка, пожалуй, более всего напоминает мрамор, но начисто лишена мраморной торжественности и холодности — и, конечно, она значительно превосходит красотой отделку из любого, самого драгоценного дерева. В Янтарном зале — два источника света. Окна — три большие, до самого пола окна — выходят на площадь перед дворцом. Между окнами вертикально расположены зеркала, которые тоже достигают пола своими позолоченными рамами, с орнаментом».

Вечером дневной свет, заливавший всю комнату через широкий фронт окон, сменялся огнями сотен свечей, тысячекратно отраженных зеркалами. Именно сочетание света и янтара придавало праздничному залу в Екатерининском дворце особую прелесть. На свету начинали играть мозаичные стены, игра света продолжалась в янтарных рельефах, открывая их глубину и пластичность, их живую, одухотворенную красоту.

Продолжение следует

Сокращенный перевод с немецкого
Г. ЛЕОНОВОЙ

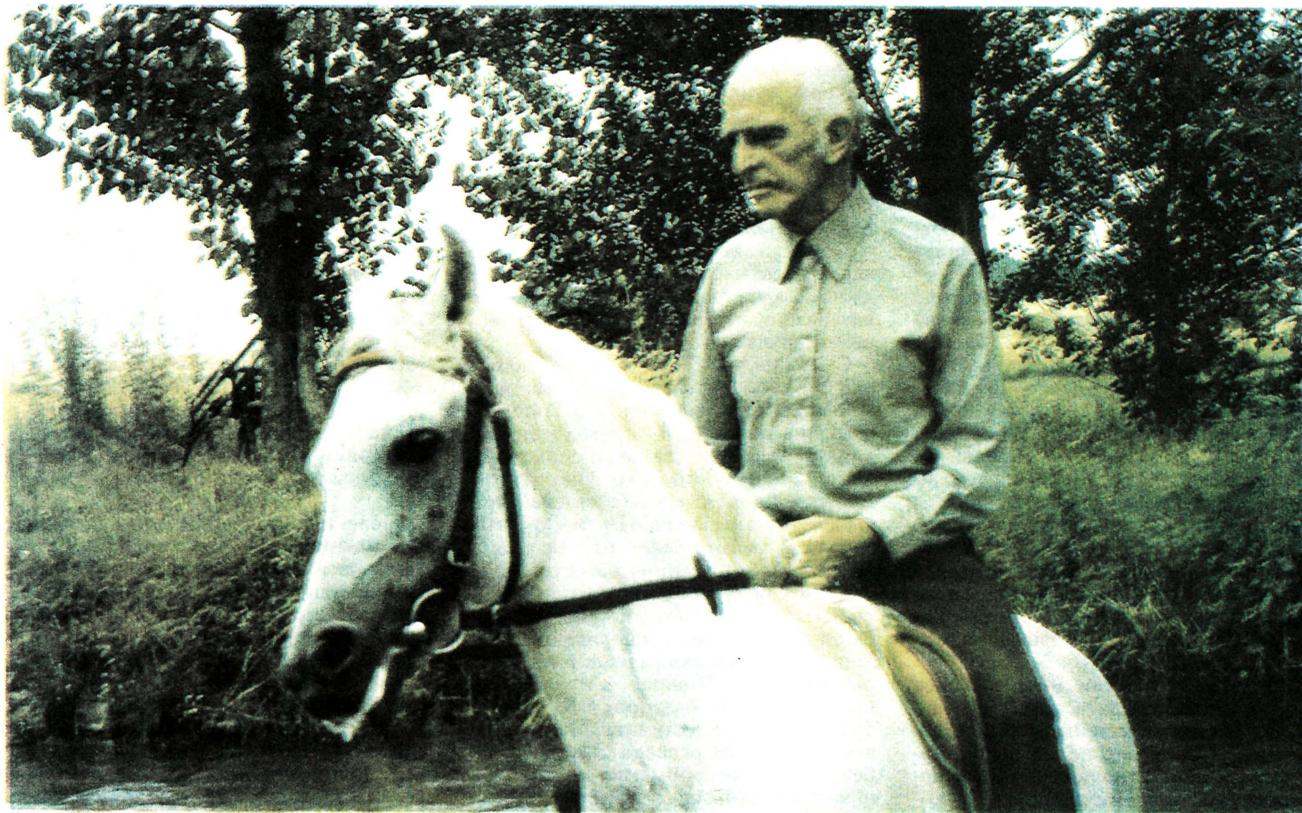
¹ Современная Клайпеда.

¹ Здесь, возможно, сказывается и целительная сила янтара.

В представлении читателя прочно сложился образ профессора Гржимека — неутомимого путешественника, исколесившего все континенты, защитника дикой природы, знатока мировой фауны, автора многих книг о животном мире Африки, Австралии, Америки, редактора многотомной «Жизни животных Гржимека». В фильмах мы видели профессора то среди львов на равнинах Серенгети, то с бурными медведями Аляски, то на лодке среди крокодилов и бегемотов, то с сумчатым медведем коала под сенью эвкалиптов. Сегодня мы открываем неизвестную до сих пор страницу жизни Бернгарда Гржимека, относящуюся ко времени второй мировой войны. Вспоминая свою службу ветеринарным врачом действующей армии, он говорил, что за всю войну сделал только один выстрел — и тот только тогда, когда надо было прервать мучения смертельно больной лошади.

Предлагаем читателю рассказ Б. Гржимека о спасении арабской породы лошадей на территории оккупированной Польши, на знаменитом и сейчас конном заводе в Янов-Подляски.

Н. ДРОЗДОВ, ведущий передачи «В мире животных»

Скакуны из Янова

Бернгард ГРЖИМЕК

Эта история началась вскоре после вторжения немецких войск в Польшу, когда на всех фронтах наступило затишье. Меня отозвали из армии в Берлин, в министерство продовольствия, а затем отправили на Восточный фронт, возбудив административное дело против младшего ветеринарного врача, доктора Гржимека, за «критику ветеринарных учреждений действующей армии».

Очерк из книги Б. Гржимека, которая выходит в издательстве «Прогресс».

Начальник военно-ветеринарной службы кавалерии вермахта профессор, доктор Курт Шульце вместо того, чтобы наказать за строптивость, поручил мне войсковых лошадей и разрешил проводить с ним необходимые опыты. Таким образом, я оказался в глубине Польши на конном заводе Янов-Подляски, где разводили лошадей чистокровной арабской породы.

Породу эту вывели в I тысячелетии нашей эры на Аравийском полуострове. Животные получились отлич-

но сложенные, резвые и выносливые.

Вспомните изображения лошадей на египетских вазах и орнаментах, покрывавших стены гробниц, — они очень похожи на современных чистокровных арабских и берберских лошадей. Великий Рамзес совершил свои боевые подвиги на колеснице, его любимая упряжка не раз спасала ему жизнь. Породистых лошадей разводили главным образом в засушливом Египте, и климат пустынь сказался на их неприхотливом характере. Диодор Сицилийский в I веке до на-

шей эры писал, что в Фивах и Мемфисе было сто конных заводов, в каждом из них около 200 лошадей. Во времена персидского и римского владычества коневодство пришло в упадок и снова расцвело только в средние века.

В период английского господства в Египет ввозили много английских чистокровных верховых лошадей. А в Англии появились заводы для разведения чистокровной арабской породы. Лошади очень дорого ценились, и постепенно их стали разводить на всех континентах, за исключением Австралии. К 40-м годам нашего века в арабских странах оставалось всего несколько сотен, а может быть, и еще меньше чистокровных арабских пустынных лошадей.

Все это я рассказал, чтобы стало понятно, какая ценность находилась на заводе в Янов-Подляски. Совсем еще молодому медику, мне трудно было оценить выпавшую удачу — принять участие в спасении столь ценной породы от ужасов войны. Понял я это только через 30 лет, когда приехал на этот уже всемирно известный завод по разведению чистокровных арабских лошадей, чтобы купить себе племенных скакунов.

К сожалению, из немцев 45-го года никто не мог мне рассказать, как во время войны были спасены в Польше чистокровные арабские лошади. И только поляки помнили все до мельчайших подробностей, ведь это были «их» лошади, их национальное достояние. И ему грозила гибель. Во время войны плохо бывает не только людям — страдают и животные.

Разведением арабских лошадей в Польше во все времена занималось дворянство, и это было доходным делом. Тем более поражали меня усилия простых поляков, которые отдавали буквально все для спасения животных.

Но тогда встретили меня в Янове без восторга, опасаясь, что я отправлю на фронт ценнейших лошадей. Труднее всего было наладить нормальные рабочие отношения между немецкими офицерами и поляками, которые продолжали работать на заводе. Я частенько разговаривал в свободное время с польскими рабочими. У многих из них целые семьи работали тут до войны, здесь же служили когда-то отцы и деды, и народная память хранила много интересного о происходивших тут событиях. Например, они рассказали мне,

ОТКУДА АРАБСКИЕ СКАКУНЫ В ЯНОВЕ.

Оказалось, что история Яновского завода напрямую связана с Россией. В 1817 году царь приказал создать в имени Янов-Подляски государственный конный завод. Был выстроен дом, похожий скорее на замок, и просторные конюшни для разведения лошадей. Но и спустя сто лет, в начале XX столетия, они еще не были чисто-

кровными арабскими. Первая мировая война отразилась и на судьбе этих лошадей. В 1915 году всех питомцев Яновского завода перевезли в район Харькова. Там они и погибли во время гражданской войны. Такова предьстория. А история арабских скакунов в Янов-Подляски началась совсем на пустом месте.

Когда 10 мая 1919 года польская диктатура принимала Яновский завод, там совсем не было лошадей, и все находилось в крайнем запустении.

Собирали животных буквально по одному. Первые чистокровные арабские кобылы прибыли со знаменитого австро-венгерского конного завода Радауц и завода князя Иозефа Потоцкого в Антониах, еще три кобылы с завода князя Владислава Дзедушицкого в Иезуполе. Эти кобылы происходили по прямой линии от великолепных лошадей Газеллы, Млехи и Сахары, купленных в 1845 году предком Дзедушицкого в аравийской пустыне. В их жилах текла драгоценная арабская кровь. Лучшие современные польские лошади арабской породы — потомки этих кобыл. К началу 1920 года в Янове их было только 50.

Почва в Янове скудная, но луга здесь богаты сочной травой. Климат довольно суровый, осадков мало. Это как раз то, что надо выносливым лошадям пустыни.

С 1927 года в Польше устраивались скачки, победителями которых часто бывали скакуны из Янова. Государство постоянно увеличивало призы для победителей скачек, а следовательно, и стимулировало участников. Лошади Янова становились знамениты не только благородными формами, но и своим скаковым классом.

Сегодня доподлинно известно, что бедуины интересовались только скаковыми способностями лошадей. Им было безразлично, спариваются ли лошади одного или разных внутривидовых типов. Главное — их работоспособность и благородство форм. Такой подход к делу привел к успеху и в Янове. Там разводили лошадей с безупречными формами, закаленных и неприхотливых, с крепким здоровьем и выносливых на скачках.

Примечательна запись, сделанная в книге отзывов завода арабским пашою Мохаммедом Тахером в 1936 году: «Я не мог умереть, не убедившись, что наши арабские скакуны еще существуют. Только здесь, в Польше, они сохранили во всей чистоте свой тип».

Легко объяснить, почему арабские скакуны в других странах потеряли многие свои качества — в Польше арабские лошади работали. Они были приучены с малых лет терпеливо переносить голод и не вырождались в парковых лошадей, не становились игрушками. Всем нам знакомы добродушные, неутомимые польские крестьянские кони — летом они кормятся травой, растущей вдоль дорог, а зимой щиплют солому с крыши, оставаясь тем не менее работоспособными — ведь в их жилах течет кровь

арабской породы. Такие лошади иногда выполняют более трудную работу, чем крупные тяжеловозы. Особенно пригодились эти качества яновским лошадям,

КОГДА НАЧАЛАСЬ ВОЙНА.

1 сентября 1939 года, когда Германия напала на Польшу, на государственном заводе Янов-Подляски было 247 лошадей арабской породы, а на заводской конюшне — 140 жеребцов-производителей.

История иногда повторяется. Янов-Подляски расположен на западном берегу Буга и, следовательно, должен был находиться на территории «рейха». Прежде чем немецкие передовые части вступили туда, русские перешли Буг и увели с завода всех имевшихся там животных. Они были доставлены на Кавказ, на Терский конный завод, где разводили лошадей арабской породы. Путь туда долог и труден даже в мирное время, и до конечного пункта добрались лишь около 60 чистокровных животных.

Справедливости ради надо сказать, что после войны многие лошади были возвращены Польше. Вернулся в Янов-Подляски и знаменитый жеребец Негатив, родившийся на Терском заводе в день окончания войны. Он, кстати, отец моей кобылки Дрвенки.

Когда в октябре 1939 года немецкие части вышли к Бугу, на конном заводе не было ни одной лошади. Все постройки были заброшены и разграблены жителями окрестных деревень.

Яновский завод находился в полном подчинении у доктора Курта Шульце, о котором я уже упоминал. Это было чрезвычайно важное дело, ведь гитлеровские армии, не считая немногих танковых подразделений, передвигались большей частью на конной тяге, как и в первую мировую войну.

Тогда количество лошадей в немецких полевых войсках в среднем составляло 1 миллион 230 тысяч, а во второй мировой войне на 20 тысяч больше, да еще 100 тысяч лошадей служили в военно-воздушных войсках, на флоте и в частях СС. Более половины из них погибло. Всего в годы войны в армии повоевало 2 миллиона 700 тысяч лошадей.

Начальником конезавода Янов-Подляски был назначен специалист-коневод подполковник Ганс Фелльгибель, сын помещика бывшей прусской провинции Познань. Большинство из нас было предано лошадям, и все мы желали только одного — спасти скакунов редкой породы от полного уничтожения на фронте, от воздушных налетов, от любых случайностей военного времени. Польские партизаны вели себя по отношению к нам очень миролюбиво. Они держали под своим контролем леса и постоянно нападали на занятые немцами населенные пункты, на их машины и на отдельных военнослужащих. Но на нас — ни разу.

Для начала Ганс Фелльгибель должен был укомплектовать завод чистокровными арабскими лошадьми. Удалось отыскать только одну восьмилетнюю кобылу по кличке Найда. Кроме того, Фелльгибель находил убежавших лошадей у крестьян, безошибочно определяя их по заводскому тавру (корона на правой и номер жеребенка на левой стороне спины под седлом). Большинство из них были молодыми лошадьми, убежавшими с завода и пойманными крестьянами из окрестных деревень. Затем Фелльгибель купил очень хороших лошадей на лучших частных конных заводах, среди которых было много кобыл, проданных когда-то из Янова. К ним прибавилось несколько кобыл из югославских заводов Душаново и Лаборика. Если бы раньше такие прекрасные кобылы и жеребцы не были проданы частным конезаводчикам, государственный конный завод в Янове возродить было невозможно. Но благодаря этому уже в 1944 году там появилось на свет 60 арабских жеребят.

Арабский молодежь тренировали на регулярно проводимых конных охотах. Пересеченная местность, в которой расположен Яновский завод с ее подъемами и спусками, водными преградами, многочисленными искусственными препятствиями и многокилометровой трассой для галопа по прекрасному пружинящему луговому грунту — идеальные для этого условия.

В 1944 году линия фронта все ближе и ближе продвигалась к Бугу. Поэтому поступил приказ эвакуировать всех содержащихся в Янове 170 лошадей — от чистокровных арабских до восточно-пруссских, тракненских, арденских и немецких рейнских тяжеловозов. Их отвезли через Познань, Саган и Гёрлиц в Силезию и разместили в четырех отделениях ремонтного депо — так называли специальное военное учреждение, занятое подготовкой лошадей («конным ремонтом») перед их отправкой по воинским частям.

Ганс Фелльгибель покидал завод последним — на берегу Буга уже начали появляться первые русские солдаты. Когда он прибыл в Данциг, в штаб армии, чтобы получить дальнейшие указания, его внезапно арестовали в связи с тем, что он был братом генерала Эриха Фелльгибеля, имевшего отношение к покушению на Гитлера. Ганс Фелльгибель не предполагал, сидя в душном подвале на Принц-Альбрехтштрассе в Берлине, что его жена находится там же, недалеко, в другом помещении. Пресловутый «народный суд» давно приговорил ее к смерти.

Уже назначенную казнь заключенных, которую должны были привести в исполнение эссовцы, отменил в последнюю минуту комендант тюрьмы. Он собственноручно выпустил их той же ночью.

Новым начальником завода был назначен комендант ремонтного де-

по, полковник фон Боннэ. Эвакуация прошла гладко во многом благодаря усилиям польского инженера А. Кшишталовича, обслуживавшего арабских лошадей. Польский персонал сопровождал лошадей не по собственному желанию, а

В ПРИНУДИТЕЛЬНОМ ПОРЯДКЕ.

Со второй половины января 1945 года огромное количество немцев, бежавших во время советского наступления, прибывало в депо, где стояли лошади из Янова. Поэтому 13 февраля лошадей из депо начали отправлять в сторону Дрездена, часть из них повели своим ходом. А так как персонала не хватало, полковник фон Боннэ взял рабочих из лагеря — русских, украинских, французских, голландских военнопленных.

Небольшая группа поляков из Янова ухаживала главным образом за ценными кобылами и жеребцами и приглядывала за разноязычными группами людей, сопровождавших лошадей, но не имевших представления о ценности животных. Ветер, снег, дождь, забитые беженцами дороги не облегчали этот длинный путь жеребьим кобылам. Первый привал был сделан в небольшой деревне после того, как лошади прошли около 35 километров.

Все кругом и даже конюшни были заполнены беженцами; лошадей и сопровождающих их работников нигде было разместить. Полковник Боннэ приказал сделать привал прямо у дороги, а сам с жеребцами двинулся дальше, в Дрезден. Эту дождливую, темную, холодную ночь никогда не забудут те, кто остался с лошадьми на проселочной дороге под открытым небом. Но еще хуже пришлось тем, кто поспешил с полковником.

В ночь с 13 на 14 февраля переполненный беженцами из Силезии Дрезден подвергся жестокой бомбежке английской и американской авиации. Разрушения превзошли все пережитое немецкими городами в годы второй мировой войны. Семьдесят жеребцов, которых вели 35 конюхов, попали под град бомб. Напуганных взрывами животных невозможно было удерживать. После бомбежки осталось только 10 жеребцов, остальные погибли или разбежались. В последующие дни люди с завода ездили в повозках по разрушенному городу в поисках племенных жеребцов.

Через четыре дня, несмотря на непрекращающиеся бомбежки, было приказано отправиться в Торгау — километров на сто к северо-западу. Этот марш был еще более тяжелым, поскольку в Дрездене появились на свет четыре жеребенка и пришло время жеребиться другим кобылам. Но приказ был выполнен, и 23 февраля в военный городок Торгау прибыли все сохранившиеся лошади.

Через несколько дней у простудившихся и переутомленных животных

начались инфекционные заболевания. Ветеринарному врачу Крайфу и санитару Клинкевичу удалось все же приостановить распространение болезни, так что погибли лишь немногие.

По приказу Гимлера в Торгау 7 и 8 марта было выделено 56 железнодорожных вагонов для арабских лошадей. Несмотря на постоянные воздушные налеты, поезд с чистокровными арабскими лошадьми из Янова отправился в путь и через несколько дней благополучно прибыл в Клевверхоф под Любеком, где лошади и оставались вплоть до их возвращения в Польшу. Часть лошадей попала на конный завод Неттелуа.

Условия там были ужасные — и для людей и для лошадей. Не было электричества и водопровода, не хватало помещений. Лошадей приходилось поить водой из трех колонок, которые часто не действовали. Кобылы и жеребят-отъемников летом и зимой поили из большого пруда. Родившиеся всего несколько дней назад малыши ходили на водопой вместе с кобылами и жадно пили студеной воду. Изменить что-либо было просто невозможно. Некоторые жеребята и их матери постоянно купались при большом морозе, но ни одна, даже совершенно промокшая лошадь, ни разу не заболела.

5 мая 1945 года поступило сообщение о прекращении военных действий. С этого дня А. Кшишталович принял руководство заводом. В первой половине мая 1945 года была образована дирекция польских конных заводов в Германии. В общей сложности спасли две тысячи польских племенных лошадей. С августа по ноябрь 1946 года всех животных возвратили в Польшу. Их перевозили два немецких парохода «Аскания» и «Гельголанд», каждый рейс по 54 лошади, потерь почти не было.

Вот так, через два года скитаний, животные вернулись домой. Несмотря на все страдания и злоключения, перенесенные ими, в 1946 году яновские кобылы произвели 81 жеребенка. Это была лучшая ставка (потомство, родившееся в один год) после 1939 года. Нужны ли еще доказательства выносливости лошадей арабской породы?

Но не только для того, чтобы воспеть достоинства арабских лошадей, я рассказал эту историю. Мне хотелось показать, как общее дело и любовь к благородным животным помогали даже во время войны и объединяли людей разных национальностей.

И еще, в наш рациональный век мне все чаще приходит на память слова Уинстона Черчилля: «За мою жизнь, — писал он, — две вещи вышли из моды: классики и лошади. Люди перестали читать и бросились ремонтировать автомобили. Но, теряя каждую из этих вещей, мы теряем и что-то несоизмеримо большее...»

Перевела с немецкого
Е. ГИЕВСКАЯ

По ледовому лабиринту

Мечта об открытии пути от Гренландии к Аляске веками владела умами европейских исследователей. То был самый короткий, хотя и рискованный, маршрут в сказочно богатую Азию через арктические моря Нового Света. Побережья, острова, бухты, протянувшиеся на четыре тысячи миль, носят имена людей, бросивших вызов ледовому лабиринту. Всего же на этом участке более 18 тысяч островов. Наиболее крупные из них — Баффинова Земля, Парри, Свгердруп. Многие отважные путешественники отдали свои жизни, разведывая непознанный маршрут. В 1845 году, например, пропала экспедиция Джона Франклина. Все 129 членов экипажа и два судна исчезли. Десятки поисковых групп, пытавшихся найти и спасти ее, не достигли цели...

И вот в 1903 году норвежский исследователь Руаль Амундсен, незадолго до того первым достигший Южного полюса, отправился через коварный проход с востока на запад на 70-футовом моторном паруснике «Йоа» и стал первым человеком, преодолевшим эту дистанцию. С тех пор многие суда прошли по маршруту, а исследователь Арктики Джон Боксток даже совершил путешествие на моторном умиаке — большой лодке древних гренландцев, сшитой из тюленьих шкур.

Но никто не преодолевал Северо-Западный проход под парусами. В 1986 году такое путешествие решили совершить исследователи северных морей Джефф Макиннес и Майкл Биделл. Они стартовали на катамаране «Персеппн» из Инувика, небольшого города, расположенного в устье реки Маккензи. Все путешествие заняло три летних сезона, в продолжение которых они то шли под парусом, то перетаскивали по льду свое небольшое двухкорпусное судно все дальше на восток к конечной цели путешествия — местечку Понд-Инлет, на берегу моря Баффина.

Путевые заметки о своем путешествии они опубликовали в журнале «Нэшнл джиогрэфик».

Плавание началось удачно. В первый сезон, пересекая залив Франклина при попутном ветре, путешественники мчались со скоростью 20 узлов. Неприятности доставляли лишь встречающиеся на пути айсберги, которые приходилось обходить стороной, что было довольно трудно. Чтобы компенсировать наклон судна при сильном ветре на вираже, одному из двоих приходилось забираться на крылья и свешиваться за борт, цепляясь за страховочные канаты.

Все путешествия Джефф и Майк провели в водонепроницаемых спасательных костюмах летчиков ВВС США. К лодке не привязывались — опасались, что если катамаран пе-

ревернется или пойдет ко дну, то их потянет следом. Не зря же моряки окрестили Северо-Западный проход «Страной, пожирющей корабли».

Арктическое лето было в разгаре. Солнце не опускалось за горизонт. Мореходы, естественно, старались воспользоваться этим и останавливались один раз в сутки. Они сходили на лед, определялись на местности, разогревали пищу на маленькой газовой плитке. Ту же горелку использовали для просушки, когда заклеивали эпоксидной смолой дыры в обшивке.

Путешествие Джеффа и Майка было бы не совсем правильно назвать плаванием, поскольку им часто приходилось перетаскивать судно по льду. Обычно один из них тащил катамаран за нос, другой толкал в корму. Естественно, при таком способе передвижения особую роль играл вес. Полностью снаряженный катамаран весил 300 килограммов: 190 — само судно и 110 — припасы и снаряжение. Пища была легкой и высококалорийной: плитки гранолы (подслащенная овсянка с изюмом и орехами), молочный порошок, сушеные фрукты, сыр.

Со временем лед «высаливается», то есть соль оседает, и верхний слой льда становится пресным. Это оказалось очень кстати — не приходилось запасать воду.

Лунки такой воды постоянно подстерегали путников. Угодив в лунку, можно было сломать ногу. Это равноценно смерти, ведь один человек не в состоянии тащить катамаран.

Несмотря на предосторожности, во время второго навигационного сезона

судно оказалось зажатым льдами в проливе Виктория. Двенадцать дней путешественники дрейфовали.

В бухте Эштон, на острове Сомерсет, жестокий шторм застиг катамаран. Путешественники были вынуждены выбраться на берег. Защищая палатку от ураганного ветра, они построили с наветренной стороны стену из снежных кубов, нарезанных... веслами. Кстати, весла использовали еще и как радиомачты, и как ледорубы.

Немало проблем создавал холод. Майк особенно плохо переносил его. Шторма заставляли перетаскивать судно через открытые льдины все чаще и чаще. Корпус в нескольких местах получил пробоины. В конце концов путешественники выбрались на берег и оставили катамаран в тундре. Им оставалось меньше 500 миль до моря Баффина. Джефф и Майк твердо решили достигь его во время своей третьей навигации.

Время пролетело незаметно. И вот снова лето. Пора отправляться в путь. Впереди третий, последний этап уникального плавания. Дневниковые записи третьего года путешествия они посвятили главным образом животным.

Недалеко от острова Сомерсет путешественникам встретилось небольшое стадо белух. При приближении катамарана десять грациозных существ скрылись в воде. Когда заходили в фьорд Каннингэм, путешественники увидели еще несколько стад белух, но всякий раз они предусмотрительно спасались на глубине. Каждое лето здесь собирается около полутора тысяч белух. Их привлекают чистая вода и мелководье. Белухи «чистят одежду»: они трутся о дно, сдирая верхний пожелтевший слой кожи.

Для изучения поведения белух, путей их миграции канадское правите-

льство построило 12 лет назад в Каннингэме маленькую исследовательскую станцию. За обедом ученые рассказали о работе станции. Оказалось, что для определения путей миграции канадские зоологи прикрепляют к спинам белух маленькие радиопередатчики.

В день прибытия Джеффа и Майка на станцию начался отлив, и белухи оказались отрезанными от моря. Такие «посадки на мель» случаются здесь довольно часто, правда, они дают возможность ученым провести обмеры животных и прикреплять к ним радиопередатчики.

Джеффу и Майку пришлось оказать помощь при спасении дельфинов, застрявших на «малой воде». Животные могли стать легкой добычей белых медведей.

Кругом было много этих самых крупных на Земле хищников. Как правило, белые гиганты избегали встречи с человеком. Достаточно было Джеффу и Майку высадиться на какой-нибудь льдине, как медведи немедленно отступали.

Во время всего плавания путешественников сопровождали тюлени. При слабом ветре они плыли рядом с катамараном, выпрыгивали из воды, вспенивали ее ластами, короче, принимали катамаран и его экипаж в свою веселую игру. Часто тюлени «загорали» на льдинах. Однако у этих, казалось бы, беззаботных существ жизнь не из легких. Однажды путешественники наблюдали, как «загорающий» тюлень зазевался и сразу два белых медведя напали на бедолагу.

Преодолев тысячи миль, Джефф и Майк наконец достигли своей цели — фьорда Понд. Как назло, ветер стих, и несколько последних миль путешественникам пришлось активно поработать веслами.

Но вот все трудности позади, катамаран ткнул носом в берег. Радостное событие было отмечено бутылкой шампанского.

Немного передохнув, Джефф сделал последнюю запись в дневнике:

«Я сижу в хижине древних мореходов, которой исполнился, должно быть, не один век. В ней уютно. Наверное, те, кто когда-то отдыхали здесь, мечтали проплыть через Северо-Западный проход. Я пишу без перчаток — удовольствие, от которого отвык за долгие месяцы плавания. Мы уже почти сутки на ногах, но спать не хочется: восторг и возбуждение слишком велики. Наш катамаран оказался идеальным судном для путешествия в арктических водах. Достаточно лишь небольшого ветра, чтобы он заскользил по воде, во время шторма устойчив, к тому же его легко вытащить на берег. Мы обязаны катамарану не только успехом путешествия, но самой жизнью».

По материалам «Нэшнл джиографик»
подготовил В. ЖУРАВЛЕВ

Олег ЛАРИН

Фото автора

Кулига для воющих волков?

Пижма пробила себе русло в скальных породах и текла как по дну ущелья. Вначале Тиманский кряж был похож на море, которое никак не уляжется после шторма: повсюду, до самого горизонта, тянулись плавные, как застывшие волны, холмы. А потом он словно вырвался из узды, прошелся вприсядку по зеленым увалам, стал карабкаться крутыми отвесами, обрываться глухими распадками. И Пижма тут же почувствовала его настроение. Она металась от одной береговой кручи к другой, обнажалась голым камнем, кружила пенными бурунами. И вместе с ней, выбирая единственно верный курс, прыгала наша остроносая лодка-верховка, запряженная в двенадцать лошадиных сил мотора «Ветерок»...

Все было, как и пятнадцать лет назад. Все та же речка, окутанная парным млечным туманом, все то же кущее северное лето. И тот же спутник, который вез меня сейчас в самую дальнюю деревеньку Лешуконского района — Шегмас.

Совсем не изменился Сергей Дмитриевич Бобрецов, инспектор рыбоохранны, все такой же суровый и немногословный, с ежиком седеющих волос и не улыбочивыми глазами. Он знал Пижму как свои пять пальцев.

Помнится, тогда мы остановились в Шегмасы в доме бывшего председателя колхоза «Парижская коммуна», недавно вышедшего на пенсию, Павла Дмитриевича Поташева. За ужином непринхотливо разматывался клубок застольной беседы.

— Мы дак последние будем по речке-то, — охотно делился со мной старик, прихлебывая из блюдца чай. — Самые что ни есть последние-распоследние. Вот жисть-то! А раньше-то веселей жилось, куда как веселей... Я тут в тридцать первом году

коллективизацию проводил — дак безобразьев не позволял. Ни одного мужика не дал раскулачить. Уездное начальство чуть плешь не проело: «Неужто у тебя, Поташев, ни единого кулака в Шегмасы нет? Может, прикрываешь кого из кумовьев, признавайся? Потом худо будет!» — «Да откель им взяться, кулакам? — говорю. — Кругом лес да бес, от них и кормимся. (Под «бесом» хозяин подразумевал дичь и пушного зверя. — О. Л.). Речку тоже не забываем...» Прошлись тогда партийные товарищи

по нашим дворам, увидели, у кого что на столах да в сундуках, и отступились. У нас кулаковских сроду никогда не бывало. Всем миром жили, сообщка.— Он вдруг горько вздохнул и покачал седенькой головой.

— А вот ноне промашка вышла. Эвон у нас какие пространства разработаны, а робить-то и некому. У нас тут раньше соседи были — деревнюшка Кобыльское, ихний колхоз «Второе мая» назывался. Да вот разбежался оттуда народ. Избы опустели, поля, луга позарастали — и закрыли «Второе мая». А мы ничего еще — держимся! У нас тут нынче отделение совхоза «Вожгорский».

— А зимой не скучаете? — спросил я, представив на минуту отрезанную от мира деревеньку в тридцать дворов, засыпанную глубокими снегами, в которой лишь дымы из труб, да лай собак, да подслеповатые оконца с тусклыми огнями керосиновых ламп напоминают о присутствии человека.

— Некогда скучать-то. Хозяйство! — посерьезнел Павел Дмитриевич. — Когда к деревне подплывали, видели небось, сколько народу на пожнях робит? И все молодежь! Каждому дела хватает. Животноводство! Опять-таки воля — рыбалка, охота. Кабы не рыбнадзор, — он покосился на форменную туजूрку Сергея Бобрцова, — круглый год семгу бы кушали. И пошто такую моду завели: живешь на берегу и свою же рыбу не трогай? — Он отхлебнул из блюдца, вкусно причмокнул. — А во-

обще-то хорошо у нас молодежи живется, хорошо.

Желание снова побывать на Пижме не оставляло меня. Не терпелось узнать: как там Шегмас, живой ли? Хотя я помнил заверения старика, что «молодежи у нас хорошо живется», сомнения все же были, потому что реальная повседневность едва ли не на каждом шагу предлагала обильную пищу для неверия. Сколько раз за эти годы пытался я навестить старые северные деревеньки, в которых когда-то гостевал, записывал фольклор, слушал семейные хоры, — жизнь здесь держалась на коренном и прочном крестьянском укладе. Но вот проходило одно-два десятилетия, и деревня принимала нежилую, кладбищенский вид...

Была по соседству с Шегмасом одна любопытная деревенька — Жители. Случайно я увидел это название в «Атласе СССР» — внушительном альбоме с набором крупномасштабных карт. Ни самого Шегмаса, ни старинных населенных пунктов типа Вожгоры обнаружить не удалось, а вот Жителям почему-то повезло. Кружок с этим названием стоял в верховьях реки Кымы, которая, как и Пижма, является притоком Мезени. За какие такие заслуги уготовили деревеньке место на карте? Что это — каприз картографа, визирная цель геодезиста? А может, составителей «Атласа» подкупило странное, загадочное имя — Жители?..

Побывал я в этот свой приезд и в Жителях.

Еще с реки увидели мы темные треугольники крыш. Гремя на солнышке, деревенька подозрительно молчала. Причалив к берегу, я и мои спутники из рыбоохраны поднялись на угор. Старые, испытанные жарой и стужей избы обнажили свои раны и язвы — работу жучка-древоточца. В окружении бурьяна и крапивы нужно высился колодец-журавель. Все тропинки между домами затянуло гусиной травой. Ветер хлопал незастытой дверью в одной из изб — внутри ее стояла черная нежилая пустота. Легкий сквознячок с крыльца принялся перелистывать рванный учебник истории, валявшийся на полу, услужливо остановил страницу на том месте, где храбрые русские дружины гибнут на берегах Калки в 1223 году...

Я закрыл дверь и направился в другую избу. Но и там было то же самое. В разливах навозной жижи, в дремучих зарослях лопухов и иванчая доживали свой век мельничные жернова, прятки, обломки точильных камней, облупившиеся иконы с почернелыми ликами святых; в заброшенной баньке прямо на полу пустила ростки серая ольха. А на окраине деревни, покосившись, высился громадный обетный крест-голубец со следами резных полууставных букв...

Передо мной лежала деревня, которой повезло разве лишь в географии. Жители обезлюдели, ушли из мира тихо и неприметно вместе со своими обитателями.

— Здесь колхоз был богатый — «Красный охотник», — заговорил пожилой рыбинспектор, уроженец Жителей. — Масло хорошее сбывали, много скота держали. Угодья — боже ты мой!.. А потом все пошло наперекосяк. Одних в город на легкую жизнь потянуло, других начальство заманивало, чтоб переезжали на центральную усадьбу, третьих тоска заела, и стали они эту тоску вином заливать. — Он махнул рукой и нахлобучил кепку на глаза. — Какая уж тут жизнь!..

Опустевшая деревня погрузилась в матовый полумрак северной ночи. Густой, застывающей лавой катилась под окнами река, лениво ворочалась на перекатах, закручивая в кольца седой туман. Над влажной луговиной, почти у самых домов, кувыркались в воздухе крупные чибисы с крахмальными манишками — неутешно кричали, звали кого-то...

Если даже отбросить элегическую грусть по поводу уходящей красоты, остро встают чисто практические вопросы: а как быть с землей, которую покинул или собирается покинуть человек? Ведь сколько трудов ухлопал его работяга пращур, чтобы создать здесь выпас и пашню! В древних северных молитвенниках постоянно встречаются имена потопших, древом убиенных, зверем растерзанных, демоном уведенных. Но еще больше бедствий испытывал пращур, когда вступал в поединок с лесом для добычания хлеба насущного. Кто видел поле в лесу, так называемые «чищеницы», «росчистки», «лядины» или «кулиги»¹, тот поймет силу и упорство северного человека. Ранней весной он выбирал место в тайге, удобное для пашни, и рубил все подчистую. Только вырубил одну полоску деревьев и приметает за другую, а тут уже первая начинает зарастать. Снова рубить приходится — жгут ее, выкорчевывают, и лес отступает неохотно. Так получалась пашня.

И вот теперь эта пашня, это с трудом отвоеванное человеком пространство превращается в «кулигу для воющих волков», как назвал покинутые деревни один архангельский художник.

— Столица Пижмы — город-герой Шегмас, — торжественно возгласил Саша Галев, третий наш спутник, и встал в позу Наполеона.

Уж на что сдержанный человек Сергей Дмитриевич Бобрецов, и тот улыбнулся: с этим Галевым не соскучишься, всегда что-нибудь отчучит! Был он весь нараспашку, погородскому форсистой, да и за словом в карман не лез — как выяснилось, в недавнем прошлом старшина-подводник. После пяти лет сверхсрочной службы числился он ныне в рыбинспекторах.

Наша лодка вылетела из-за речной излуки, открывая взгляду замоховевшие амбары, сараи, остатки деревянных изгородей, но ее вдруг подхватила встречная вихревая струя. Течение обрушилось на нас, как с горы, мотор закашлялся, надрывно чихнул и замолк. Вот тебе и «столица Пижмы»!.. Три океана и восемь морей прошел бравый старшина Галев, а вот перед Шегмасским порогом спасовал. Пришлось ему уступить мотор Бобрецову.

— Снимайте сапоги! — громко приказал тот, придерживая лодку шестом.

Глубина у порога едва достигала колена, но мы тут же вымокли до пояса: вот какое было течение! Сергей Дмитриевич тянул лодку за нос, Саша и я помогали ему с кормы. Так мы прошли метров сто и снова залезли в лодку. Впереди я увидел длинный тупой валун, слегка выпирающий из воды. Течение заливало его, распадаясь на несколько рукавов. Бобрецов на полную мощь врубил газ, разогнал лодку и тут же выключил мотор, поднял его из воды. По инерции лодка взлетела на гребень волны, вскарабкался на порог у самого валуна и остановилась как вкопанная. И хотя буруны захлестывали борта и бешеное течение грозило столкнуть нас с этой точки, одного мгновения было достаточно, чтобы, втроем упираясь шестами в камень-валун, уйти подальше от рокового места. До «города-героя» оставалось рукой подать.

Вообще-то я не впервые сталкиваюсь с таким ироничным, мягко говоря, отношением к этой лешуконской деревушке. Сколько раз замечал: стоило кому-нибудь произнести слово «Шегмас», и на лицах людей появлялась улыбка. Как будто все знают, о чем идет речь, а говорить не хотят. Как будто все договорились соблюдать некий годами освященный ритуал, в котором местному человеку известны все правила смеховой игры, а приезжему только и остается, что развести руками...

Такой уж народ эти вожгорцы — умеют поводить за нос, повалять дурака, умеют выставить тебя посмешищем на всеобщее обозрение. А при случае не пожалуют и самих себя, лишь бы только покуражиться. Существует такая легенда, будто свой род вожгорцы ведут от скоморохов, скрывавшихся в северной глуши от подручных «Тишайшего» царя Алексея Михайловича. О деревне Вожгора писал еще этнограф Сергей Максимов в своей книге «Год на Севере».

Есть такая песня, которую поет знаменитый в Архангельской области Лешуконский народный хор: «Ходит Ваня по угору». В этой сатирической песенной хронике называются почти все лешуконские деревни. Ведь у каждой своя отличка: то говором, то норовом, то забавным анекдотом из «богвествякаковских» времен. При-

поминаются дефекты речи и наружности, пороки и пагубные привычки лешуконцев. Песня крепка своим юмором, простодушной насмешкой, незатасканным словом. Вот лишь несколько строк из нее:

*Трубку курить, вино пить,
во царев кабак ходить —
это Усвежана!*

*Самовары воровать — наша
Верхнекона!*

*Поперечны кушаки —
Большеенисогора;*

*Мастера песни петь —
Малонисогора!
Толстобрюхи мужики — это все
Вожгора!*

Шегмас почему-то не попал в песенный ряд хроники, хотя, как утверждают смехотворцы-вожгорцы, ему тоже есть чем похвастаться. Считается, что шегмасан отличает крайнее тугодумие, отсутствие юмора, угрюмое неприятие всего нового, прежде всего новых людей, жаждущих привести их к счастливой жизни. Не знаю, так ли это? Я бы скорее сказал, что шегмасане притворяются глупыми и темными, как говорится, валяют дурака; на самом же деле они умны, более того — дальновидны, просто им выгодно прикидываться тугодумами, чтобы оставаться свободными и независимыми. Да, они осторожны в разговоре, связаны в своих мнениях и ответах и на долгую беседу их часто не хватает. Отрезанность от всего мира, безлюдье, угрюмые леса вокруг, вековая тишина и работа, работа до кровавого пота — вот почему подозрительная настороженность стала так же привычна, как и мозоли на руках.

Но с другой стороны, если разобратся, свою лепту в формирование шегмасского характера внесли многие «заливные песельники» — упломоченные разных мастей и прочие начальствующие элементы. Каких только благ не сулило начальство селянам «неперспективной» деревни, чтобы те оставили отчий угол и перевезли свои дома на «большую землю»: хватит, мол, жить раками-отшельниками! Грубо и непростительно легкомысленно вмешиваясь в специфику шегмасского уклада, вместо истинных ценностей бытия они предлагали суррогат цивилизации. А шегмасане слушали, слушали, сочувственно кивали головами, обещая подумать, исправиться, — и оставались на месте. И так было много раз. Не в пример Жителям, которые разбрелись кто куда в поисках «лучшей» доли, шегмасане сохранили свою суверенность, хозяйственную независимость. И жили себе, поживали, копили детей, выращивали лошадей и телят, сенокосничали, памятуя про себя немудреную пословицу: «Назови хоть горшком, только в печь не сажай...»

— Демократическая республика Шегмас! — снова объявил Саша Галев, и мы поддержали его оглушительным смехом.

¹ Кулига — луг, покос, пожня; лес, расчищенный под пашню.

Лодка ткнулась в топкий берег с рядами крошечных банок, откуда тянуло прогорклым дымом и распаренными березовыми венниками. Чуть дальше, на возвышении, выстроились избы, темные и неказистые, под окнами которых серыми валунами разлеглись овцы и собаки. На нас они не обратили никакого внимания, даже не повернули голов. А вот ветхий мужичок в очках и зимней шапке с оторванным треухом, выгружая из своей лодки ведра и теса, украдкой поглядывал на рыбинспекторов, и в каждом его движении, как я заметил, нарастала тревога.

— Ну что, дядя, — сказал Саша Галев, поворачиваясь к нему начальственным приземом, — много ль семги поймал? Признавайся и не сопротивляйся! — Молодая кровь в нем играла, хотелось маленько побалагурить со свежим человеком.

«Дядя» сделал вид, что страшно увлечен работой, и Саше пришлось повторить свой вопрос. На этот раз мужичок обернулся, радостно ойкнул, возвел руки в неподдельном удивлении: надо же, какие гости пожаловали! Он снял шапку и, оголив ухо, выставил его трубочкой по направлению к рыбадзору: плохо, мол, слышу, дорогие товарищи, кричите громче! И Саша из последних сил прокричал ему в третий раз: много ли он семги поймал?

— Ну, ты и чудил, мил человек! — зашелся в смех шегмасский дед Щукарь, и очки на его носу запрыгали. — Я уж и позабыл давно, как эта семга выглядит. Вот те крест, святая икона! — Он рассыпал своими смешками-подмигиваниями, и кожа на его лице скукожилась.

— Жаль, — произнес Галев, настраиваясь на его смешливую волну. — А то б я тебя, дядя, штрафанул. Больно ты мне нравишься. Ну-ка, открой крышку...

Недавно выловленные щуки, хариусы, сороги и ельцы прыгали в ведра, пытаясь обрести утраченную свободу, и дед вырос в собственных глазах, голос его загредел с недюжинной силой:

— Ну что, нашел семгу, а? — от души ликовал он. — Обмишурился ты, парень, с носом остался, расту-ды-т твою в кочерыжку. Я ведь законы знаю и безобразьев себе не позволяю.

— Вот и хорошо, — успокоил его Сергей Дмитриевич. — Считай, что сто рублей сэконома.

Старик оглядел нас из-под очков, мысленно прикидывая, кто есть кто и кто чего стоит. Заметив в глазах вожгорских рыбинспекторов вполне миролюбивое настроение, решил продолжить разговор:

— Сейчас-то что — тихо, спокойно. А вот что раньше бывало — о-о-о! Всяко брали семгу, кто во что горазд: кто сетями, кто на блесну, кто острой или на «дорожку». Из ружья тоже били, но мало. Заряды на белку берегли...

— Да ты, выходит, знаешь, как сем-

га выглядит? — вовремя поддел его Галев.

— Ты погоди, погоди, — замахал на него руками старик, недовольный, что его прервали. — Ты сперва расчухай, а потом и бухай. Это когда было, когда семгу-то били, а? Жизнь тому назад! А запрет когда пришел? В середине пятидесятых... — Он понизил голос, переходя почти на шепот.

— В детстве, бывало, когда о штрафах и слыхом не слыхивали, мы старые чайники курочили, под семужьи блесны их приспосабливали. Что смеетесь, черти? Были, значит, такие чайники из толстущей красной меди, в вожгорском селъпе продавались. Один чайник — полсотни блесен. Вот те крест, если вру! Очень эти блесенки семга любила... А теперь-то что? Теперь, говорят, даже в Москве-столице блесен не достать. Мода, говорят, пошла такая — расту-ды-т ее в кочерыжку: бабы их стали в ушах носить заместо серег. Вот те крест, святая икона!

От реки в деревню вело несколько торных, хорошо наезженных дорог и тропок, и мы сейчас поднимались по одной из них. Совсем не изменился Шегмас: все те же два порядка домов, вытянувшихся вдоль Пижмы, и не было среди них ни одного брошенного или заколоченного. Даже их планировка, теснота проходов, отсутствие заборов говорили о том, что люди давно и прочно связаны кровными узами и нет у них никакого желания выехать в иные, звонкие и изобильные края. (Не случайно здесь проживают в основном две фамилии — Лешуковы и Поташевы. Ну а имена — имена под стать характерам шегмасан — Разум, Август, Ювеналий, Клавдий...)

Архитектура деревни как бы выростала из местности и носила отпечаток всего уклада крестьянского житья. Здесь все привыкли делать сообща — и пахать, и ставить дома, и косить сено, и пасти скотину, и гулять на сезонных искрометных праздниках. Жизнь сама, задолго до колхозов, без судорожных рычков и метаний, заставляла людей поверить в разумную кооперацию. Потому что идея кооперации вытекала из самой сути сельского труда, где общинные интересы нередко совпадали с личными. В самом деле: разве северный мужик выжил бы в одиночку среди лютой пурги, тайги и комариной скуки?

Земли в округе хватало всем. Только не ленится! Ну а если кто проявлял нерадение или, пуще того, бесстыдно лодырничал, того на общем сходке лишили этой земли, а то и попросту выдворяли из деревни. «В Шегмасае все на виду, нас мало. И если кто-то перестанет делать свое дело, мы не сможем поддерживать взаимно хорошие отношения», — говорил мне когда-то бывший председатель колхоза «Парижская коммуна» Павел Дмитриевич Поташев. И на этой заповеди держались все нравственные и общественные устои. Независимо от то-

го, какая форма собственности бытовала в деревне — охотничий кооператив, колхоз или совхоз, — шегмасская артель ощущала себя неким орденом со своим неписанным кодексом чести и морали. И совершенно естественна та молчаливая форма протеста, когда шегмасан пытались переселить с исконных земель.

Старик Поташев давно умер, но оставшиеся в его доме сыновья и внуки подновили венцы, перелицевали хозяйственные помещения, и дом гляделся почти как новенький. Я хотел зайти, но, увидев палку, прислоненную к двери, повернул обратно. Такие приставы можно увидеть почти всюду в Лешуколье, замки здесь не приняты. Пристав у двери означает — скоро приду, я рядом. Пристав в кольце (оно служит вместо дверной ручки) — буду только к вечеру...

В верхнем конце деревни выросло сразу пять новых, на современный лад, домов — они выделялись на фоне леса сочным румянцем свежееотесанных бревен. И в самой просторной избе, как сказал Бобрецов, скоро поселится некий Михаил Викторович Лешуков, тракторист и механизатор, который полтора десятка лет прожил в Северодвинске. Все, кажется, имел человек — хорошую работу, высокую зарплату, квартиру с удобствами: живи, наслаждайся, вкушай городскую культуру! А он все бросил и с семьей вернулся в родной Шегмас: по тайге и речке соскучился, есть в них, значит, какая-то притягательная сила.

Вот как порой складывается в этой жизни! В том же Лешуковском районе судьбу Жителей за последние десять-пятнадцать лет разделили многие, совсем не дальние и вроде бы обеспеченные селения, связанные с райцентром судоходной Мезенью, — Конещелье, Кобыльское, Усть-Нерманка, Парыгинская Едома, Копылиха; по сути дела, дышат на ладан Карашелье, Ущелье, Пылема, Бугава, Малые Нисогоры... А Шегмас, стоящий на задворках, приосанился, помолодел, практически самостоятельно, без экономических впрыскиваний и инъекций повысил поголовье и продуктивность скота, и теперь уже не большая Вожгора, центр совхоза, а именно шегмасская ферма в значительной степени определяет мясные и молочные показатели... Какие тут действуют законы? Почему из одной деревни разбежался народ, а в другой все оставались на местах, даже молодежь?

Ох, как трудно ответить на этот вопрос! Природа человека раскрывается в единстве далеко расходящихся, часто противоречивых черт и поступков, и покрыть их общим знаменателем невозможно. Жизнь — как река, у которой, кроме твердынь-берегов, есть свои боковые русла, прижимы, перекаты, свои завихрения и подводные течения, несущие не только родниковые воды, но и мутную взвесь, кору, пену... Однако

у меня не поднимается рука бросить камень в тех, кто навсегда покинул отчие кулиги и перебрался на «материк». Были такие и в Шегмесе — но мало. Они и сейчас приезжают сюда летом на правах дачников-отпускников. Что же тогда остановило большинство? Воля, охота, рыбалка? Кровные родственные связи, привычка к сельскому житью? Загадочна и неисповедима шегмасская душа, и чтобы понять ее до конца, вычерпать, так сказать, до дна, нужно пожить здесь, наверное, не один месяц. Кто знает, может быть, прав был покойный председатель Поташев, когда говорил: «Крепко приглянулось нам родное отечество?»..

В конторе отделения совхоза «Вожгорский» было пустынно, все разбегалось по угодьям — сенокос на носу, не слышно ни шорохов, ни голосов. Только река билась в теснине порога.

В том же доме, вместе с конторой, разместились медпункт, радиоузел и клуб, где два раза в неделю крутят кино. С телевидением вот только неладит: нет уверенного приема первой программы. К тому же в одиннадцать вечера гаснет свет, таков неписанный закон шегмасской электростанции... Появившаяся на пороге уборщица объявила, что управляющего Поташева ждать не имеет смысла. «Начальство у нас сидеть за бумагами не больно-то приучено, — сказала бабуся, шуруя по углам мокрой тряпкой и искоса поглядывая на рыбнадзорские фуражки с зеленым верхом. — Управляющий наравне со всеми робот. Не то что некоторые! Как записал себе — 137 тонн сена и 620 центнеров мяса — так, значит, и сделает. Нам не впервой на Доске почета висеть!»

Сергей Дмитриевич предложил зайти к его давнему знакомому Юрию Ивановичу Лешукову, бывшему кинемеханику. «Вы ведь с ним тоже были знакомы», — сказал Бобрецов, открывая дверь в сени с духовитыми запахами парного молока, свежей рыбы и березовых веников, которые висели под потолком.

Увидев нас, Юрий Иванович, не говоря ни слова, включил электрический самовар. И только после этого по церемонному северному обычаю, с полупоклоном, пожал каждому из нас руку и для каждого нашел доброе приветственное слово.

— Розувайтесь, розоболокайтесь! Сейчас чаю запарим, картошки начистим, развеселим, отогреем душу... Нина, ставь греть уху!..

Меня он не узнал, да и я, признаюсь, весьма смутно запомнил его облик, хотя когда-то беседовали и даже плавали по Пижме. Одиннадцать детей вырастили Юрий Иванович и его домовитая супруга Нина Осиповна; одни, получив городские профессии, разбегались по другим краям, но большинство осело здесь же, в Шегмесе и Вожгоре, где работают на фермах и в мастерских.

Многодетные семьи и раньше не

были редкостью в деревне. Теперь же, когда у шегмасан появился достаток, они словно вступили в соревнование: кто кого обгонит по части народонаселения. Именно за последние пятнадцать лет резко подскочила рождаемость. В тридцати семи крестьянских дворах проживает нынче около 140 человек. Многие молодые матери буквально разбиваются между домом и работой, пристают к управляющему: пора строить сад-ясли, пора открыть в деревне школу-восьмилетку! Зачем нам отдавать ребятишек в вожгорский интернат? Учиться им там, конечно, неплохо, и питание вполне сносное, но все равно сердце не на месте...

Выйдя на пенсию, Лешуков полностью отдался охоте. Да с такой страстью, будто всю жизнь только и мечтал о лесах. Его охотничий путик идет на несколько десятков километров по лешуковской тайге, и на всем этом протяжении у него расставлены избушки. Не простые, между прочим, избушки, а им же самим, Юрием Ивановичем, срубленные и обставленные с домашним уютом.

— Дичи и зверя в лесу хватает пока. Но вот что-то ноги загребать стали, — жаловался совсем еще не старый Юрий Иванович. — Придется снегоход «Буран» покупать. А в общем-то, грех приbedняться: зимой без мяса не сидим...

Кушанья, которые Нина Осиповна метала на стол, были мне словно и незнакомы. Молоко — как сливки, сливки — как сметана, а сметана — как вологодское масло. О твороге и яйцах и говорить не приходится. Всего было в изобилии, и все это вышло из недр лешуковского подворья (корова, куры, около десятка овец), представляющего собой маленькую фабричку по производству мяса, молока, масла и шерсти... В стакане сливок металлическая ложка держалась без всякой опоры.

— У нас тут двадцать коров в частной собственности, — охотно делился Лешуков. — Считаю, почти каждый двор натуральное хозяйство ведет. С Вожгорой-то не сравнится! — вставил он перо Бобрецову с Галевым. — Там старухи-мухи с утра очередь в магазин занимают: привезут молоко — не привезут?! А у нас его девать некуда: пей — не хочу!.. А все почему? — Юрий Иванович поочередно оглядывал наши лица и продолжал гнуть свою линию: — А потому, что нет нам сейчас указа — сколько коров держать да где пасти. А коровки наши места хорошие знают. Переплывут речку и давай шарить по позже. Ищут, где и какую травку пощипать. — Он помолчал, пытливым и изучающим посмотрел в мою сторону: — Вот вы, человек ученый, скажите-ка мне: сколько растений приходится на один квадратный метр пойменного луга?

Я растерянно пожал плечами. Да и что общего между коровой и квадратным метром?

— Здесь, — Юрий Иванович поднял глиняный кувшин с топленным молоком, — более двадцати разновидностей трав: тимофеевка, овсяница луговая, манжетка, клевер, лисохвост... ну и так далее. Растения — каких поискать! И все это, — Лешуков при этом раздвинул занавеску на окне и показал на противоположный берег Пижмы, — наша скотина находит там, за рекой...

— Э-э-э... не скажи, — поправила его Нина Осиповна, сидевшая в стороне и до поры до времени не вступавшая в разговор. — Что-то похуже ли наши пойменные луга, осока да медуница совсем замучили.

— Тоже верно, — согласился с ней хозяин. — А все почему? Потому что землю маленько подпустили, техникой ее повыбили. Слава богу, что минералкой еще не травим. В иных местах природа у нас бензиновыми слезами плачет... Пора, давно пора эти луга в божеский вид привести.

— А про дороги-то, про дороги забыл?! — буквально ворвалась в паузу Нина Осиповна и всплеснула руками. — Живем, как зайцы на острове. — Она смотрела на меня как на крупное должностное лицо, от которого зависело — построить дорогу или нет. — Летом-то, как обмелеет, даже на лодке-верховке не проедешь. Порогов и перекатов — страсть и ужасть! Сами плыли — знаете. Какой год обещаю левневку проложить. Гравий, песок есть, смета готова — а делу шиш да маленько. С авиацией тоже обещали, в тот год посадочную площадку оборудовали. А самолеты не летают — почему?..

Мы сидели в светлой уютной горнице, окнами выходящей на речной пережат. На столе снова кипел самовар, пуская колечки пара, прогоревшая печка приятно грела спину. И долго молчавший Саша Галев наконец подал голос:

— Добиваться надо. Вы же, шегмасане, по этой части мастаки. — И он, как истый вожгорец, вставил ответное перо: — Говорят, тут один из ваших в Москву звонил — лично председателю Совмина. Так, мол, и так, Николай Иванович, давай вы правяй положение — проводи нам дорогу, обеспечь транспортом, а то мы напишем в ООН...

Смеху был полон дом, даже ребятишки выскочили из боковой комнаты и тоже заулыбались. Саша прижимал руки к груди и все повторял: «Прости, владыко, не выдержало лько!», а Юрий Иванович по привычке наседавал на него, защищая обиженное шегмасское достоинство. Его супруга, наполняя мое блюдце вареньем из брусники, говорила радужно:

— Ешьте, ешьте, не стесняйтесь! У нас в лесу этой ягоды ой сколько много! Все берем, берем — и никак набраться не можем. Всякий год так. Приезжайте осенью, не пожалеете...

Деревня Шегмас,
Архангельская обл.

Венец чудесный КЁЛЬНА

Инга ЦИПРИС,
архитектор-реставратор

Солнечным утром поезд прибыл в Кельн. Объявляют: «Хауптбанхоф!» — главный вокзал. Делаю несколько шагов по перрону и замираю от восторга. Прямо передо мной в яркое синее небо вздымается, несется в лучах света причудливая громада знаменитого Кельнского собора. Колоссальные размеры готического сооружения, знакомого раньше только по фотографиям, превзошли все ожидания.

В небе парили зубчатые контуры высоких заостренных башен. Покорилась гармония грандиозного собора и ажурных, легких деталей покрывающего все здание декора. Плоскости стен как бы исчезли. Во всем неопределенность форм — одни части незаметно переходят в другие, столбы сливаются с рядами арок. Кажется, камни колеблются, бегут, сплетаются в каменные кружева готических «роз»...

Кельнский кафедральный собор святого Петра заложен в 1248 году. Известны имена первых строителей Кельнского собора — мастера Жерара из Амьена (1257 год), его сына Арнольда (1308 год) и мастера Иоганна (1322 год).

Огромный хор — центральную часть собора — закончили к 1320 году. Но потом работы продвигались медленно. На работах и живописных полотнах XVI—XVII веков собор изображен без башен и заметно уступает в высоте соседнему «Мартину» — романской церкви XII века. Даже в ленинградском Эрмитаже есть такая картина. Она принадлежит кисти голландца Яна ван дер Гейдена и называется «Улица в Кельне». Кельнский собор на ней изображен так, как увидел его в начале XVIII столетия художник: с недостроенными башнями, а на верхушке одной из них виднеется примитивный подъемный кран.

— Слышите? Звонят колокола на башнях, — говорит сопровождающий меня архитектор Лео Бриксиус. — Башни собора вмещают девять колоколов. Особенно знаменит «Святой Петр», отлитый в 1923 году, на сотни лет позже других колоколов.

Замечаю, что в нишах между двумя башнями бокового фасада очень тактично, почти незаметно для туристских глаз, установлены легкие конструкции строительных лесов. На них несколько рабочих в просторных серых робах, которые сливаются с цветом камня. Реставрационные рабо-

ты на небольших участках стен ведутся непрерывно. Профессиональное любопытство тянет меня к аккуратным штабелям строительных плит.

— Смотри-ка, это же пластмасса! — кричу я удивленно немецкому коллеге.

Мое недоумение рассеял подошедший к нам мастер-реставратор. Он рассказал, что ни один из древних камней собора не сохранился. В течение 632 лет строительства известняковые камни ветшали и менялись два раза. А в 1824—1842 годах, когда постройка храма еще не была завершена, стены собора пришлось ремонтировать капитально. Во время второй мировой войны, в 1945 году, в собор угодили четырнадцать английских авиабомб разной мощности. После Кельн тогда лежал в руинах. Потом, конечно, все восстановили...

Сейчас стены собора разрушают выхлопные газы автомобилей и промышленный дым. Копоть уже вьется в стены на десять сантиметров. Искрошившиеся камни теперь решили заменять... пластмассовыми, более стойкими к атмосферному воздействию.

И вправду хорош цвет нового материала: медно-золотистые пластмассовые вставки подбираются в тон кладке, и их почти не отличить от средневекового песчаника. Итак, Кельнский кафедральный собор постепенно становится пластмассовым.

Служат мессы в соборе только по праздникам и воскресеньям четыре раза в день. А в будни двери храма открыты для всех до позднего вечера. В двух шагах от величественного портала музицируют уличные музыканты. Двое юношей привезли сюда даже клавесин. Поблизости сосредоточенно ползают на коленях уличные художники, создавая на темном

мощени многометровые картины цветными мелками. Как видно, это копии музейных полотен, тщательно перерисованные с открыток и репродукций.

Вот светловолосый юноша с поврежденными кистями рук отложил мелки и, ссутулившись, сел рядом. Он очень постарался, изобразив итальянскую красавицу эпохи Возрождения. Монеты прохожих падают в чашечку, оплачивая труд и талант самоучки.

На стоящем рядом картоне читаю надпись: «Я должен зарабатывать деньги живописью, так как, к сожалению, не могу больше заниматься тяжелой работой. Спасибо».

— Ведь эта картина до первого дождя? — обращаюсь я к стоящему рядом зрителю.

— Да, вы правы — до дождя или до вечерней моечной машины, — с удовольствием отзывается тот. — Утром и вечером кельнские улицы моют шампунем.

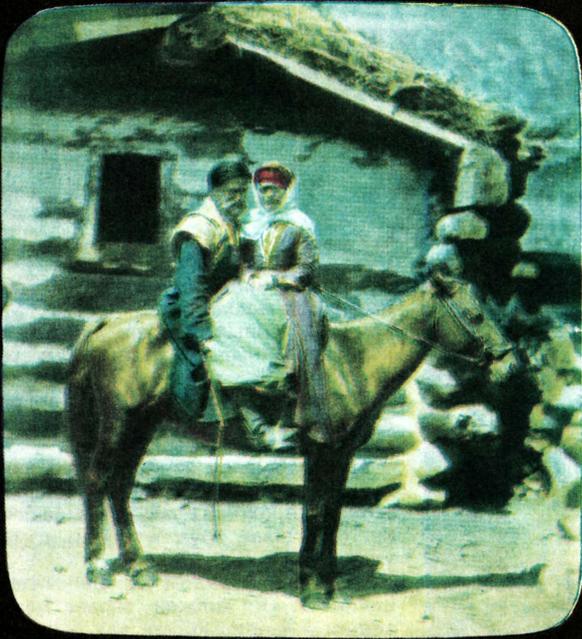
Но вот мы входим в Кельнский собор. Кажется, своды его исчезают в таинственном свете, льющемся через огромные окна, заполненные цветными витражами. «Стеклопанельная живопись» создавалась постепенно. От самого первого витража 1310 года до знаменитого «Баварского окна», выполненного в 1848 году. Говорят, общая площадь здешних витражей так велика, что ими можно дважды покрыть весь пол собора.

— Удивительно, правда? — говорю я Лео, поглаживая теплую дубовую скамью хора.

— Этим скамьям почти шестьсот лет, — скромно замечает он.

Мы обходим собор и долго стоим у Распятия — самой древней скульптуры храма, созданной в 975 году. Потом подходим к дароносице «Три короля», изготовленной немецкими мастерами в 1180—1225 годах из чистого золота и драгоценных камней. А вот и знаменитая алтарная картина-триптих «Поклонение волхвов», которая когда-то восхитила Гёте. Созданная в начале XV века Стефаном Лохнером, она считается олицетворением всей школы кельнской живописи средних веков. Перед картиной хочется стоять тихо, благоговейно рассматривая фигуру за фигурой. Художник сумел здесь передать появившиеся тогда в немецком искусстве угонченность, трепетность и вместе с тем земную предметность библейских персонажей.

(Окончание см. на 4-й стр. обложки)

Говорят, время идет быстро. Время действительно идет быстро.

Еще отнюдь не старо поколение, которое о телевизорах читало лишь в фантастических книжках, а уже выросли и обзавелись потомством люди, не представляющие себе вечера без мерцающего экрана.

На нашей улице первый телевизор появился году в 52-м. Это был КВН с крошечным экраном, оснащенный огромной линзой, заполненной дистиллированной водой. Передачи были три, кажется, раза в неделю, и эти дни превращались в сущий ад для телевладельца, красильщика по профессии. Многочисленная родня, знакомые, соседи, гости званые и незваные трижды в неделю набивались в небольшую его комнату. Изображение, и так-то не очень четкое да к тому же почти постоянно скакавшее, на расстоянии вообще невозможно было разобрать. Но все сидели, затаив дыхание, что бы ни передавали: важно было само чудо — присутствие чужой жизни у тебя на дому.

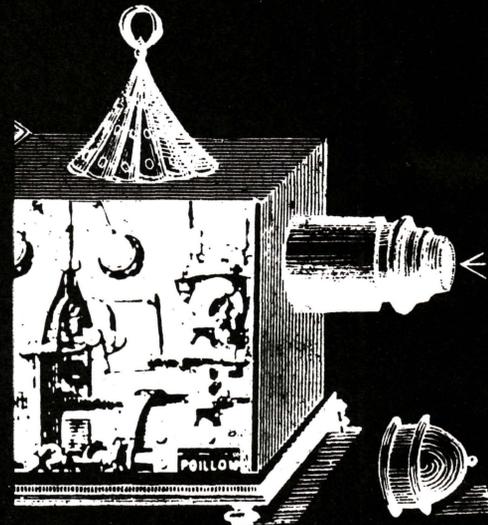
В расцвет телевидения, впрочем, никто особо не верил, по крайней мере

на нашей улице. В девятом классе, готовясь к экзамену по истории, жарким июньским вечером я вышел передохнуть во двор за сараи. У сараев стояли соседки и говорили про красильщиков телевизор. Электромеханик, наш сосед, стоя среди них, вещал, что скоро телевизоры появятся во всех домах, как радиотарелки. Женщины недоверчиво охали, а я, вспомнив, что сосед по своей общественной нагрузке пропагандист, ему просто не поверил.

Но время шло быстро. Я еще не стал совсем взрослым, а телевизоры превратились в такую же принадлежность домашнего обихода, как этажерки и комоды. Их экраны увеличивались, и скоро исчезли линзы с дистиллированной водой, в которой почему-то бурно разрастались неведомые водоросли.

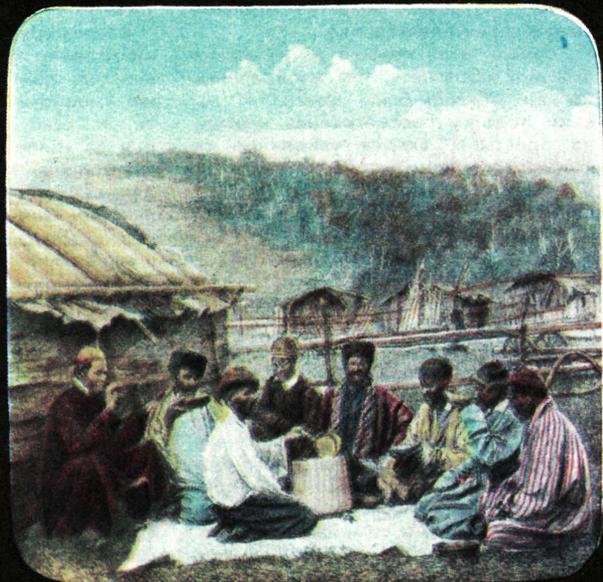
Газетчики, которые стали часто писать о телевидении, нашли ему красивый синоним «волшебный фонарь». Потом было придумано и скоро стало истертым наименование «голубой экран», но до него некоторое время употреблялся «волшебный фонарь». Это было понятно: многие еще помни-

Л. МИНЦ

Диапозитивы представлены В. УСТИНЮКОМ

Волшебный

ли волшебный фонарь — коробку с лампочкой и выдвинутой трубкой, оснащенной линзой, которой регулировалась резкость, и прорезью для диапозитивов. В кое-каких домах, особенно где сохранились старорежимные бабушки, можно было увидеть массивный ящик из красного дерева, окованный медью. В других — ящик попроще, даже не ящик, а цилиндр из картона, оклеенный коленкором. От жара лампочки он разогревался и резко пах клейстером. Такой волшебный фонарь был и у меня, он перешел ко мне от старшего брата и ушел впоследствии к племяннику) как пальто, шапки, штаны и курточки, — в то время так было принято.

Но диапозитивов у нас почти не сохранилось, а диафильмы со сказками к фонарю не подходили. Диапозитивы мне иногда давал одноклассник: их семья (вернее, много семей, связанных родством) чудом уцелела в большой мещанской квартире с низкими потолками и запутанными коридорами. На антресолях хранились священные стопки журнала «Нива», которые мы обожали рассматривать на кухне — выносить из дома их не позволяли. Диапозитивов было несколько коробок — все больше картинки далеких стран и разных народов.

То были старомодные изображения, лишенные настроения самого фотохудожника. Зато они радовали полностью информацией: если изображалась «Свадьба малайского раджи (князя)», то вы видели новобрачных в праздничных костюмах, мельчайшие детали волнообразно искривленного кинжала — криса, опахала и какого-то еще затейливого кувшина, брошенного в правом нижнем углу снимка. Краски, как я теперь понимаю, страдали аляповатостью, да и наносили их от руки

фонарь

по снимку, и тем не менее в память глубоко западал и коричневый цвет лиц, и розовые рубашки, и зелень пальм, создавая вместе прочное «малайское» впечатление.

Хорошо, если кто-нибудь из взрослых мог объяснить, что изображено, но они обычно были заняты. И мы сами подолгу рассматривали картину на простыне, сверяя увиденное со своими знаниями, почерпнутыми из Фенимора Купера, «Серебряных коньков» и любимой книжки «Синопа — маленький индеец».

Редкие эти домашние сеансы заменяли нам нынешний «Клуб путешественников», выполняя, в сущности, ту же роль: они приводили чужую жизнь и неведомые страны прямо в дом.

Линз с водой ныне уже не найти, разве что в Политехническом музее — хранить их неудобно, да и незачем. Зато диапозитивы от волшебного фонаря, если уж они сохранились, прочно заняли свое место где-нибудь рядом со старыми семейными фотографиями на твердом картоне. О них нечасто вспоминают, но, раз найдя, долго и с интересом рассматривают.

Те пять диапозитивов, которые мы представляем вам, — картинки волшебного фонаря. Они объединены общей темой: «Страны и народы». Вспомнитесь в них. «Вид Швейцарии», «Канал в Голландии», «Турки-носильщики» — это заграница; «Завтрак киргизов», «Горский татарин с женой» — наше Отечество.

Каждая из этих картинок совершенно достоверна и тем, собственно говоря, интересна. Кажется, что автор ее постарался вписать на крошечное поле диапозитива все, что известно о стране и народе и что составляет его особенности.

Швейцария: горы, двухэтажное шале, народный праздник; швейцарцы, как известно, весьма чтут свои традиции и охраняют их, даже диалект каждого кантона имеет все права гражданства.

Голландия: канал, ветряные мельницы, плоские тучные луга, где пасутся тучные коровы. Зрителю предлагалось дополнить картину тем, что он читал о Голландии — то ли в журнале «Вокруг света», то ли в книжке «Серебряные коньки».

Турки-носильщики действительно несут свою ношу на фоне совершенно турецкого пейзажа. И экзотические одежды прохожих, и собственный их вид — никакие другие, кроме как турецкие.

И ведь при этом нет никакой «постановки» — вы станьте здесь, а вы возьмите вот это — делом чести тогдашнего фотохудожника было отыскать такой типичный уголок с типичными людьми, чтобы сразу дать зрителю полное представление об избранной теме. А что позы статичны — так какая же тогда была техника! Приходилось просить персонажей не двигаться.

Что же касается картинок из жизни России, а точнее — ее бывших нацио-

нальных окраин, то здесь дело обстоит посложнее, и, очевидно, без помощи внимательных читателей не обойтись.

К примеру, «киргизами» тогда могли назвать и собственно киргизов, и казахов. Нам трудно определить, кто же именно изображен здесь да, кстати, и чем занят. Ясно, что сняты они за трапезой, но вот называть ее «завтраком» мы бы не решились: людям свойственно переносить привычные понятия на схожие привычки и обычаи других народов, а уж у путешественников прошлого века это было обычным. Ели ли кочевые турки в то время три-четыре раза в день? Делились ли у них трапезы на «завтрак», «обед» и «ужин»? Все это довольно новая привычка и у оседлых народов Европы. Наверное, кочевники строили свой день и организовывали питание иначе.

Еще сложнее с пятым снимком: «Горский татарин с женой». Этноним «татары» применялся столь широко и столь неточно, что мог обозначать и тех, кого мы сегодня (и тоже не совсем верно) называем татарами казанскими, и татар крымских (что не одно и то же), и черневых татар — алтайцев (что просто совсем не то), и азербайджанцев («закавказские татары» по тогдашней официальной терминологии). «Горским татаринком», изображенным на диапозитиве, должен быть кто-то из тюркоязычных жителей Кавказа: может быть, кумык, а может, ногаец, а может быть, балкарец или карачаевец. Не исключено также, что это и вообще не турки — вспомните, у Толстого в «Кавказском пленнике» татарами называют всех горцев.

Может быть, кто-нибудь из читателей, всмотревшись в диапозитив, точно определит во всаднике своего соплеменника, да еще и увидит гораздо больше, чем несоплеменные читатели: и что за сбруя у коня, и что за одежда, и почему одета. А может, назовет и местность. И, конечно, поделится своими познаниями с нами.

Или того более: кто-то вспомнит, что у него хранятся такие же диапозитивы... Я, в конце концов, верю, что где-нибудь сохранились и волшебные фонари, хотя и сомневаюсь, что ими по сей день пользуются. Эти диапозитивы можно прислать нам в редакцию. Если они хорошего качества, мы их опубликуем, а потом аккуратно вышлем назад владельцу.

Нас интересуют также старые фотографии, близкие по тематике журналу «Вокруг света». И рисунки художников, которым посчастливилось в свое время увидеть и запечатлеть обычаи разных народов, грады и веси нашей страны и других стран, пейзажи, которых сегодня, возможно, уже нет. С вашей помощью, дорогие читатели, мы надеемся заглянуть в давно ушедшие годы.

Время идет быстро, как кадры на телеэкране, а то и быстрее. Чем острее это ощущаешь, тем больше ценишь неторопливые, бесхитростные вещи вроде волшебного фонаря...

За двадцать лет работы в Институте эволюционной морфологии и экологии животных имени А. Н. Северцова АН СССР у меня было немало удивительных встреч на далеких островах и атоллах, в джунглях и на таежных тропах, в пустынях и тундре. На титульном листе дневника последнего путешествия написано: «Советско-американская экспедиция Earthwatch — «Вахта Земли» в Тувинскую АССР. Дневник № 100. Начат 2 августа 1989 года».

Эту экспедицию по изучению экологии и поведения джунгарского и сибирского хомячков второй год подряд организуют физиолог из Медицинского центра Канзасского университета (США) профессор Кэтрин Е. Вин-Эдварс и зоолог нашего института, кандидат биологических наук Алексей Сувор. Маленькие млекопитающие зверьки стали в последние годы популярным объектом лабораторных исследований, которые должны помочь решить целый ряд медицинских проблем, имеющих, в частности, как это ни странно, непосредственное отношение к регуляции размножения человека. Лабораторные работы велись учеными двух стран параллельно на протяжении почти десяти лет. Чтобы провести новые эксперименты, понадобились дополнительные данные. И они были получены во время экспедиций в Тувинскую АССР, Новосибирскую область и Красноярский край. В нашей экспедиции приняли участие двенадцать советских специалистов и семь волонтеров — так в Америке называют добровольцев общества «Вахта Земли». Оно возникло в США в 1971 году, а сейчас в нем насчитывается более сорока тысяч человек. Чтобы участвовать

Джунгарская Вахта

в экспедиции, добровольные помощники заплатили немалый взнос — 2400 долларов, и при этом считали свою работу вовсе не проявлением благотворительности, а необходимым вкладом в дело охраны и изучения природы. Общество «Вахта Земли» готовит телевизионные программы и выпускает свой журнал, штатные сотрудники занимаются договорами, ведут обширную переписку, распечатывают и рассылают проспекты. Средства есть, фонд общества — девять миллионов долларов. Ежегодно в организованные и финансируемые обществом экспедиции выезжают около 3 тысяч добровольцев. За шестнадцать лет работы они приняли участие уже в 950 различных экспедициях, трудились в 79 странах мира.

Филиалы «Вахты Земли» расположены в Вашингтоне и Лос-Анджелесе, в Сиднее и Москве...

СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКА

3 августа. В прорехах облачности открываются штриховки скошенных полей, излучина реки, горбы сопок. Хакасия. Белые юрты чабанов на буко-зеленой степи, прошитой желты-

ми нитями дорог. Снижаемся. Енисей с купавами плакучих ив на островах. Вершины гор скребют серые тучи. Столица Тувы расположена в котловине. Вблизи аэропорта палаточные станы туристов-водников. Моросит...

— Привет! — Алексей Суров протягивает сквозь прутья ограды загорелую руку. — Мы здесь случайно, несколько минут назад приехали. Вон наша машина...

У экспедиционного «газика» знакомлюсь с Сергеем, шофером, который уже два месяца в поле. Сюда приехал из Узбекистана, где работал с отрядом зоологов нашего института. Появившаяся из кабины милостивая женщина оказалась Кэтрин Вин...

Вечером за чаем выяснилось, что Кэтрин — внучка известного эколога Винсента Вин-Эдвардса. Она окончила Кингстонский университет в 1977 году, и Роберт Лиска, знаменитый своими экспериментами по физиологии размножения сирийского хомячка, сразу же пригласил Кэтрин на работу в Принстонский университет. Однако она выбрала объектом своих исследований джунгарского хомячка. Почему? Как призналась сама Кэтрин, это «маленькое фотогеничное животное с плохо изученной экологией» показалось ей интересным, вот

она и занялась им, защитила диссертацию... Ее здесь зовут Катя.

В полночь — звонок кинооператора телекомпании Би-би-си из Бристоля по поручению Дэвида Эттенборо. Пока Катя беседует с англичанином, Алексей пояснил, что их съемочная группа прилетает 14 августа. И тут же смущенно добавил, что Эттенборо — человек деловой, бесплатно себя фотографировать вряд ли позволит. Может запросить за это... три тысячи долларов.

5 августа. Машина переваливает через хребет Восточного Танна-Олу, по горному серпантину спускается в Убсу-Нурскую котловину. На этой территории предполагается создать биосферный заповедник и отнести его к памятникам Всемирного наследия человечества. И результатом работы нашей экспедиции, помимо изучения джунгарского хомячка, должны стать рекомендации о мерах охраны редких видов животных и растений котловины. Рекомендации эти будут направлены в комитет по созданию заповедника. Ведь здесь представлен почти полный набор природных зон Земли...

Пылим степными дорогами, вокруг кустился карагана, серебрятся шелковистые метелки ковылей. Сторожевым замком вырастает останец Аюш-

лаан, что в переводе: «место, откуда все видно». С его гранитных округлых глыб, расщепленных напильными лишайниками, срываются стаи диких голубей. Озеро открывается и как-то сразу притягивает, но дорога уходит в песчаные холмистые увалы, чтобы вновь показать всю красоту его отсюда, с высшей точки.

Позже я спрашивал у ковчегников-чабанов, как переводится название Тере-Холь? Но они ответили, что «просто озеро».

Цветные пятна палаток метрах в тридцати от песчаного пляжа. И я расчищаю пятачок среди зарослей караганы для своей палатки. Коварный, оказывается, кустарничек. Все ладони в колючках и занозах...

— Через час будем оперировать хомячка, приходите, — предлагает Катя и идет к навесу, у которого Дан Кютур возится с компактным генератором. Дан Кютур — канадец, инженер из Монреаля, он отвечает за техническое обеспечение экспедиции. Я фотографирую Дана, на всякий случай заручившись его бескорыстным согласием.

Под навесом, где обедали за общим столом, загорается лампочка. Коля Цыбульский наполнил молочную флягу родниковой озерной водой, накачивает паяльную лампу. Как закипит вода, он «заправит» флягу бутылочкой лимонного или апельсинного концентрата. Первейшее жаропонижающее!

Саша Телицына села за компьютер. Ежедневно записи ночных наблюдений за поведением джунгарских хомячков, сделанные исследователями на площадках, переносятся с диктофонов в дневник, а оттуда в машину.

Метод, который используется здесь для исследования скрытной жизни хомячков, называется радиопрослеживанием. Идея его появилась давно. В нашем институте группы ученых, инженеров и техников занимаются разработкой и созданием уникальных приборов, которые испытываются в полевых условиях. При этом надо, естественно, как можно больше знать и о жизни животного (будь то дельфин, морской котик, косуля или черепаха) и уметь прикрепить радиопередатчик или магнитофон, чтобы приборы не мешали.

В полевой операционной палатке Наташа Бодяк взвесила хомячка, которому готовятся вшить под кожу брюшка радиопередатчик с батарейкой и термодатчиком. Залитые воском, они размером с горошину и весом всего 2 грамма. Катя натягивает резиновые перчатки, делает зверьку анестезирующий укол...

После операции проверяют работу передатчика. На крышке ресивера приемника записывают порядковый номер хомячка и каналы частот его датчика.

6 августа. Полевые дежурства на площадках у нас ежедневные — с захода солнца и до утра в любую погоду. За самкой джунгарского хо-

мячка, недавно прооперированной, в эту ночь наблюдать мне и Саше Телицыной. Два года назад она окончила биофак МГУ, сейчас аспирант.

Для всех сборы на ночное дежурство привычное дело, для меня — впервые, и Саша советует захватить телогрейку и термос с чаем. Ночи длинные и холодные. Дан раздаёт каждой «двойке» комплект снаряжения. В него входят: портативная рация и магнитофон, фонарики-маячки и так называемые налобные фонари, которые крепятся на голову с помощью резинки; флажки с номерами, причем для каждого животного свой цвет; часы; почтенные мешочки, наконец, приемник и антенна. Все компактное, легкое и свободно умещается в рюкзаке...

Пробуксовывая в песке, наш экспедиционный вездеход скрылся за холмом. Порыв ветра донес заунывное урчание его двигателя.

— Вы хорошо ориентируетесь? — спрашивает Саша.

— Компас захватил.

— Я не о том, лагерь мы найдем в любом случае. Зверек наш за ночь может уйти от норы за километр, и не по прямой...

Телицына положила телогрейку и сумку у куста караганы, опустилась на колени и разгладила флажок. Такие же золотистые, зеленые и алые синтетические лоскутки на проволочных флажках ярких цветами-обманками вкраплены на обширном участке степи.

— Опять корова флажок жевала. Надо бы писать номера ближе к проволочке. Зря днем поленились закартировать площадку...

Я достал из рюкзака портативную рацию, диктофон, фонарики и таймер, расправил и закрепил усы переносной антенны.

— Давайте антенну, — говорит Саша, — я настрою приемник...

Попутно она мне объясняет, что зашитый в брюшную полость хомячка микропередатчик с батарейкой будет подавать сигналы месяца полтора. Кстати, такой датчик стоит 50 долларов, а приемники раз в десять дороже.

Включаем датчик, и сразу раздаются настоячивые позывные. У каждого хомячка свой участок обитания. У самок они поменьше и изолированы друг от друга, у самцов значительно больше. Встречи самцов редки, более того, они маркируют территорию специфическим секретом желез, чтобы избежать встреч.

Пушистый серый комочек, чуть крупнее домовый мыши, от его затылка с закругленными ушками по сторонам пролегал черная полоска — по всему хребту до куцевого хвоста. Паразитально, но хомячка вовсе не смущает свет наших фонарей, в общем-то необычный для их ночной жизни. Но еще удивительнее, что за ночь зверек пробегает до 6—8 километров. И при этом безошибочно ориентируется. Что ему помогает в этом: пахучие следы, луна,

звезды, память — сказать пока трудно.

Хомячок принялся и сразу выбрал точное направление к своей норке, до которой метров пятьдесят. Мы двинулись за ним следом... Саша ведет запись на магнитофон: «Площадка номер... Самка номер... Время... Погода...» Был момент, когда зверек скрылся от нас. Включаем приемник, водим из стороны в сторону антенной. Писк сигнала то затухает, то слышен довольно четко.

— Какая погода?

— Температура градусов 12. Порывистый южный ветер. Облачно...

— 22 часа 54 минуты. Ест лишь... Умывается. Ставим флажок, номер?..

Хомячка не узнать. Кажется, ему собственную голову стало тяжело носить, так загрузил он щечные мешки семенами, овечьей шерстью, корешками-травками. Пробежит немного, заводной игрушкой покрутится — и новый спринт.

А мы по пятам, не выпуская зверька из перекрестия лучей.

— В середине лета у самцов весь первый выход исключительно для того, чтобы метить свою территорию. Они при этом кормятся мало. Такой непоседа, мотал Кэтрин с Сергеем до половины седьмого утра. А Николай с Димом вчера проморгали подопечного самца и теперь разыскивают его — по соседству, за увалами. Только бы сова не оказалась проворнее их!

Самочка пробывала в своих закромах не более пяти минут и снова перед нами. Обследовала Сашины ботинки из хитрого американского материала, который не пропускает воду, но не задерживает пот. В такой обуви ногам тепло.

— Пролезла под телогрейкой, очень заинтересовалась карманом. Ах, да, там лежит печенье... Пошла новой петлей... Зашла под карагану.

Зверек затерялся под колючими ветками, на которых и золотистые цветки, и стручки с семенами.

— Да здесь она. Я слышу, как грызет...

— Два ноль семь. Когда же она перестанет обжираться? Ведь только съела крупного жука! — искренние эмоции все чаще приукрашивают «голый научный репортаж».

Жесткий ремень от ресивера перекутился на моей шее, и пока я его поправляла, Саша успела... уснуть.

— Два двадцать, — шепчу в микрофон. — Кормится в карагане...

Глаза постепенно привыкают к предрассветным сумеркам. Стая бакланов пролетела над головой. Они покинули место ночевки — тополиную рожицу, что тянется по изгибам скудной реки, затерявшейся в песках. Мы снова пасем вдвоем...

Теперь по звуку и определяем местонахождение беглянки.

«Подбегает к норе. Купается в песке и скрывается в норе. Ставим флажок... Время...»

Все, можно переносить сюда вещи. Обычно в первую ночь после

операции самки больше не выходят наружу. Но нам уходить нельзя. К ней могут прибежать самцы, детеныши...

Как бы в подтверждение сказанного в свете моего фонаря вспыхивают вдруг рубиновые глаза. Тушканчик! Я бросаюсь к фотоаппарату, тушканчик — в другую сторону, опрокидывает пустую живоловку, скачки убегают прочь. Вроде бы обычная встреча, но... Вспомнились сразу ночные блуждания по пескам в Каракумах. И первая ночная охота в джунглях Вьетнама, когда вот так же неожиданно сверкнули глазаги бенгальской кошки...

Серебристый шлейф Млечного Пути. Звезды вечные и падающие. Всполохи зарниц за озером.

— Да, здорово, конечно, только всегда спать безумно хочется, — охлаждает Саша мои восторги и настаивается. — Тихо. Кто-то идет... А-а, это Димон с Колей, ищут своего самца...

7 августа. Провожаем Лолу, помощницу Кати. Она вручает каждому значок своего родного Далласа. Примеряет монгольский кожаный шлем, подарок нашего отряда, купленный в Эрзине. Ее бессонные вахты окончились. В лагерь скоро придет новая группа волонтеров из США и английская телегруппа Би-би-си, возглавляемая Дэвидом Эттенборо. Английский зоолог, популяризатор науки, умеющий живо рассказать о разнообразии жизни на Земле, знаком нашим телезрителям по сериалу под названием «Живая планета». Наблюдать за работой таких профессионалов для меня — школа...

14 августа За ужином, переходящим в «планерку», начальники обсуждают вопрос, кому и с кем на каких площадках дежурить ночью.

— Знаю, ты опять мало спал, — вздыхает Сурков, поглядывая на меня, — находишься за день, но людей не хватает. Пойдешь сегодня со мной?.. Теперь самец «прогуливает» нас. Третий час Алеша диктует, я отмечаю пеглы маршрута флажками.

— Для грызунов характерны колебания численности, а у джунгарских хомячков она стабильна. Вообще это уникальное лабораторное животное, с очень удобным набором хромосом... Они подвержены воздействию канцерогенных веществ, и на них быстро вырастают раковые клетки. Вот медики и испытывают на хомячках различные препараты...

Сегодня полнолуние, холодный ветер.

— Утеплиться не мешает, — говорю я. — Отойду, пока мы недалеко от вещей, хорошо?

В ответ молчание. Оборачиваюсь — Сурков стоит все на том же месте. Молча протягивает ладонь, на которой трепещущее тело хомячка.

— Соринка в глаз попала, — торопливо объясняет Алексей. — Стал прогирать — и нечаянно наступил... За три года впервые такое...

— Да не казни себя, с любым подобное могло случиться. В армии посты меняют через два часа, а тут каждую ночь... Завтра помощники приедут, легче будет.

— Наоборот. Появится куча забот...

Мы шагаем в лагерь. За озером польхают зарницы.

15 августа. Сколько же нас сегодня соберется? Катя насчитала 25 человек... Аврал. В лагере наводится образцовый порядок. Сколачивают стол, скамьи. Продлевают навес от дождя и солнца. И даже затевают строительство душа на берегу. Это забота о тех добровольцах-волонтерах, возраст которых за отметкой пенсионного. Катя и Алеша собираются встречать помощников в Кызыле. Я прошу подбоксить меня попутно до поселка Шуурмак и захватить вечером на обратном пути в лагерь...

Расстаралось солнце на закате. Скалы будто налиты киноварью. Дальше — пылающая пурпуром степь. И стаи журавлей-красавок у дороги, и прилетные гуси, и утки на берегу озера, над водами которого колышет кисея, сотканная дождем. Темнота обволакивает. В свете фар замелькали тушканчики...

16 августа. Утром лагерь словно растревоженный муравейник. Минувшей ночью устроились наспех. Кто в ложбинку, на сочные травы, кто на пригорок...

Дэвид Эттенборо за обеденным столом пишет сценарный план фильма «Trials of Life» («Незгоды жизни»). Сюжет о джунгарском хомячке займет на экране, вероятно, не более трех минут. Операторы уехали знакомиться с местностью. И все добровольцы уже при деле. Джо и мисс Ирэн готовят корм для отловленных животных. Они пенсионеры, прилетели из штата Массачусетс. Супруги Турек отправляются на площадку. В руках у Франка прибор, напоминающий детскую игрушку — рукоятку с колесом. Они измеряют расстояние между флажками, которыми отмечены все ночные похождения хомячков. Маршруты надо нанести на карту. Оказалось, что территории самок джунгарского хомячка почти не перекрываются, тогда как самцы забегают на территорию и самок, и соперников.

Франк — художник. Ему за шестьдесят. Сухопар, бодр. Похоже, даже ночью не расстается со своим прекрасным фотоаппаратом. Он и меня снимает то в палатке, то возле нее или с собакой Кристи. И при этом убеждает, что в жизни надо чаще улыбаться. Рядом с Франком всегда его жена, японка Су. Спокойная и задумчивая.

К лагерю лихо подруливает «Нива». Еще три девушки из Кызыла — преподавательницы пединститута приехали помочь нам.

18 августа. На фоне закатного солнца фигура Дэвида. Идет съемка, тихо, только слышен голос Эттенборо:

«День завершается. Пробуждаются к активной ночной жизни хомячки...»

И тут по специально изготовленному коридорчику пускают самочку, она бежит в ту сторону, откуда светит полная... искусственная луна. Так открываются «маленькие хитрости», которые ничуть не умаляют достоинств снятых профессионалами из Би-би-си фильмов, ибо делается все с глубоким знанием и фантазией. Вот и футляр от термоса обмазали изнутри клеем, обсыпали песком. Съемка велась специальным объективом через этот тубус — как бы из норы. Дэвид рассказывает экспромтом. Алеша слушает его явно пристрастно. Потом резюмирует: «Хорошо. Может, чуточку слишком популярно...» Операторы задумали снять еще один сюжет, придуманный по ходу. Будто Кристи, щенком привезенная Алешей из США, находит и разрывает нору.

Катя и Алеша в алых майках, на которых изображен хомячок, а вокруг надпись: «Экспедиция «Вахта Земли», Тувинская АССР. Я люблю хомячка!» Они прогуливаются по степи. Отпускают собаку с поводка, и Кристи бежит к норе, роет лапами землю. Зрителю сюжет наверняка понравится. Кристи — умная собака, уложилась всего лишь в пять дублей...

19 августа. В краткие минуты расставания события развиваются стремительно. Многие становятся определеннее, и не нужно больше сдерживать эмоции.

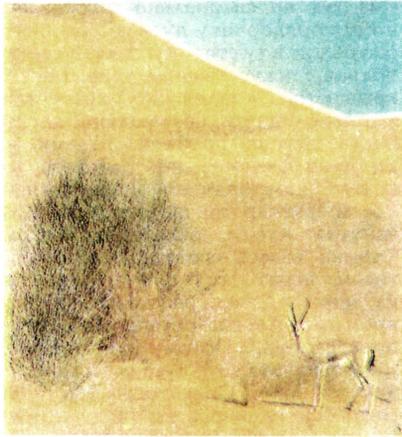
Мы собрались все вместе. В руках самодельные флаги экспедиции, что развевались эти дни на высоком шесте. Снимки на память. Провожаем Дэвида Эттенборо. Завтра уезжать и мне. На Чукотку...

— О, Арктик — восклицает Франк. И рассказывает, как во время африканского сафари он снимал льва, терзающего антилопу, и не заметил, что сзади подошло стадо слонов, и огромный самец бросился на фотографа.

— Хобот кверху, уши растопырены!... Я тоже хочу с тобой на Чукотку, — неожиданно закончил он. — Организуем? На будущий год...

Последняя ночь. Не спится. Ухожу в степь, где парами блуждают огоньки. Наташа Бодяк и Джо Розак ходят за самцом. Этот зверь беспокойный. В норку забегает на пять-десять минут и снова рыскает по степи, набивает свои защечные мешки кормом, таскает в кладовки. Дан Кютур и Юрис Вулис на площадке самой спокойной самочки. Юрис спит на земле, Дан на надувном матрасе. Вместо «маячка» — лампа: внутри горит свечка, воск вытекает в специальные дырочки. Приятно пахнет, как в дервки. Включен приемник, и из него слышно успокаивающее «пик-пик-пик». На месте зверь. Я снимаю друзей на прощанье.

Озеро Тере-Холь,
Тувинская АССР

ГАЗЕЛИ ИСЧЕЗАЮТ В ПОЛДЕНЬ

Нелегкая задача — собрать воедино все причины, по которым те или иные виды животных исчезают с лица нашей планеты. Сведения лесов, эрозия почв, окультуривание земель, браконьерство — перечень длинный. Казалось бы, что может угрожать изящной и стройной газели-доркас? Это существо идеально приспособлено для жизни и выживания в засушливых районах: прекрасно переносит высокие температуры, обходится минимумом воды. В пустынях и полупустынях Северной Африки (основной ареал распространения газелей) естественных врагов у доркас не так уж много, да и не в плотоядных дело: хищники — такой же элемент экологического баланса, как и жертвы. А вот от человека — активного нарушителя природного равновесия — газели-доркас не сумели спастись даже в глубинах пустынь. Сколько осталось этих грациозных созданий на белом свете — не знает никто. Вместе с антилопами мендес и сахарскими ориксами они исчезают незаметно и, может быть, навсегда...

ПИЦЦА БУДУЩЕГО?

Пора обедать? Вы голодны? Не хотите ли закусить солеными гусеницами большой восковой моли? А потом отведать бульон из домашних пчел? О нет, мы и не думаем издеваться над читателями. Речь идет о реальных исследованиях, которые проводятся в Висконсинском университете (США). Профессор энтомологии Джин Дефолиарт попытался представить, какие продукты питания могут появиться на наших столах в условиях истощения традиционных ресурсов, и пришел к легко предсказуемому (учитывая его научную специализацию) выводу: насекомые.

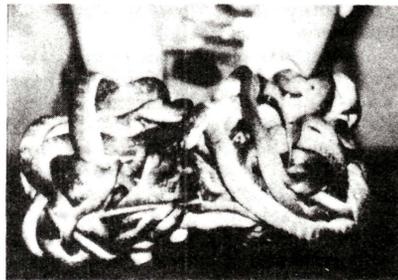
— Это пища будущего, — утверждает профессор. — Насекомые высококалорийны, богаты витаминами и минеральными солями. Сейчас внимание нашей лаборатории сконцентрировано на пчелином бульоне — он питателен, у жидкости легкий ореховый привкус. Но я лично предпочитаю все же гусениц бабочек — особенно большой восковой моли...

Ну что же, и на здоровье. Приятного аппетита!

ЗМЕИ ОБРЕТАЮТ ЖАЛО

«Бойги — род змей семейства ужей, — читаем в энциклопедии. — Длина до 2 м... Для человека укусы не опасны».

Жители тихоокеанского острова Гуам тоже считали, что местные змеи — коричневые бойги — не опасны, пока... пока не разразилась экологическая катастрофа. По неизвестной причине бойги начали бешено размножаться. Они повисали на проводах электропередачи и замыкали их своими телами, лишая энергии города и поселки. Они пожирали местных птиц и довели их почти до полного уничтожения. Они перестали бояться населенных пунктов. Наконец, они принялись нападать на людей. И вот здесь начинается самое загадочное и самое страшное. Трех укушенных доставили в больницу в тяжелом состоянии. Как же так? Ведь «укусы не опасны!» Бойги — в принципе — змеи неядовитые. Как разъяснили врачи, речь идет не об отравлении, а о реакции организма, схожей с аллергическим шоком. Один из герпетологов, профессор университета штата Вашингтон (США) Кеннет Кардонг, пошел дальше и обнаружил, что зубы коричневых бойг на Гуаме все-таки выделяют яд — правда, «не для нападения, а скорее в пищеварительных целях». Словом, загадок только прибавилось. Население Гуама близко к панике, а ученые никак не могут дать ответы на главные вопросы.

ОДИН НА ОДИН

Убить аллигатора может всякий. Всякий, разумеется, кто вооружен огнестрельным оружием. А вот взять чудовище голыми руками...

Охотники Флориды — а именно там водятся самые крупные, миссисипские, аллигаторы — давно считают почетным делом помериться силами с чудовищем. Увы, не всегда человек одерживает верх. Но если ловкость и сила охотника побеждают — трофей, бывает, превосходит всякие ожидания.

Взять, к примеру, траппера Коламбуса Уайта. Из долгой и изнурительной схватки он вышел победителем и пригласил представителей властей произвести необходимые замеры. Тут-то и выяснилось, что Уайт одолел рекордного аллигатора. (Рекордного — в том смысле, что до сих пор человек никогда еще не побеждал столь большого крокодила в честном бою.) Длина его составила 4 метра 23 сантиметра, а вес — 473 с половиной килограмма.

ФОКУСЫ ГЕНОВ

Белые тигры — имеется в виду не альбинос, а мутантная линия бенгальских тигров — красивейшие и редчайшие звери в мире. Общая численность их на планете — сто, максимум сто двадцать особей. Увидеть белого тигра на воле, в индийских джунглях — необыкновенная удача для натуралиста: за последние 50 лет таких случаев было всего девять. Самая большая частная коллекция белых тигров принадлежит известному американскому иллюзионистам Зигфриду и Рою, которые используют уникальных зверей в своих представлениях. Не так давно самка по кличке Ситарра произвела на свет сразу трех белых тигрят. Теперь в бродячем зверинце иллюзионистов четырнадцать белых тигров — восьмая часть общемировой популяции.

ПОКА ГОРИТ ФИТИЛЬ...

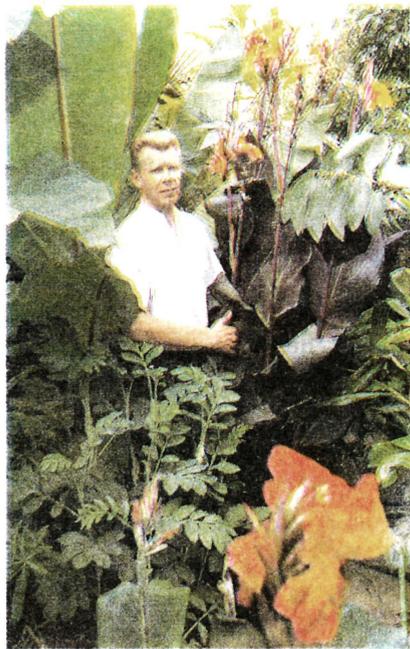
Охота — древнее занятие человека. На высокогорьях Тибета у многих охотников и оружие — под стать занятию: если не древнейшее, то уж такое старинное, что в Европе не во всяком музее сыскать. На нашем снимке — мушкет с фитильным замком в действии, перешедший нынешнему владельцу от прадедов. Разумеется, бить дичь из такого оружия непросто. Надо укрепить мушкет на сошках, насыпать порошу, зажечь фитиль, прицелиться... — бараны, архары или дикие яки при этом ждать не будут. Тут уж все надежды не только на зоркий глаз и твердую руку, но и на охотничьи собак — те приучены удерживать зверя в пределах дальности фамильного мушкета.

ВОПРЕКИ ОБЩЕПРИНЯТОМУ

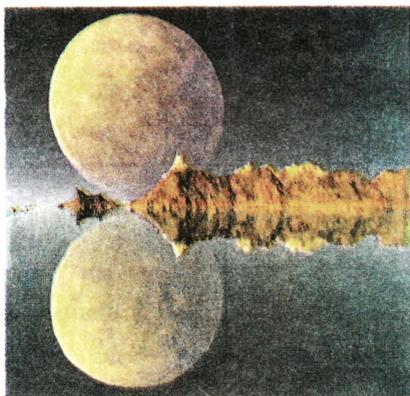
Всякий, кто заглянет в сад Майлза Чаллиса, расположенный в восточной части Лондона, непременно останутся в изумлении. Ибо здесь, под открытым небом, соседствуют и прекрасно себя чувствуют такие растения, которые, казалось бы, должны были неминуемо зачахнуть в британском климате. Банан из Эфиопии, гигантский ремень, имбирь... — более шестидесяти гостей из растительных царств Перу, Западной Африки, Японии, Китая укоренились на лондонской почве стараниями трудолюбивого Чаллиса. Садик совсем невелик — шесть на двенадцать метров. Растения живут дружно, друг другу не мешают и по весне начинают цвести даже раньше, чем аборигены в соседних садах.

— Все дело в терпении и тщательном отборе растений, — делится успехом Майлз Чаллис. — Плюс борьба с предрассудками. Многие субтропические растения можно беспрепятственно разводить в наших широтах. Мешает лишь предвзятый взгляд на вещи: мол, те же бананы не будут расти потому, что они... не будут расти никогда! Я взял и попробовал. И пробую вот уже восемнадцать лет.

ЗВУКИ — НА ВКУС

Меломаны, собиравшие диски, настоящие коллекционеры грампластинок, наверное, знают все о предмете своего увлечения. И тем не менее — вот еще один взнос в их копилку фактов. Может быть, не все знают, что в свое время производились и... шоколадные пластинки. Их выпускала известная германская шоколадная фирма «Штольверк». Пластинки представляли собой шоколадные диски с оттиснутой звуковой дорожкой, запечатанные в металлическую фольгу. А что? Очень удобно. Не понравилась музыка — съел. Понравилась — тоже съел, но с особым удовольствием.

КРАСКИ В ДВОИЧНОМ КОДЕ

Это не кадр из фантастического фильма и не картина художника-фантаста. Перед нами — творение компьютера. Руководствуясь принципами (почему этот оборот выделен — станет ясно ниже) так называемой «фрактальной геометрии», компьютер может создавать самые невероятные картины — пейзажи иных миров, изображения невозможных животных, интерьеры невиданных жилищ... Не вдаваясь в подробности, скажем лишь, что воспроизведенный на нашей фотографии пейзаж сотворен достаточно скудными средствами: «фрактальные» горы волею художника соединились с «фрактальной» луной. Вот и встало на свое место ключевое слово — художник. Разумеется, компьютер, будучи умной машиной, руководствуется определенными математическими и геометрическими принципами, но волшебный результат появляется лишь в том случае, если за клавиатурой пульта сидит человек, соединяющий в себе как минимум два таланта — программиста и живописца.

НЕ ДЫША!

Спортивную тему (и спортивную терминологию) можно вспоминать на наших страницах не только в преддверии олимпиад или других крупных спортивных событий. Иногда полезно узнать нечто новенькое и в «межсезонье». Вот, например, слово «стадион». В любом словаре можно найти, что оно происходит от греческого слова «стадий», означавшего в античные времена меру длины. Какая же это мера? Тут может помочь уже не всякий словарь. Стадий равнялся примерно 607 футам, что в переводе в метрическую систему составляет 192,27 метра. Именно такой длины была беговая дорожка в Олимпии — месте проведения Древнегреческих Олимпийских игр. Но все же — почему столь странная величина? Ответ следует искать в мифах. Как гласит легенда, ровно столько смог прошагать знаменитый Геракл, полностью задержав дыхание.

ПРООБРАЗ ТЕПЛИЦЫ

Кто и когда создал первый парник? Трудно сказать. Но вот информация к размышлению. В XVII веке английские руководящие по огородничеству советовавали использовать для разведения овощей... вышедшие из употребления кровати с пологом на четырех столбиках. Кровать рекомендовалось вынести в сад, а на матрас насыпать слой почвы, после чего можно было выращивать рассаду. Задернутый полог защищал ростки от прямых солнечных лучей, обеспечивал необходимый температурный режим и желательный уровень влажности. Что касается сырого матраса, то его можно считать прообразом гидропонии.

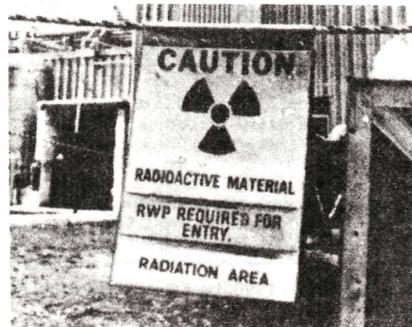
ОСТОРОЖНО: РАДИОАКТИВНЫЙ МУРАВЕЙНИК!

Захоронение радиоактивных отходов — дело в высшей степени серьезное и чрезвычайно ответственное. И сейчас порой невозможно предугадать все последствия, что же говорить о практике тридцатилетней давности, когда правила захоронения были не так строги?

Вот, например, Национальная инженерная лаборатория в штате Айдахо (США). В конце пятидесятых ученые зарыли радиоактивные отходы в землю и на том вроде бы успокоились. Думал ли кто тогда о муравьях? Обыкновенных муравьях-жнецах, которые роют ходы на глубину до трех метров? Вряд ли.

О возможной связи между муравьями и радиоактивностью задумался уже в наше время энтомолог Джеймс Джонсон из университета Айдахо. Он проверил тридцать муравейников и убедился: да, связь существует, причем прямая. Уровень радиации в муравейниках (за счет почвы, вынесенной маленькими работягами на поверхность) в два-три раза выше, чем можно было ожидать.

— На муравьев радиация, судя по всему, не влияет, — рассказывает Джонсон. — Они выглядят вполне здоровыми и успешно размножаются. Впрочем, когда речь идет о мутагенном воздействии радиоактивности, вряд ли можно говорить: «прошло уже тридцать лет». Скорее надо оценивать ситуацию так: «прошло всего лишь тридцать лет». И потом — куда большую опасность несут вовсе не муравьи, а коюты. Они разрывают муравейники и разносят радиоактивную заразу далеко окрест...

На первой странице обложки: КУРСКАЯ ДУГА. Мгновение войны. Фото из архива фронтового корреспондента Павла ТРОШКИНА (публикуется впервые).

Буйволы играют основную роль в церемонии погребения у тораджа, живущих в лесах острова Сулавеси (Индонезия). Чем больше буйволов, считают члены племени, тем лучше для души и престижнее для родственников. Число жертвенных животных может достигать двадцати.

Головы священных буйволов, выполненных в натуральную величину, украшают стены домов знатных тораджа (см. очерк «Затерянные в лесах и веках» и третью страницу обложки).

Оформление Н. МАНИКАЛО
Макет Г. КОМАРОВА.
Технический редактор
О. БОЙКО.

Сдано в набор 20.02.90. Подп. к печ. 03.04.90. А02765. Формат 84×108¹/₁₆. Печать офсетная. Условн. печ. л. 6,72. Усл. кр.-отт. 28,56. Учетно-изд. л. 10,9. Тираж 3 000 000 экз. Заказ 2026. Цена 80 коп.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес: 103030, Москва, К-30, Сушевская, 21.

«Вокруг света», 1990, 1—64, ИПО ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 70142.

Главный редактор
А. А. ПОЛЕЩУК

Редакционная
коллегия:

В. И. АККУРАТОВ,
А. К. ГЛАЗУНОВ,
Ю. Ю. ЖИТКОВСКИЙ,
Р. Ф. ИТС,
А. П. КАЗАНЦЕВ,
В. А. ЛЕБЕДЕВ
(заместитель
главного редактора),
В. И. НЕВОЛИН,
Н. Н. НЕПОМНЯЩИЙ
(ответственный
секретарь),
Ю. А. СЕНКЕВИЧ,
В. Н. СОЛОВЬЕВ,
А. В. ХЛЕБНИКОВ,
А. А. ЧЕРНОСВИТОВ,
Л. А. ЧЕШКОВА,
А. Н. ЧИЛИНГАРОВ,
А. В. ШУМИЛОВ

Наш адрес:
125015, Москва, А-15,
Новодмитровская ул., 5а.

Телефоны:
для справок — 285-88-83,
285-88-68;
отделы:
«Наша Родина» — 285-89-83,
иностранный — 285-89-85,
науки — 285-89-38,
литературы — 285-80-58,
писем — 285-88-68,
иллюстраций — 285-89-36,
приложение «Искатель» —
285-80-10,
секретариат — 285-88-25

Телетайп (внутрисоюзный) —
114167 ЭССЕ «Вокруг света»

Телекс (международный) —
411261 ФАКЕЛ
«Вокруг света»

Телефакс (095) 972-05-82

По вопросам полиграфического исполнения журнала обращаться в типографию ИПО «Молодая гвардия», тел. ОТК — 285-80-92.

Народ обретает имя
(2-я стр. обл.)

2 Генрих АНОХИН

Домашние истории «Овечьих островов»

6 Николай ОРЛОВ

Не попавшие в сводку бои

14 В. КОНДРАТЕНКО

Летающие слоны

17 В. ЛЕБЕДЕВ

Живая статуя на перекрестке

24 Ален МИЛН

Ровно в одиннадцать
Рассказ

30 Герберт ТИХИ

Затерянные в лесах и веках

36 Пауль ЭНКЕ

Янтарный кабинет

39 Бернгард ГРЖИМЕК

Скакуны из Янова

42 В. ЖУРАВЛЕВ

По ледовому лабиринту

44 Олег ЛАРИН

Кулига для воющих волков?

49 Инга ЦИПРИС

Венец чудесный Кельна

50 Л. МИНЦ

Волшебный фонарь

52 Владимир СЕМЕНОВ

Джунгарская вахта

56 «Пестрый мир»

59 Луи БУССЕНАР

За десятью миллионами
к Рыжему Опоссуму
Роман

Сознание опасности вернуло Робартсу обычное хладнокровие. Он точен как на дуэли. Стеля из револьвера, он каждый раз попадает в цель. Когда барабан опустел, он бросает револьвер в голову врага. Оставшись без оружия, Робартс хватается топор, подвешенный к ленику седла своей лошади, и с новой силой продолжает бой.

Никто из нас не бездействует, каждый прилагает все силы, чтобы отбросить вопящую ораву, которая не дает нам передышки. Мы, четверо, все еще сидим верхом. Наши лошади прыгают, как крылатые кони, и стряхивают копы, влипшие в их бока. Беспеременно приходится подымать их на дыбы, чтобы расчистить пространство вокруг нас, куда все время лезут враги.

Я вскрикиваю, у Робарта сломалась рукоять топора, и храбрый лейтенант по инерции падает лицом вниз. Кучка негодяев устремляется к нему, но этот джентльмен тут же вскакивает и разбрасывает противника.

— Тысяча чертей! — возмущается Сириль. — Конца им нет, паразитам.

Два или три удара, нанесенных им с сокрушительной силой, заставляет самых назойливых нападающих отступить, но, к несчастью, оружие моего товарища тоже ломается. Таких гигантов, как Сириль и Робартс, надо было бы вооружить стволами деревьев, ибо их руки ломают все, к чему ни прикоснутся. Один из поселенцев, видя опасность, угрожающую Сирилю, заставляет свою лошадь брыкаться, отбрасывает аборигенов, очищает проход, и два атлета присоединяются к нашей группе.

На секунду можно перевести дух. Однако наша малочисленность придает смелости аборигенам. К тому же они наверняка еще не ели: куски лошадиного мяса — между прочим, наших чистопородных лошадей! — пригорают на тлеющих угольях. Планных, по-видимому, они берегли на закуску. Но это мы еще посмотрим, как говаривал мой босеронец.

Перезаряжаем оружие. Все мы более или менее здоровы и невредимы, не считая легких ранений, болезненных, но не опасных.

Наступившее затишье держится недолго. Массы нападавших снова пришли в движение. Трещат выстрелы, но они не останавливают аборигенов, которые бросаются на нас с яростными криками. В нас летят копы и бумеранги. Мы делаем все возможное, чтобы от них уклониться.

Догорают последние деревья. Пожар не распространяется дальше. Мы сражаемся при свете едва тлеющих углей. Мои товарищи видят лучше, несмотря на темноту, которая сгущается. К счастью, они еще остаются ницалопами.

Удары противника становятся менее точными, тогда как наши обладают устрашающей меткостью.

Но, какова бы ни была наша храбрость, мы будем побеждены, если что-то не изменит ход битвы. Мы окружены, устали, пот лется градом. Мы теряем силы от ранений, правда, не тяжелых, но многочисленных. Нас не страшит смерть, но тошно от мысли, что нас зарежут как скот на бойне, а нашими могилами станут желудки этих негодяев. Если бы только среди нас не было женщин!.. Может, нам удалось бы сделать отчаянный рывок, оторваться от аборигенов, вскочив по двое на каждую из оставшихся лошадей. Хоть и раненные, животные, наверное, смогли бы вынести нас из этого осинового гнезда. Но нечего и думать о такой отчаянной авантуре с двумя несчастными девушками, которых мы намерены защищать до самой смерти. Но что будет потом? Когда мы все будем убиты, что станет с ними? Каждый из нас думает об этом с содроганием.

Источник имеет в ширину около четырех метров. Он глубок, и вода в нем свежая и прозрачная. Его берега покрыты цветами. Травянистый покров тянется сколько видит глаз.

Все пьют воду с наслаждением, маленькими глотками, долго ее потягивая, как дегустаторы, пробующие волшебный ликер, от которого нельзя оторваться. Надо было испытать пытку жаждой, худшую, чем голод, когда язык не двигается и висит, как сухая паля, чтобы оценить благо глотка воды!

Какое блаженство ощущать, как вода попадает в сжавшийся желудок и возрождает организм, усиливает циркуляцию крови, нарушенную испарением влаги.

Однако такое опьянение водой может оказаться роковым, и надо сдерживать иступленность, впрочем, вполне понятную, которую проявляют даже самые благоразумные. Лично я выпил лишь несколько глотков кофе, случайно оставшихся в моей фляге, потом пожевал лист эвкалипта. Некогда в Индии я чуть не умер, когда после длительной жажды выпил холодной воды в жуткую жару, и теперь это воспоминание побуждает меня сдерживать нетерпение. Мой героизм объясняется страхом перед болями в желудке.

Том, настоящий туземец, кажется, не испытывает ни голода, ни жажды.

Животных напоили и щедро обмыли водой, а я собираюсь, как гурман, медленно насладиться мелкими глотками воды. И в тот момент, когда я наклоняюсь над источником, чтобы попить в охотку, меня останавливает громкий крик.

Мисс Мэри, бледная, испуганная, с расширенными зрачками, падает на землю и издает сдавленные крики. Майора, МакКроули и Робарта тоже охватывает какое-то недомогание. Они бегут, не разбирая дороги, натыкаются на деревья и вопят как сумасшедшие. Страшные гримасы искажают их лица. Они закрывают руками глаза от света, который, видимо, причиняет им невыносимую боль.

— Мисс, что с вами? — спрашиваю я с тревогой.

— Мне больно, — шепчет бедная девушка прерывающимся голосом. — У меня горит в груди. Болят глаза. Дядя! Дик! Эдвард! На помощь!

Молодые люди и старик, находящиеся в странном оцепенении, раздражаются нелепым смехом.

Часть путешественников, кажется, пала жертвой той же непонятной болезни. Не иначе, как я попал в сумасшедший дом. Или сам сошел с ума? Верховые и тягловые лошади тоже вскоре начинают беситься, еще больше усиливая сумятицу.

Я подбегаю к друзьям. Робартс хватается руками воздух, как эпилептик, потом падает ничком, скребет землю руками и ногами, а затем теряет сознание.

Сириль, мой бедный Сириль, душераздирающим голосом зывает ко мне:

— Брат! Я сошел с ума. У меня горит в желудке. Я ничего не вижу. О, боже, я умираю!

— Не покидайте меня, мсье Б... — жалобно стонет мисс Мэри.

Я стараюсь не терять присутствия духа, хотя сердце мое сжимается от ужаса.

— Том, скорее к своему хозяину!

— Да, друг, бедный мастер! Я идет.

Мисс Мэри теряет сознание, ее челюсти сжимаются, глаза закрыты. Я приподнимаю одно веко и отшатываюсь, потрясенный. Зрачок расширен, по

Линия сгиба

меньшей мере, в три раза против обычного. Радужная оболочка настолько сократилась, что остался едва заметный круглый ободок.

Подхожу к Сирилю, к Робартсу, к другим больным: у всех тот же симптом. У всех одинаково расширены зрачки.

Меня осеняет: они отравились. Это безумие, наступившее чуть ли не моментально и сопровождающееся бредом, конвульсиями, болями в животе, светобоязнью, — все эти явления могут быть вызваны только одним растением — белладонной. Они пропали, если я не найду противоядия. Но почему только Том и я избежали отравления?

— Том, — говорю я аборигену, показывая ему на стебли белладонны, которая произрастает здесь в большом количестве, — ты видишь маленькие красные плоды на этом растении? Никто не ел их, эти ягоды?

— Нет! Нет! — Том вдруг спохватывается. — А... моя знает, — восклицает он в ярости.

И тут же, словно сам обезумев, бросается в источник, тянется к его середине и опускает руки в воду.

...Мне кажется, что сердце мое перестало биться. Ах! Я перевожу дыхание. Том поднимает голову, я протягиваю ему руку и помогаю подняться.

— Видишь, друг, — говорит он, весь промокший, бросая к моим ногам преобладающей пучок травянистого растения, из раздавленных листьев и маленьких плодов которого сочится зеленоватая жидкость.

— Погоди! — Том вновь склоняется над источником и вытаскивает еще

Том вновь склоняется над источником и вытаскивает еще одну охалку этого растения.

ные изваяния, хотя глаза их блестят. В руках у них оружие, и сидят они в седле как на параде. Настоящие храбрецы.

Мы летим над травянистым покровом, как метеоры, оставляя под собой мертвые стволы, преграждающие нам путь, овраги, рытвины, ручьи, в которых отражается зарево пожара. Рвутся горящие деревья. Поистине скачка с препятствиями в преисподней.

Аборигены уже близко. Разноцветные отблески — синеватые, белые, фиолетовые — ослепляют нас, но крики канибалов позволяют нам ориентироваться.

Все шестеро, мы появляемся как страшное фантастическое видение и врываемся в середину круга, образованного отвратительными существами, которые беснуются, воют и отчаянно жестикулируют, — сущий бедлам. Все они голые. Их лица разрисованы белым — это цвет войны. Белые линии покрывают также торс и конечности, как бы изображая человеческий скелет. Этот танец скелетов — мрачное вступление к пиршеству канибалов. Лошади, украденные у нас, убиты и зажариваются на кострах. Многие людоеды украсили свои головы хвостами бедных животных. При свете костров мы наконец увидели наших двух девушек и четырех мужчин, связанных по рукам и ногам. Они находятся в сидячем положении, и над их головами уже занесены руки с каменными топорами и ножами.

Одной секунды было достаточно, чтобы оценить ситуацию.

Из наших глоток вырывается дикий крик. Аборигены с тревогой замирают, и на мгновение наступает тишина. Но ее прерывает злое рычание. Это Мирадор. Умный пес бросается на группу аборигенов, впинаясь в горло одного из туземцев, и вот они вместе катаются по земле. Со слепой и неумолимой силой метательного снаряда мы влетаем в кишашую массу вражеских тел. Первых аборигенов, с которыми сталкиваемся, наши лошади топчут ногами или разбрасывают грудью. Грохот наших револьверов приводит дикарей в необычайное замешательство, и под деревьями, недавно еще такими мирными, царят ужас и смерть.

Видит бог, нам хотелось избежать кровопролития.

...Бумеранг ударяется о землю, подсакивает, чтобы затем впитаться чуть ниже колена в ногу лошади Робартса. Почти одновременно каменный топор одного из аборигенов со свистом обрушивается на голову лошади Сириля.

Приложив величайшие усилия, мы, то есть два поселенца, Том и я, прорываемся к нашим бедным пленникам. Том в мгновение ока спрыгивает с лошади и быстрее, чем я об этом рассказываю, перерезает веревки, которыми туго были стянуты их руки. Он отплачивает за добро, спасая своего хозяина. Майор встает во весь свой огромный рост: теперь, по крайней мере, он может умереть как солдат. Герр Шэффер, сэр Рид и канадец разминают онемевшие члены, подбирают с земли все, что можно использовать в бою, и встают рядом с нами. У них нет оружия, но они заберут его у убитых. Храбрая Келли не растерялась. Она хватает головешку и бросает в лицо аборигена, который с криком убегает. Мы прикрываем женщин своими телами.

Сириль и Робартс, спешившись, сражаются в нескольких шагах от нас. Геркулесова сила моего товарища удесятруется от безумной ярости. Он размахивает как палицей своим тяжелым карабином и наносит глухие удары по головам и телам противников.

вительно обнаруживает наряду со следами различных животных отпечатки копыт на примятой траве.

Каннибалы, несомненно, увели нескольких наших лошадей, а мы этого не заметили, потрясенные тем, что дороге нам люди попали в плен.

Мы подошли к небольшому склону, по которому двигаемся с бесконечными предосторожностями. На траве следы крови, и, натягивая поводок, Мирадор издает глухое ворчание. Вероятно, мы приближаемся к цели.

С возвышения, на котором мы находимся, видны вдали красноватые огоньки. Они освещают долину. Откос у наших ног невелик. Деревья стоят как будто более редко. По словам моих спутников, нас окружают не эвкалипты, а камедные деревья.

Свирепые жители австралийских лесов найдены!

Мы шепотом советуемся и уже склоняемся к решению возвратиться в лагерь, ибо поставленная перед нами задача выполнена. Однако случилось непредвиденное, и мы оказались втянуты в авантюру, развязку которой невозможно было предвидеть.

Мирадор делает сильный рывок, поводок остается у меня в руке, а он со всех ног несется вперед, в сторону огоньков, которые светятся в долине, при этом лает во весь голос, словно выгоняет зверя из логова.

Одновременно вспыхивают деревья. Похожие на огромные столбы искусственного огня, они образуют грандиозное зарево на пути к мигающим огонькам.

Моя собака, несомненно, подняла тревогу среди аборигенов. Нельзя терять ни минуты. Мы вскочили на лошадей и прищорили их. Дорога освещена как в дневное время. Это пожарище, должно быть, видно даже в нашем лагере. А лес горит и горит. Пожар распространяется с невероятной быстротой: ветви и стволы камедных деревьев, пропитанные смолой, служат прекрасной пищей для огня. Эти деревья воспаляются как бочонки со смолой и потрескивают подобно факелам. Воздух густо пропитан удушливым дымом.

Равнина Бюиссон превратилась в Храм огня!

Какая мизансцена для готовящейся драмы! И нам предстоит опасный выход среди этих декораций, где страшное так тесно переплелось с величественным.

— Вперед! — зовет приглушенным голосом Робартс, громадный англичанин с обнаженной головой, обмотанной окровавленной повязкой. С револьверами в обеих руках он немилосердно прищоривает лошадь. Благодарное животное, не привыкшее к такому обращению, жалобно ржет и как безумное буквально несется по воздуху.

Перед боем этот офицер словно утратил свою британскую флегматичность; его крик подобен львиному рыку. Таким я вижу его впервые, и моя симпатия к Робартсу удваивается, если только это возможно.

— Вперед! — кричит Сириль, припадая к шее своей лошади, которую какие-то узы заставляют держаться рядом с лошадью Робартса.

Эти два гиганта кажутся людьми иного века, случайно затесавшимися среди измельчавших соотечественников. Через несколько минут они причинят немало хлопот мрачному божеству, которое царит в этом южном аду.

Я несусь за ними, отставая на полкорпуса, рядом с Томом. Если не ошибаюсь, он будет жестоко драться со своими соплеменниками. Ведь Том не забыл до сих пор той ночи, когда майор спас его от страшной смерти.

Метрах в двух сзади от нас — оба поселенца, невозмутимые, как камен-

одну охапку этого растения. Он с успехом повторяет эту операцию и в третий, и в четвертый раз.

Теперь я все понимаю. Аборигены, не сумев одолеть нас силой, отравили источник, бросив в него огромное количество стеблей и листьев дурмана и белаадонны, которые они придавили камнями, чтобы те остались под водой. Это один из обычных способов без всякой для себя опасности погубить белых, которые в этом случае не способны защищаться.

Нельзя терять времени! Уже семь часов вечера, через два часа стемнеет. Аборигены, без сомнения, нападут на нас, полагая, что все мы отравлены.

Бедные больные в отчаянном состоянии. Они просят воды, и мне приходится применять силу, чтобы помешать им пить из смертоносного источника.

Я не решаюсь послать Тома на поиски воды, но в это время ко мне, едва волоча ноги, подходит один из поселенцев.

— Мсье, — говорит он. — Мы поищем другой источник воды, но пока все же сможем напиться. Видите группу деревьев в двадцати шагах отсюда?

— Да, это эвкалипты.

— Надо подрезать корень дерева, и из него потечет струйкой свежий сок.

Я решил, что поселенец бредит. Он заметил мое удивление.

— Не сомневайтесь, мсье, я уже чувствую себя лучше. Мне и раньше случалось пользоваться этим приемом. Сок эвкалипта много раз спасал мне жизнь, когда я умирал от жажды, и вылечивал, когда я пил из источника, отравленного аборигенами. Пойдемте со мной.

Он оказался прав: уже несколько его товарищей, лежа плашмя на траве, прижались губами к корню дерева, ожидая, пока потечет, как из крана, его живительный сок.

Я, в свою очередь, надрезав охотничьим ножом корень одного из деревьев, пью сок и испытываю истинное наслаждение. Все с нетерпением устремляются к драгоценным деревьям и большими глотками утоляют мучительную жажду.

Через час, то ли от благотворного действия сока эвкалипта, который является универсальным средством от всех болезней на Австралийском континенте, то ли по какой другой причине, мне неизвестной, общее состояние путешественников улучшается. Однако на многих напала страшная сонливость. Никто из отравившихся не в состоянии избавиться от нее. Я полагаю, что они спасены, но пройдет еще много дней, пока все окончательно выздоровеют.

Лошади щиплют траву и тоже как будто чувствуют себя лучше.

Но это слабое утешение. Я чувствую близость аборигенов. Поэтому необходимо встряхнуть моих товарищей, ведь только я и старый абориген не были отравлены. И если все заснут, то проснутся ли они завтра? Я не верю, что сок эвкалипта может послужить лекарством от ядовитых пасленовых растений. Нужно найти еще что-то.

Я лихорадочно ищу выход. Машинально подбрасываю ногой охапку растений, вытасненных Томом из источника. Тонкая лиана стягивает ее как крепкий и прочный шнурок, и я вижу на ней на определенном расстоянии друг от друга плоды величиной с большой палец, напоминающие фасоль, бархатистые, коричневого цвета. Они кажутся мне знакомыми.

Неужели это возможно? Ну, конечно, я вижу калабарские бобы, проти-

воядье от белладонны. Я вспоминаю эксперименты, проводившиеся в больницах Парижа и во французском коллеже. С помощью атропина, который является алкалоидом белладонны, расширяют зрачок пациента, закапав ему каплю раствора в глаз. Потом профессор, убедившись, что зрачок расширился, закапывает в глаз калабарин, алкалоид калабарских бобов. Тотчас зрачок принимает нормальный размер, и произведенное ранее действие нейтрализуется.

Мысль эта промелькнула в моем мозгу подобно лучу света. Теперь я знаю, как спасти своих друзей. Калабарские бобы — сильный яд, но организм наших путешественников, пропитанный белладонной, без труда перенесет его, и нет сомнения, что произойдет нейтрализация действия белладонны и дурмана.

Но по какой счастливой случайности, ниспосланной провидением, абorigены вздумали связать охажки белладонны единственным растением, которое может спасти несчастных? Причина очень простая: эти лианы прочны, а поскольку других растений такого рода здесь не произрастает, вполне естественно, что воспользовались ими, ибо шпагат или шнур — редкость на равнине Бюиссон.

И действительно, эти лианы обвивают деревья, которые нас окружают, но сначала, охваченный волнением, я их не заметил.

Несколько минут оказалось достаточно, чтобы собрать необходимое количество бобов, и Том, который сегодня служит у меня санитаром, кладет их в котелок, превращенный в ступку. Затем он идет к эвкалипту, чтобы добыть сок из его корня, не забывая потом залепить надрез горшечной глиной — иначе дерево может погибнуть, — и с торжествующим видом возвращается с драгоценным лекарством.

Не без опаски я даю первую ложку моего противоядия поселенцу, который объяснил мне свойства эвкалипта. Вообще это здоровенный детина, но все же надо и его подлечить. Он пьет и делает затем ужасную гримасу. Хоть у него и луженая глотка, поселенца буквально трясет. Я с нетерпением жду, когда подействует лекарство. Ей-богу, его действие чудотворное! Всего пять минут спустя больной успокаивается, лучше различает предметы, и свет уже не так раздражает его глаза.

Ободренный первым успехом, даю лекарство всем больным, и можете себе представить, как я обрадовался тому, что все мои пациенты почти сразу приходят в нормальное состояние.

Опасаясь, что это улучшение преходяще, я побуждаю их воспользоваться моментом и принять все меры предосторожности, чтобы отразить возможное нападение абorigенов, невежественных каннибалов, которые, конечно, незнакомы со свойствами калабарина и не подозревают о его воздействии на отравленных белладонной.

Теперь можно заняться животными, прибегнув к тому же средству. К сожалению, у нас нет воды, и приходится собирать сок из надрезанных корней эвкалиптов. И хотя лес состоит по большей части из этих деревьев, мы не рещаемся далеко уходить от лагеря, страшась услышать свист летящего копыя.

Мы расставляем повозки в конфигурации креста св. Андрея¹, чтобы из

¹ Крест святого Андрея имеет форму буквы «икс».

— Конечно, — ответил лейтенант, все еще бледный, с окровавленной повязкой на голове, но твердый как скала. Он подчеркнул свои слова решительным жестом.

— Ваш друг Сириль — храбрый человек. Я думаю, что он не откажется вас сопровождать.

— Прошу вас об этом, — сказал с достоинством мой босеронец, — и благодарю за лестное мнение обо мне, мсье Эдвард. Даю вам слово, что мы спасем вашу сестру, или я сложу там свои кости.

— Том тоже пойдет с вами, и выберите по своему усмотрению еще двух человек, наиболее надежных.

— Хорошо..

— Когда Мирадор найдет след и вы обнаружите, где находятся пленные, возвращайтесь. Тогда уж мы будем действовать сообща и вызволим их. Возьмите каждый по два револьвера и отвечайте огнем на первую же атаку. Ваши выстрелы подскажут нам, где вы находитесь, в случае, если завяжется бой. Мы примчимся вам на помощь.

Поразительное спокойствие и неизменное хладнокровие молодого офицера не могут не восхищать. Он действительно достоин командовать этой рискованной операцией. Эдвард подобен капитану, стоящему на мостике гибнущего корабля, который старается с редким бесстрашием найти способ все-таки спасти доверившихся ему людей. У него хватает мужества остаться здесь, обречь себя на временное бездействие, пока мы не выполним миссию разведчиков, которую он на нас возложил. Мы берем с собой лошадей и ведем их по уздцы, чтобы можно было быстро отступить в случае непредвиденной ситуации и вернуться к основной группе путешественников.

Молодой командир пожимает нам руки с нервной дрожью, которую он пытается скрыть за внешней невозмутимостью.

К нам присоединяются два наиболее физически сильных поселенца. Я отвязываю Мирадора, даю ему понюхать шарф мисс Мэри, и славная собака как будто понимает, что мы от нее ожидаем. Она жалобно скулит, делает несколько шагов по моей команде и увлекает нас за собой.

Как ни хотели МакКроули и молодой Ричард присоединиться к нам, они должны остаться, чтобы подготовиться к решающей битве, которая вскоре предстоит. К тому же наша роль заключается не в том, чтобы атаковать, а, напротив, действовать осторожно, не выдавая своего присутствия.

Мы идем быстро и бесшумно по траве и мху, которые заглушают шаги. Для меня и Тома тьма непроницаема, тогда как четверо моих спутников сохраняют с вечера удивительное свойство, весьма ценное в данный момент, — видеть в темноте. Я уверенно иду за своей ищейкой, которую взял на поводок, опасаясь, что, несмотря на все свое послушание, в какой-то момент она может рвануться к добыче.

Вскоре мы поворачиваем на восток, следуя безошибочному нюху умницы Мирадора. Поскольку абorigены могли разделиться на несколько групп, время от времени я даю понюхать ему шарф мисс Мэри.

Мы идем уже три четверти часа. Пройдено, по меньшей мере, четыре километра. Абorigены опередили нас не более чем на час, и мы вскоре настигнем их.

Сириль временами наклоняется к земле и рассматривает травяной покров. Он обладает удивительной способностью различать следы и дейст-

топором или камнем. Напали на них, несомненно, сзади, судя по характеру ран.

Я боюсь, что повреждены черепные коробки, и раздвигаю волосы с чрезвычайной опаской. К счастью, страхи не оправдались. У обоих черепа невредимы, и содрана только кожа. Возможно, что сила удара была смягчена шлемами и вызвала лишь потерю сознания.

Глоток рома, который я вливаю каждому, с трудом разжав их зубы, возвращает обоих к жизни.

Робартс поднимается, блуждающим взором смотрит на окружающих и взволнованно спрашивает:

— А где мисс Мэри?

Услышав этот вопрос, Эдвард одним прыжком вскакивает на повозку, в которой должна находиться его сестра. Через несколько секунд он появляется вновь, и страшное предчувствие леденит нашу кровь, когда он восклицает душераздирающим голосом:

— Моя сестра! Мэри! Ее нет!

Нет нигде и майора, и его друга сэра Рида. Мы обыскиваем поле битвы и прилегающую к нему местность... Безуспешно!

Приходится признать неумолимый факт. Отсутствуют шесть человек, а именно — сэр Харви, сэр Рид, герр Шэффер, канадец Фрэнсис, мисс Мэри и Келли. Они — в плену у аборигенов!

Глава VIII

Это страшное открытие на какой-то миг приводит всех в растерянность. Все суетятся, взволнованно дают советы, которые никто не слушает, предлагают всякие несурзные планы. Только Эдвард, морской офицер, не потерял головы. Он мужественно старается не думать о свалившемся на него горе и пытается найти средство, чтобы спасти положение. Это человек неиссякаемой энергии, завоевавший доверие всех тем, что благодаря своему хладнокровию сумел обеспечить победу над аборигенами. Обращаясь к тем, кто еще возбужден недавней битвой и не избавился полностью от тяжелого воздействия пасленовых, которыми был отравлен источник, он призывает сохранять спокойствие.

— Господа, — говорит он, — ваши мнения в общем сводятся к тому, что нужно как можно скорее найти похитителей и вырвать у них жертвы. Для того чтобы успешно провести эту операцию, необходимо действовать с величайшей осторожностью. Сердце побуждает меня нестись вдогонку за похитителями, но долг повелевает остаться здесь. Мсье Б..., ваш Мирадор обладает удивительным нюхом, он любимец моей сестры, которая его часто ласкала и кормила всякими лакомствами. Считаете ли вы, что он сможет, не подавая голоса, чтобы не привлечь внимания врагов, повести вас по следам аборигенов?

— Я в этом убежден, Эдвард. Моя собака — ишейка, она не подает голоса, когда я иду с ней по следу. Дайте мне какой-нибудь предмет, принадлежащий мисс Мэри, Мирадор его понюхает и, уверен, приведет нас к нужному месту.

— Прекрасно! Робартс, дорогой друг, хватит ли у вас сил сопровождать мсье Б...?

этого укрытия можно было видеть противника со всех сторон, не боясь нападения с тыла. Оружие — под рукой. Каждый занимает свое место. Часовые, отобранные из наиболее крепких людей, располагаются в углах. Лошадям спутываем ноги, собак привязываем под повозками. Бедные животные еще больны, и я очень боюсь их потерять. Какое-то время они чувствовали себя лучше, но теперь у собак снова начались конвульсии.

Настала ночь. Все забылись в тревожном сне. Я же не могу заставить себя закрыть глаза, охваченный мрачными предчувствиями. Благоприятное действие калабарских бобов очевидно, но отравление было настолько сильным, что вызванная им сонливость еще окончательно не прошла.

Только бы не проявились вновь все последствия отравления!

Мое лекарство оказало волшебное действие на нервный организм мисс Мэри. Она впечатлительна, как ребенок, и удивительно хорошо воспринимает лекарство, судя по той терпеливости, с которой пьет отвратительный по вкусу напиток. Состояние у нее улучшилось, восстановилось зрение, и мисс Мэри отчетливо воспринимает все окружающее.

Когда я сказал ей, что причина всеобщего недомогания — отравление источника аборигенами, первые слова, которые у нее вырвались, были мольбой простить их.

— Бедные люди, — сказала она. — Их поступки вызваны голодом. Они не имеют ни малейшего представления о гуманности — это несчастные жертвы невежества и нищеты.

— Весьма сожалею, мисс, что не могу разделить ваши иллюзии. А что, если бы вы все умерли? Простить дикарей, которые отравили вас именно для того, чтобы съесть? Достойны ли они вашего сожаления в большей степени, чем волк или тигр, которые вас растерзают?

— Но, мсье, эти несчастные тем не менее — человеческие существа. Надо попытаться их обучить, проповедовать им Евангелие. Я слышала, что некоторым миссионерам удавалось с помощью кротости добиться замечательных успехов.

— Возможно, мисс, но сегодня на это у нас нет времени.

— Ну, хорошо. Однако обещайте мне, что, если мы их встретим, вы не прибегнете к насилию. Если бы вы знали, как я страдаю, когда вижу, что проливается кровь!

— Если не удастся закончить дело миром, нам придется защищаться.

— Несомненно, но стреляйте только в крайнем случае.

Я подвожу мисс Мэри к ее повозке, которая находится в самом центре пересечения креста св. Андрея. Она укладывается рядом с верной Келли, пожелав мне спокойной ночи. У входа в повозку под одним покрывалом по-братски расположились два колосса — Робартс и Сириль. Теперь я спокоен: думаю, любовь восторжествует над недугом.

Десять часов! Под сенью огромных деревьев совсем темно, лишь на небе мерцают звезды. Их слабый свет не доходит до нас.

После всех дневных волнений и переживаний я, кажется, засну. Звезды танцуют... Деревья тянутся все выше...

Вдруг огненная вспышка, сопровождаемая звуком выстрела, заставила меня вскочить... «К оружию!»... «К оружию!»... Посветлело: это отблески выстрелов из револьверов. Тут же раздаются нечеловеческие вопли. Жалобно коооуют собаки. Фыркают лошади. До нас доносится зловещее: «Кооо-мооо-хооо-эээ!» Аборигены!

С трудом различаю во тьме плотную группу бесноватых фигур. Несмотря на филантропические советы мисс Мэри, я стреляю в самую середину толпы.

Вопли аборигенов усиливаются. Но почему стрельба не оказывает должного действия? Наступающие, вначале захваченные врасплох, снова надвигаются всей толпой. Половина путешественников еще спит. Этого я и боялся. Усыпляющее действие наркотика не прошло.

На каждого боеспособного члена экспедиции приходится более чем по двадцати противников!

Какой бой! Десять раз за одну секунду я оказываюсь совсем близко к каннибалам. К счастью, наше ничтожное число компенсируется огнестрельным оружием. Кроме того, мы физически сильнее своих врагов. Это нас спасает. Наконец одурманенных людей пробуждает оглушительный шум, поднявшийся вокруг. Они тоже берутся за оружие.

Мои глаза постепенно привыкли к темноте, и я вижу, что те из нас, кто только что проснулся, не промахнулись ни разу. Можно сказать, что в темноте они видят так же ясно, как среди бела дня, настолько метко они стреляют.

Конечно, аборигены намного превосходят нас по численности, и желание завладеть караваном, который представляет для них неслыханное богатство, дает им новые силы.

Создается впечатление, что они вырастают буквально из-под земли! Мы уже расстреляли все патроны из револьверов и карабинов и вступаем в рукопашную схватку. Ну что ж! Каждый начинает действовать топором, ножом, прикладом, рукояткой револьвера.

Но так долго продолжаться не может, и нас теснят. А ведь к аборигенам подходят все новые подкрепления.

Битва во тьме, глухие удары по человеческим телам, крики ярости и хрипы умирающих — все это приобретает страшный, фантастический характер.

Несколько аборигенов проползли к повозкам, чтобы взобраться на них. Новая тревога охватывает нас: противник овладевает инициативой. Неужели все кончится тем, что нас съедят?

Но нет, об этом, видимо, еще рано думать. Именно в тот момент, когда на нас надвигается новая волна атакующих, звучный голос кого-то из наших, перекрывая шум, подобно голосу моряка, отдающего команды в бурю, кричит:

— Ложись! Все — на землю!

Команда выполняется мгновенно, и сразу же тьму прорезает серия вспышек. Нас оглушают выстрелы, следующие непрерывной чередой. Град свинца обрушивается на аборигенов, которые тут же разбегаются с дикими воплями.

Мне знакомы эти выстрелы — пулемет! Bravo! Как раз вовремя!

Положение резко меняется. Призыв аборигенов к сбору звучит в последний раз: все они исчезают.

Трое из наших как будто тяжело ранены. Остальные перепачканы кровью... Но после первого же осмотра выясняется, что ранения поверхностные и неопасные.

Все окружают и поздравляют Эдварда и Ричарда, которые поставили пулемет на лафет и тем самым выиграли битву, поливая пулями атакующих.

Но я не вижу ни майора, ни сэра Рида. А где Робартс и Сириль? Поскольку все еще темно, прошу осветить мне. Я весь дрожу: вдруг найду их тела среди трупов, усеявших землю.

— Зачем свет? — спрашивает МакКроули. — Я прекрасно и так различаю все предметы.

— Что? Вы все видите?

— Конечно.

— И я тоже, — говорит Эдвард.

— И я, — подхватывает его брат.

Любопытное физиологическое явление. Сегодня днем никто ничего не видел, кроме меня, а сейчас все вдруг стали никталопами¹.

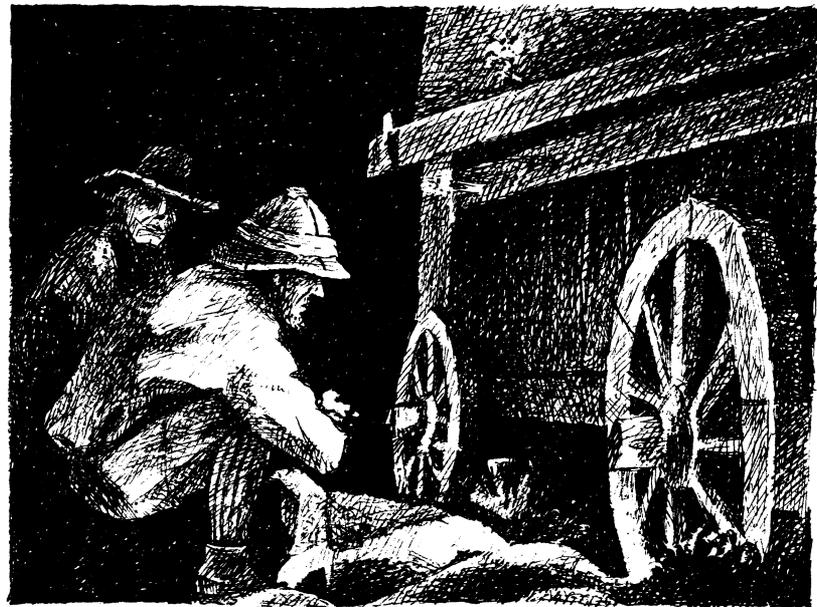
— Робартс! Сириль! Где же они?

Глухой стон раздается в ответ на мои возгласы. Я бросаюсь вперед и натякаюсь на распростертые тела, одно рядом с другим.

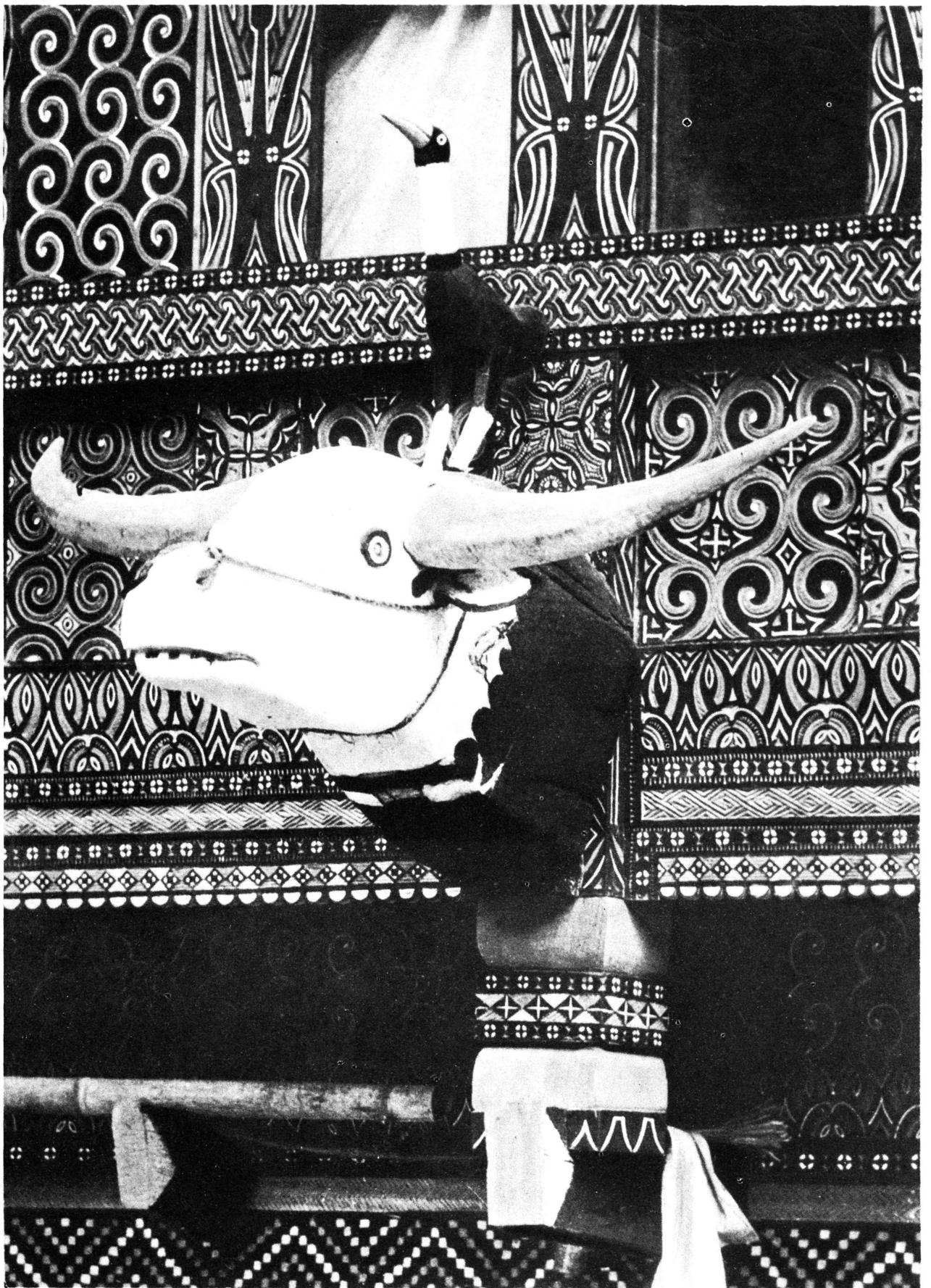
Это лейтенант и мой бедный босеронец. Они лежат возле повозки, где находятся мисс Мэри и Келли. Семь или восемь бездыханных аборигенов валяются вокруг них в позах, которые свидетельствуют, что здесь развернулась жестокая битва.

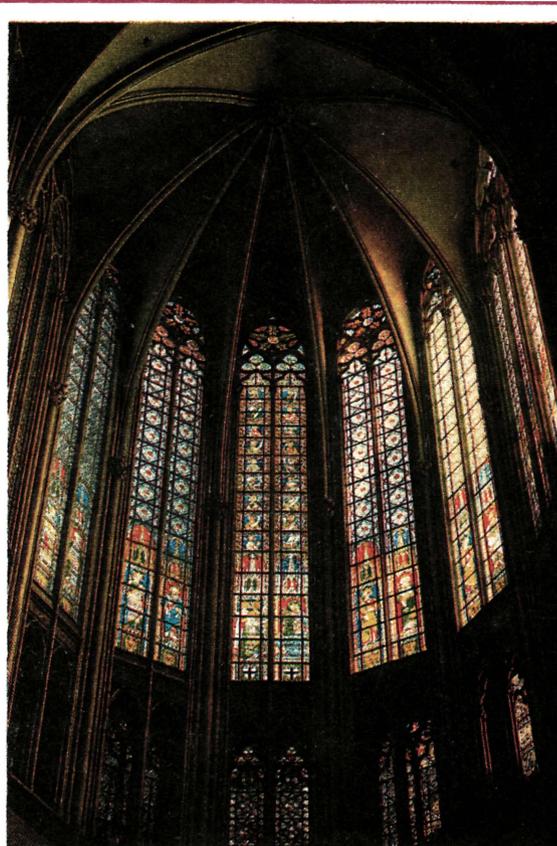
У обоих на головах раны, нанесенные, вероятно, чем-то тяжелым —

¹ Никталоп — человек, видящий ночью.

Они лежат возле повозки, где находятся мисс Мэри и Келли.

ВСЕМИРНОЕ НАСЛЕДИЕ

(Окончание. Начало см. на стр. 49)

По узкой винтовой лестнице в 509 ступеней мы поднимаемся на соборную башню. Под нашими ногами весь Кельн и светлая лента могучей и спокойной реки. Вспоминаются строки любимого мною с детства Генриха Гейне: «В волнах прекрасного Рейна, как в зеркале, видит взор венец чудесный Кельна — великий дивный собор!»

...Мы с Лео долго ходим по узким кельнским улочкам и переулкам, гуляем по набережной. Отовсюду видны поднимающиеся над крышами домов острокерхие башни собора. И мне представилось на миг, что это не творение из камня, а волшебный корабль с высокими мачтами, устремленный в широкие просторы Рейна. Я читаю Лео стихи Александра Блока, прославлявшего «Кельна дымную громаду», создание «германского гения», рассказываю о том, что великий Достоевский рыдал от восхищения на ступенях Кельнского собора. Мой собеседник внимательно слушает, гордый и довольный.

Кельн

Индекс 70142
Цена 80 коп.

ВОКРУГ
СВЕТА